

СМЕНА

№ 13 июль 1979

**БИБЛИОТЕКА
В УРЕНГОЕ—
ВСЕЙ СТРАНОЙ!**

ВСЕМ МИРОМ

Год... Да, в дни, когда бригада «Смены» прилетела в Уренгой на открытие библиотеки, исполнился год со дня рождения идеи. Год со дня рождения ударного отряда имени XVIII съезда комсомола.

А началось вот как.

Год назад, в апреле 1978-го, по новой — волнующей и трогательной — традиции прямо из Кремлевского дворца, прямо с комсомольского съезда, на Тюменский Север поехал ударный отряд.

Емкая, прекрасная, сложная категория — ударный комсомольский отряд наших дней. Окинем взглядом недавнее прошлое. Ехали ребята строить Магнитку. Иные — в лаптках. В одежде непонятно какого покроя. С мешком, к которому приторочены лямки. Лопата да

лошадь с телегой — вот тебе и все орудия производства, вся механизация. Ехали отряды в Комсомольск. Неделями добирались до стройки. Потом, после войны, восстанавливали Сталинград. Восстанавливали заводы, электростанции. Поднимали целину. Строили Братск. И всегда, всегда — миром: эшелонами, отрядами. Вместе.

И не то чтобы одиночкам не под силу такие дела — и одиночек можно организовать, можно их сплотить обычными хозяйственными приемами — в бригады, в какие-то коллективы, а потому что собственными отрядами да еще под стягами комсомола работать веселее, бойчей, ходче.

Вот потрясающий документ двадцатого года — записка комсомольца своему секретарю:

«Явиться на субботник 16/VIII не могу, так как сижу босиком. Сапоги отданы в

ЭТИ КНИГИ СО СВОИМИ АВТОГРАФАМИ ПОДАРИЛ БИБЛИОТЕКЕ В УРЕНГОЕ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ТОВАРИЩ ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ.

починку, а занять на сегодня не у кого. Клыков».

Чувство обязательности, чувство долга и чувство локтя, мужество, подвижничество, безотказность — много добрых нравственных категорий рождали комсомольские отряды прошлых десятилетий, вписывая в историю своей организации истинно героические строки.

Нынешние ударные отряды как бы впитали все лучшее, что завоевано до них. Но нынешние — совсем другие. Нет проблем с сапогами, на съезд пришли ребята в аккуратных форменках; в них, с эмблемами отряда, работают и сейчас.

Техника? В Уренгое мы видели мощные оранжевые «Магirusы» — самосвалы, способные перевезти огромные грузы. Для нынешних ребят проблемы техники, еды, быта отходят как бы на второй план, уступая место проблемам истинно значительным — профессионализму, организации труда, качеству работы, целесообразности тех или иных решений.

И еще. Духовность. В ней, независимо от того, какая на дворе эпоха, всегда нуждается человек. И в далекую пору Комсомольска и Магнитки газета, книга, фильм были жданной радостью, событием, которое наполняло жизнь и делало работу осмысленной.

Это долгое отступление понадобилось мне для того, чтобы решение «Смены», вот уже двенадцать лет шефствующей над освоением тюменских нефти и газа, стало понятней нашим читателям. В идею, родившуюся год назад, закладывался социальный аспект, ее необходимость подсказывало само движение жизни.

Примерно в те же дни Союз писателей СССР наградил журнал своей премией за литературно-критическую работу. Премияльный диплом редколлегия поставила в редакционный музей как почетную реликвию, а денежную часть премии мы решили использовать так: купить на них книги и послать с ударным отрядом имени XVIII съезда комсомола в Уренгой. Над обустройством этого газоконденсатного месторождения, крупнейшего, кстати, в стране, играющего важную роль в экономике государства, мы взяли в ту пору особое шефство.

Так и сделали. Ящики с книгами «сели» в поезд, потом «пересели» в самолеты и прибыли год назад в Уренгой.

А теперь самая пора рассказать, что такое Уренгой. Библиотека открылась двенадцатого мая, а одиннадцатого мы летели на спецрейсе почти через всю европейскую часть страны, через Печеру, над Северным Уралом, к краю Полярного круга. Внизу, под нами, полыхала весна. Зеленые леса, поля, тронутые

В ТЕ МАЙСКИЕ ДНИ ЗЕМЛЯ ТЮМЕНСКОГО СЕВЕРА ЕЩЕ БЫЛА УКУТАНА ПЛОТНЫМ СНЕГОМ.

изумрудом озими. Даже в Печере нас встретил разлив. Но когда мы подлетали к Уренгою, земля оказалась укутанной плотным снегом. Двенадцатого мая, в день открытия библиотеки, температура была там минус семь градусов, дул пронизывающий ветер, а в день отлета автобусы, которые везли делегацию к аэродрому, застряли в снегу. Вот что такое Уренгой. Нынешней зимой там

Признаться, возникла эта мысль не в Москве, а в городе Кирове. Неподалеку от него есть маленький городок Ново-Вятск, а там комбинат древесных плит, где строят деревянные домики; делают там и домики в северном исполнении, утепленные. Поговорили с дирекцией, с конструкторами, с комсомольским комитетом. Разговор шел осторожный, прикидочный—ведь, кроме идеи, ничего не

ОТ ПРОЕКТА
ДО РЕАЛЬНОСТИ...
ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ
СПАДЕТ ПОКРЫВАЛО.
ОТКРЫВ КРАСНУЮ ВЫВЕСКУ
СО СЛОВАМИ
«БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ
ЖУРНАЛА «СМЕНА».

заактирован не один десяток дней. Это означает, что мороз был такой, при котором рассыпается железо и работать нельзя. Тогда составляется акт, день считается заактированным, признанным невозможным для работы.

Вот в этот самый Уренгой, где, вполне понятно, и до них жили и трудились люди, приехала подмога—ударный отряд.

Духовная жизнь в таких отдаленных, а порой просто отрезанных—в непогоду—местах особенно важна. Несколько ящиков с книгами, которые купила редакция на свою премию, оказались кстати, им выделили даже особый уголок в общежитии, наподобие передвижки, сразу дав этому уголку имя: «Библиотека «Смены»».

Но разве может решить этот уголок, эта передвижка серьезные проблемы?

И вот тогда родилась новая идея—построить библиотеку. А книги собрать всем миром, обратившись к читателям.

было. Но важно, что, хоть разговор и осторожный был, шел он на встречах курсах. Вятские—народ сердечный, им не все равно, что и как происходит в любом другом месте. В том числе и на Тюменском Севере. В самой Кировской области проблем, как говорится, полон рот—Нечерноземье, все этим сказано, вятским и самим неплохо бы такую библиотеку иметь. Но поняли. Никто не сказал того, о чем я сейчас пишу.

Вначале договорились с Ново-Вятском вот о чем: на базе трех трехквартирных домов в северном исполнении они сделают специальный проект библиотеки. Вот и все. А наше дело решать остальное.

И здесь всех, кому дорога наша библиотека, я прошу запомнить это имя: Юрий Петрович Баталин. Заместитель министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, человек, проработавший в Тюмени не один год, исходивший и излетавший эту землю вдоль и поперек, один из

ее первых освоителей, человек истинно легендарной судьбы.

Признаюсь откровенно, дорогие читатели, на мой взгляд, Юрий Петрович Баталин—один из «эталонных» администраторов. Встреча с ним представителем «Смены» проходила не более четверти часа. За эти минуты нашлись фонды, деньги на строительство и оборудование библиотеки, решены все главные проблемы, так сказать, материального характера. С полуслова поняв нашу идею, Баталин не только принял ее, но и включил все необходимые «рычаги». Хочу заметить, больше к Баталину мы не обращались. Все делалось само собой—настолько сильной оказалась инерция движения, приданная мгновенными и точными решениями заместителя министра.

Я считаю, что сказать об этом необходимо, хотя обычно такие темы остаются как бы в тени. Редакции не раз и не два приходилось сталкиваться с проблемами организационно-управленческими.

Заниматься этим—обязанность журналиста. И как было бы легко и просто, если бы всегда и всюду все понималось и решалось так же легко и сердечно, как была решена наша проблема Юрием Петровичем Баталиным.

Как ее решали потом Юрий Васильевич Андрейчев, начальник «Главнефтегазснабкомплекта» Министерства строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР, Владимир Петрович Курамин, начальник «Главтюменьнефтегазстроя», организации, работающие на обустройстве Уренгойского газоконденсатного месторождения.

Итак, материальная сторона дела решалась благополучно. «Смена» выходила на новый этап. Библиотека закладывалась на 25 000 томов. Нешуточное дело, если учитывать, что книг не хватает, существует даже термин «книжный голод». К тому времени уже подспел проект, который мы тотчас утвердили. Здание строилось прямо в Ново-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 13 (1251) ИЮЛЬ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
**ПЕРЕДВИЖКА
БИБЛИОТЕКИ «СМЕНИ»
В УРЕНГЕ
ПРИБЫЛА
НА БУРОВУЮ.**

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

- 1** Альберт ЛИХАНОВ,
главный редактор журнала «Смена»,
«ВСЕМ МИРОМ».
- 8** Рассказ Георгия ВАСИЛЬЕВА
«САМОРОДОК».
- 11** Стихи Владимира МОЩЕНКО.
Сергей ХОХЛОВ. «ОН ЖИВ...».
- 12** С НАМИ ГОВОРIT ЛЕНИН.
Валентин ЧИКИН.
«САМАЯ ЦЕЛЕБНАЯ, САМАЯ ЛУЧШАЯ ПОВЯЗКА».
- 14** АВТОБИОГРАФИИ.
Валентина ХЕТАГУРОВА.
«...И СЛЫШИТСЯ НАША МЕЛОДИЯ».
- 18** Повесть Леонида СЛОВИНА
«ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО».
- 23** ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 24** «ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР».
Фоторепортаж Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 26** Владислав БАХРЕВСКИЙ.
«ЗАПАХИ ЗЕМЛИ».
- 28** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
«ПОЕЗД БЕЗ... КОЛЕС».
- 30** Стихи Александра ШЕВЕЛЕВА, Амира МАХМУДОВА
и Владимира МАТВЕЕВА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1979 г.

Вятске, редакции оставалось решить две важнейшие задачи: собрать книги и перебросить здание в пакетах на точку.

Начали с книг. Рассказали о библиотеке, напечатали маленькую картинку—общий вид здания. Обратились к народу.

Скажу честно, бывают мгновения в жизни тех, кто делает журнал, что ты ощущаешь какую-то пустоту. Печатается статья—вроде бы важная, толковая, хорошо написанная, а от читателя ни слуху ни духу. Вроде бы его и нет. Вроде бы журнал ушел в никуда, в безвоздушное пространство. Нет, нет, не подумайте, что мы утратили связь с вами, напротив, в прошлом году «Смена» получила рекордное число писем—больше сорока тысяч, и на многие выступления мы получаем массу откликов. Но такого всенародного отклика, который начался после рассказа о библиотеке, не было никогда.

В нас точно вдохнули новые силы. Нас знают! И если не всегда откликаются на наши выступления, то всегда следят за нами. И откликаются на первый же зов.

Много-много раз к горлу подкатывал комоч. Необъятна человечность нашего народа. Не измерима ничем. Шли посылки, бандероли, приходили письма, телеграммы. Каждый или почти каждый рассматривал книги для уренгойской библиотеки как свой кирпичик в прекрасное дело строительства Тюменского Севера. Простое дело обрело новое—патриотическое—содержание.

Книги собирали и присылали пионеры со всех концов страны, мы сделали для

БИБЛИОТЕКА В УРЕНГОЕ—ДЕТИЩЕ СОТЕН И СОТЕН ЛЮДЕЙ СО ВСЕЙ НАШЕЙ СТРАНЫ. КОМСОМОЛЬЦЫ НОВО-ВЯТСКОГО ЗАВОДА ДРЕВЕСНЫХ ПЛИТ ИЗ СЭКОНОМЛЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ СДЕЛАЛИ ЗДАНИЕ, КОТОРОЕ ПРИ ПОМОЩИ МОЛОДЫХ ПИЛОТОВ ТРАНСПОРТНОЙ АВИАЦИИ ВВС ПЕРЕБРОСИЛИ НА СЕВЕР И СМОНТИРОВАЛИ НА ВЫБРАННОМ МЕСТЕ.

В ТЕ ДНИ РЕДАКЦИЯ НАШЕГО ЖУРНАЛА БЫЛА ПОХОЖА НА БОЛЬШОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ. ЕЖЕДНЕВНО ПРИХОДИЛИ ПОСЫЛКИ, БАНДЕРОЛИ. КНИГИ ДЛЯ УРЕНГОЯ ПРИНОСИЛИ ПИОНЕРЫ И ПЕНСИОНЕРЫ, ЛЮДИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ И ПРОФЕССИЙ. РАССОРТИРОВАННЫЕ И УПАКОВАННЫЕ В ЯЩИКИ, ЭТИ КНИГИ ПОТОМ НА «ВОЗДУШНЫХ ГРУЗОВИКАХ» ПРИЕБЛИ К МЕСТУ СВОЕГО НАЗНАЧЕНИЯ — В НОВУЮ БИБЛИОТЕКУ.

**ЗАВЕДУЮЩЕЙ
БИБЛИОТЕКОЙ В УРЕНГОЕ
СТАЛА
НАДЕЖДА БЕНДАС.**

себя маленькое приятное открытие — оказывается, «Смену» читают и пионеры. Книги присылали пенсионеры, много, много прекрасных, добрых людей. И нам их подарки особенно дороги. Человек, вышедший на пенсию, уже много сделал в этой жизни, не так ли? Но в том-то и благородство истинно человеческого, в том-то и красота нашего человека, что пенсия для него не означает уход от жизни, уход от дел.

Однажды к нам пришла старушка, принесла десяток книг. Когда ее попросили назвать имя — а мы решили называть имена всех, кто подарил книги Уренгою, — она решительно отказалась. «Это мой подарок, и все. Хочу, чтоб ребята читали там книги. Остальное — неважно».

После возвращения из Уренгоя, с торжественного открытия библиотеки, мы получили письмо от москвички Валентины Петровны Андреевой, которая уже подарила нам сто книг. Это просто свежее письмо, и таких писем от пенсионеров получено огромное множество.

«Для уренгойской библиотеки я привезла еще 50 книг. Сама привезти не могу, но имею возможность помочь вам. У меня есть сейчас семь абонементов за макулатуру. Я могу их вам подарить для Уренгоя. Абонементы на книги Уэллса «Человек-невидимка» и «Борьба миров». Дальше я могу собирать макулату-

**НА РИСУНКЕ
ВЕНИАМИНА КОСТИЦЫНА —
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ МИТИНГ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ОТКРЫТИЮ БИБЛИОТЕКИ.**

ру, сдавать ее, абонементы дарить Уренгою. Если согласны, позвоните, пожалуйста, по телефону. Корысть у меня в этом деле только одна — быть чем-то полезной Родине. Без дела не могу».

Однажды редакция получила перевод на пятьдесят рублей. Прислала его мать троих детей. Я думаю, каждый понимает: для семьи, где трое детей, пятьдесят рублей не пустяк. Но мать написала примерно так: «Я и мои дети не хотим остаться в стороне от вашего дела. Хорошие книги купить трудно, так что мы просим редакцию истратить эти деньги на художественную литературу».

Я больше не буду приводить примеров. На протяжении нескольких месяцев, из номера в номер, мы печатали имена дарителей книг, цитировали их письма.

Нам, «сменовцам», остается только низко, в пояс, поклониться всем, всем, всем, кто понял нас, кто прислал свои книги для библиотеки. Хочу сообщить и засвидетельствовать: все ваши книги, дорогие наши читатели, стоят на полках в нашей общей библиотеке, у самого ободка Полярного круга! Честь вам и хвала, прекрасные, добрые люди! Все 25 тысяч книг, весь объем библиотеки собран, обработан стараниями персонала нашего культурного центра — приклеены карманчики, выписаны формуляры, книги внесены в каталог — и строители Уренгоя уже взяли эти книги в руки.

Дело сделано!

Но дело это все-таки не было бы сделано, если бы не многие и многие государственные, общественные деятели, организации и ведомства, которые помогли «Смене», помогли Уренгою.

Ново-вятские комсомольцы, инженеры КБ сделали проект здания. Рабо-

чие — из сэкономленных материалов сделали здание, уложили его в пакеты, а потом, когда пакеты были доставлены в Уренгой, осуществили шеф-монтаж здания там, на Севере.

Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Советской Армии Николай Васильевич Огарков откликнулся на просьбу ЦК ВЛКСМ и редакции: для переброски груза нам

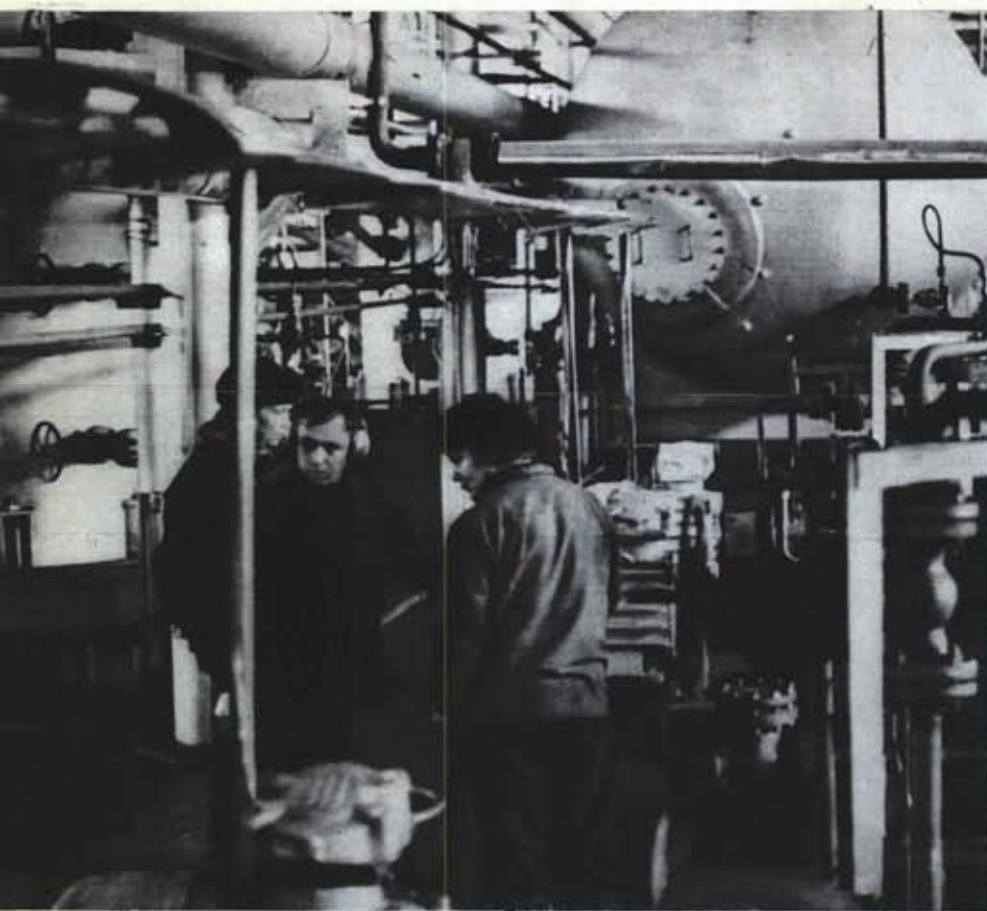
**25 ТЫСЯЧ ТОМОВ КНИГ
ПРОДУМАННО
И СО ВКУСОМ РАЗМЕЩЕНЫ
В ПРОСТОРНЫХ ЗАЛАХ
БИБЛИОТЕКИ
ОБЩЕЙ ПЛОЩАДЬЮ
300 КВАДРАТНЫХ МЕТРОВ.**

ЧИТАТЕЛЬСКИЙ БИЛЕТ НОМЕР ОДИН ВРУЧЕН КОМАНДИРУ ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО ОТРЯДА ИМЕНИ XVII СЪЕЗДА ВЛКСМ ПЛОТНИКУ ПАВЛУ БАРЕВУ, А СРЕДИ САМЫХ ЮНЫХ ЖИТЕЛЕЙ УРЕНГОЯ ПЕРВЫМ ЧИТАТЕЛЕМ НОВОЙ БИБЛИОТЕКИ СТАЛ ПОБЕДИТЕЛЬ КОНКУРСА ЧТЕЦОВ ШЕСТИКЛАССНИК ОЛЕГ РАШНИЛОВ.

ДАЛЕКО ЗАПРЯТАЛА ПРИРОДА СВОИ ПОДЗЕМНЫЕ БОГАТСТВА. ТОЛЬКО САМОЛЕТОМ МОЖНО ПОКА ДОЛЕТЕТЬ В ЭТИ КРАЯ. НО ОБЖИВАЮТ ЛЮДИ ПРИПОЛЯРНУЮ ТУНДРУ, ВОЗВОДЯТ НА НЕЙ ПОСЕЛКИ, ГАЗОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ.

выделили самолеты транспортной авиации ВВС, и «воздушные грузовики» под командованием молодых пилотов доставили здание на место.

Министр культуры РСФСР Юрий Серафимович Мелентьев помог получить библиотеке современное оборудование: астраханский завод сделал для Уренгоя стеллажи, кафедры для выдачи книг, каталоги.

ЦК ВЛКСМ принял специальное решение о материальной помощи библиотеке. Этим постановлением особо оговорено: в Уренгой будут постоянно приезжать бригады деятелей литературы и искусства, там будут устраиваться выставки, конференции. Комсомол поможет реализоваться важной идее, заложенной попутно: библиотека должна стать духовным центром поселка, а не только книжным хранилищем.

Председатель Госкомиздата СССР Борис Иванович Стукалин дал распоряжение передавать Уренгою книги из числа обязательных экземпляров, поступающих в комитет.

Секретариат правления Союза художников СССР передал в дар библиотеке двадцать восемь произведений советских художников. В своем письме к молодым уренгойцам председатель правления, народный художник СССР Николай Пономарев подчеркнул: «На-

деюсь, что радость общения с искусством доставит удовольствие труженикам сурового тюменского края».

Я не случайно перечисляю людей и ведомства, поддержавшие нас. Эта поддержка стала как бы официальным признанием нашего дела, его важности, его нужности.

Редакция обратилась с письмом к деятелям литературы, искусства, видным советским военачальникам, общественным деятелям с просьбой подарить книги с автографами для «Золотого фонда» библиотеки. Сегодня уже есть 700 таких книг. Это особое украшение, особая гордость уренгойцев. Свои книги прислали выдающиеся советские писатели, художники, актеры, режиссеры, маршалы, генералы, Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинской премии, Государственной премии СССР, Государственных премий республик, премии Ленинского комсомола.

И вот настала торжественная пора. Назначен день открытия библиотеки—12 мая.

В редакции особое волнение—особое ожидание.

С гордостью, с душевным волнением сообщая всем, кому библиотека на Тюменском Севере дорога: о библиотеке знает Генеральный секретарь Центрального Комитета КПСС, Председа-

тель Президиума Верховного Совета СССР наш дорогой Леонид Ильич Брежнев. Он подарил ей четыре свои книги: «Малая земля», «Возрождение», «Целина» и сборник выступлений «Молодым строить коммунизм». Эти книги переданы уренгойцам и хранятся в почетном месте—на специальном стенде под портретом Леонида Ильича.

И молодые строители и мы, сменовцы, рассматриваем этот подарок как отеческое внимание Леонида Ильича к молодежи, к ее труду на тюменской земле, к тому делу, которому отдают молодые северяне свои силы. А дело—истинно великое. Уренгой становится главным газовым источником в стране.

И вот последний этап.

В делегацию «Смены» на торжественное открытие библиотеки вошли наши герои—член редколлегии журнала лётчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виталий Севастьянов, трехкратная чемпионка мира по конькам, первая советская чемпионка мира Мария Исакова, заслуженный штурман СССР, известный исследователь Арктики Валентин Аккуратов, поэтесса Людмила Щипахина, журналист-международник Андрей Левин, главный редактор молодежного экспериментального объединения киностудии «Мосфильм» Кирилл Замошкин, кинорежиссер Вита-

лий Тарасенко, актриса Людмила Ларионова, которые, кстати, привезли в Уренгой три фильма, которые Москва еще не видела.

В Уренгое было много трогательных мгновений. И две встречи в школе—с малышами и старшеклассниками, и встреча с бойцами ударного отряда имени XVIII съезда комсомола, и подписание договора о творческом содружестве между Уренгоем и «Сменой», и большой вечер встречи со строителями и газовиками, на котором редакция вручила два специальных переходящих приза и вымпелы победителям соревнования. Но главным и самым трогательным событием стало открытие библиотеки—многолюдный торжественный митинг. Людскую толпу окружило каре из автомобилей. Это были самосвалы, бензовозы, грузовики. Шоферы подъехали к митингу, побыли на нем, а потом уехали дальше, на работу.

Дорогие читатели, мы, делегация «Смены», стоя на крыльце нашей библиотеки, которой, кстати, уренгойцы присвоили имя журнала, старались смотреть на людей, пришедших к библиотеке, вашими глазами. И хотим отчитаться. Эти люди, их взгляды, их глаза, их лица, весь этот народ, собравшийся к библиотеке и смотревший на нас—а значит, и на всех вас—благодарно.

ВИТАЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ ПЕРЕДАЛ УРЕНГОЙЦАМ ДРУЖЕСКИЙ ПРИВЕТ ОТ ОТРЯДА КОСМОНАВТОВ.

СРЕДИ ПОЧЕТНЫХ ГОСТЕЙ НА ОТКРЫТИИ БИБЛИОТЕКИ БЫЛА ГЕРОИНЯ ЛЕДОВЫХ ДОРОЖЕК МАРИЯ ИСАКОВА.

ИЗВЕСТНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ ШТУРМАН ВАЛЕНТИН АККУРАТОВ НА ЭТОТ РАЗ БЫЛ СРЕДИ ПАССАЖИРОВ САМОЛЕТА, ПРИЗЕМЛИВШЕГОСЯ В УРЕНГОЕ.

ТЕПЛО ВСТРЕТИЛИ КОМСОМОЛЬЦЫ ПРИПОЛЯРНОГО ПОСЕЛКА НОВЫЕ СТИХИ ЛЮДМИЛЫ ЩИПАХИНОЙ.

ДОЛГО НЕ ОТПУСКАЛИ ШКОЛЬНИКИ ЧЛЕНОВ ДЕЛЕГАЦИИ «СМЕНИ».

Фото Альберта ЛЕХМУСА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

стоят того, чтобы служить им, чтобы собирать им книги, чтобы хоть чем-то помочь им в их непростой работе и в их нелегкой жизни!

Было такое мгновение. Когда ленточку перерезали и я, по служебному долгу, пригласил читателей в библиотеку, между космонавтом Севастьяновым и Павлом Баряевым, бригадиром плотников, депутатом Верховного Совета СССР, командиром отряда, которому заведующая библиотекой Надя Бендас вручила читательский билет номер один, вдруг проскользнула малышка в розовом капюшоне и, ни у кого не спрашиваясь, первой пересекла ту невидимую черту, за которой начинались книги. Космонавт и плотник дружно рассмеялись. Это вышло символично—первой читательницей стала девочка, которая, пожалуй, еще не умеет читать, но которой уже сейчас принадлежит эта библиотека и книги, собранные всей страной.

Какая наша библиотека? Об этом, пожалуй, лучше слов расскажут фотографии. Поясню только: читальный зал и абонемент—общей площадью 300 квадратных метров. Светло и уютно, полы укрыты голубым ковролитом, и от этого ощущение праздника, ощущение оазиса.

Это чувство особенно укрепляется,

когда выходишь на улицу: в середине мая холодный, пронзительный ветер.

А еще в библиотеке есть закрытое помещение для дополнительного фонда, детский абонемент, фонотека, кабинет заведующей и, естественно, гардероб.

Надя Бендас утверждена заведующей. Мы уже писали о том, что у нее большой опыт работы. Открытие подтвердило это: в библиотеке с десятком книжных выставок, оформленных постоличному, с большим вкусом. Поставить библиотечное дело по-современному помогли Наде работники тюменской областной и республиканской юношеской библиотеки, много добровольных друзей. В свое время Наде были вручены в Москве комсомольская путевка и удостоверение заведующей библиотекой «Смены». Можем доложить читателям, что право носить путевку и быть членом редакционного коллектива Надя оправдывает с честью.

И еще об одном, очень важном.

В открытии библиотеки приняли участие секретарь Тюменского обкома партии Г. Д. Лутошкин, первый секретарь Надымского горкома КПСС Е. Ф. Козлов, первый секретарь Тюменского обкома ВЛКСМ Г. Д. Чеботарев, управляющий трестом «Уренгойгазпромстрой» Ю. А. Струбцов, директор объединения

«Уренгойгаздобыча» И. С. Никоненко. Сердечные, радушные это люди! Верно понявшие идею, сумевшие создание библиотеки поднять на истинно партийный уровень!

Итак, библиотека открыта. И здесь надо сказать вот о чем. Восемь месяцев—это время, за которое она создана. Год—такова давность идеи. Как видите, библиотека родилась в минимальное время. Сооружение внеплановое. А как же плановые объекты соцкультбыта? И тут хочется заметить: и в Западной Сибири и в районах Нечерноземья—в главных зонах ударного комсомольского строительства—строится не так уж мало библиотек, кинотеатров, клубов, домов культуры, то, без чего невозможна настоящая человеческая жизнь. Строятся по планам, есть деньги, материалы, люди. И строятся—часто и часто—не в срок, с большим опозданием, недоделками.

Не хочу сказать, что наша библиотека—эталонное сооружение. Но ведь ее строительством ведали не специалисты, а только журналисты. Значит, спецы могут строить быстрее, в срок, качественно. Мы считаем, что наша библиотека, ее замысел и воплощение носят черты социального эксперимента, доказывающего, что строить можно быстро, добротнo, что объекты

соцкультбыта—важное дело, нужное народу. И сам бог велел строителям заниматься этим всерьез, по-настоящему.

Леонид Ильич Брежнев во время своей поездки в районы Сибири и Дальнего Востока, а потом на XVIII съезде комсомола подчеркивал: надо закреплять народ в Сибири, а это значит—создавать условия для полнокровной жизни. Полнокровная жизнь немыслима без книги, без культуры. Так что библиотеки в Сибири—да и не только там!—так же, как кинотеатры и дома культуры, надо строить, не переносить сдачу объекта из года в год, а в строгие планы. И еще лучше—до срока!

Дорогие наши друзья! Дорогие читатели! Дорогие соучастники строительства, создания библиотеки в Уренгое!

Наше дело доведено до конца. До логической точки. Мы специально опубликовали здесь много фотографий, чтобы вы все имели хотя бы какое-то представление о нашем детище. Чтобы увидели его в лицо.

Поверьте на слово—и это не хвастовство, а оценка труда тех, кто построил, смонтировал, привел ее в рабочий вид,—библиотека получилась ПРЕВОСХОДНАЯ!

Спасибо всем вам, тысячу раз спасибо!

В ДЕНЬ ОТКРЫТИЯ БИБЛИОТЕКИ БЫЛ ПОДПИСАН ДОГОВОР О ТВОРЧЕСКОМ СОДРУЖЕСТВЕ ЖУРНАЛА «СМЕНА» И ОРГАНИЗАЦИЙ, РАБОТАЮЩИХ НА ОБУСТРОЙСТВЕ УРЕНГОЙСКОГО ГАЗОКОНДЕНСАТНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ.

ПЕРЕХОДЯЩИЕ ПРИЗЫ И ВЫМПЕЛЫ «СМЕНИ» БЫЛИ ВРУЧЕНЫ ЛУЧШИМ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНЫМ БРИГАДАМ, ПЕРЕДОВИКАМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ, РАБОТАЮЩИМ В УРЕНГОЕ.

ЧИТАТЕЛЯМ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ ЖУРНАЛА «СМЕНА», БОЙЦАМ ВСЕСОЮЗНОГО УДАРНОГО ОТРЯДА ИМЕНИ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ, ВСЕМ МОЛОДЫМ ЧИТАТЕЛЯМ ПОСЕЛКА УРЕНГОЙ

Центральный Комитет ВЛКСМ поздравляет вас, молодые покорители Тюменской земли, с важным событием в вашей культурной жизни—открытием библиотеки имени журнала «Смена». Инициатива комсомольского издания, подхваченная всей страной, еще раз показала, с каким вниманием и любовью относятся советские люди к вашей работе, к вашей жизни. Тысячи книг, проделавшие путь со всех концов нашей Родины в маленький, недавно еще никому не известный поселок,—это зримое проявление истинного патриотизма, дружбы наших народов. Книги, подаренные вашей библиотеке Леонидом Ильичом Брежневым, мудрым и заботливым наставником молодежи, свидетельствуют о большой отеческой заботе нашей родной партии и Советского правительства о жизни молодых добровольцев, осваивающих богатства Крайнего Севера. В сложных условиях приходится вам работать, друзья, немало еще предстоит сделать для улучшения условий вашей жизни, но знаменательно, что одним из первых очагов культуры будущего города Уренгоя стала именно библиотека. Книга всегда была другом, советчиком и соратником всех поколений советских людей. Центральный Комитет ВЛКСМ выражает уверенность, что библиотека имени журнала «Смена» станет центром духовной жизни вашего поселка. Желаем вам, дорогие товарищи, новых трудовых успехов, творческих достижений, духовного и нравственного роста.

ЦК ВЛКСМ

САМОРОДОК

Солнца в тамошних местах не занимать. Летом оно шпарит не хуже крымского, вечную мерзлоту прогревает в глубину на метр. В эту пору запасливые хозяйственники роют ямки — под фундаменты и для прочих надобностей. Зимой оно сквозь мороз нежаркое, но светит почти всю зиму. Загар от него устойчивый и колер красивый.

Был у меня там такой случай: работал я начальником колонны — полтора десятка грузовиков. Шоферы подобрались — мастера высокого класса, и лозунг у них простой: мы работы не боимся, был бы харч. Бездорожье, бездомье, жратва — консервы, девять месяцев зимы — это для них привычная форма существования. На золото глаза не тарашили, привыкли к нему, даже золотом не называли — «металл», да и все. Да и что с ним там делать? В тех местах лист кровельного железа куда дороже: на зиму в кабине печку можно сделать. Словом, народ обкатанный, обветренный, один к одному — шапка, куртка, серые валенки. Но это на первый взгляд. Приглядишься, в глубину проникнешь — разные. А ведь приглядишься — то не сразу. В глубину — то не вдруг проникнешь. Шапку — и то каждый по-разному носит. Но дружные. Скажешь: «Ребята! Так и так. Надо сделать». И сделают. Поначалу я это на свой счет принимал. Вот я какой!.. Кинул лозунг в массы — и все как один за мной... Потом понял — они и без меня хорошо разбирались, соображали, что и когда нужно, а что и не очень.

В ту весну ходили мы на прииск «Верный». Груз обычный: техника, стройматериалы, продовольствие. Дорога тоже обычная. Километров тридцать по трассе, до ремонтного пункта, а там по пролазу — как бог даст. Немножко болота, немножко жердяного настила по камушкам на сопку, через перевал переберешься и дальше по доньшкы речки-безьмянки.

На полпути избушка — дверь в три доски, оконце с квадратным стеклышком. В избушке звенит гитара, гремит транзистор. Бригада дорожников. Квалификация у них простая: ямки-ухабы заравнивать, настил подправить, чтоб колеса не проваливались, каменную осьнь с перевала сбросить, чтоб покрышки не рвало. И техника у них простая — топор да лопата.

С первого же дня начали возить взрывчатку. На прииске готовились «торфы» взрывать, шурфы уже были пробиты, и ее ждали с нетерпением. План по «металлу» уже шел. Перевезли мы ее тонн двести, и на душе стало легче. Она хотя и из опилок, но все же взрывается, и довольно здорово. Говорят, где-то был случай — трехтонку на ходу разнесло. Все, что нашли, — ключ от зажигания. За взрывчаткой повезли сахар. За зиму на прииске запасы подобрались, и народ ждал сладенького. И тут у Юрки-Солдата случился недовоз. Пропал мешок. Десятью килограммов.

Юрка-Солдат в этих местах первый год. Демобилизовался — и к нам, как был, в гимнастерке и в солдатском бушлате. Папа с мамой у него, видать,

не очень богаты, а парню и костюмчик приличный надо и рубашечку модную с галстучком — вот он и подался за длинным рублем. С машиной обращался «на вы» и во всем остальном претензий не вызывал. Чувствовалась армейская выучка.

За недовоз с него бухгалтерия удержала стоимость груза. Юрка ко мне чуть ли не со слезами. Жалко парня, а что сделаешь? Закон. За грузом надо смотреть, в машину укладывать умеючи. Дорога — сплошная трясушка, вытряхнул где-нибудь на ухабе. Могли и на перевалочной базе недодать мешок. Погоревали, посудачили, посочувствовали Юрке, а через два дня опять мешок сахара пропал. И у кого!.. У Гарьки-Христосика. Христосик потому, что цветом он блондинисто-рыжий. Волосы до плеч, борода длинная, реденькая, усы висючие, а глаза, как у симпатичной девушки, голубые-голубые. С ним даже такое произошло: был в отпуске «на материке», гулянул лихо, хорошо. Не только на самолет, на автобус не осталось. До Москвы добирался чуть ли не пешком, по сельским проселкам. Выручали богобоизженные старушки. Милостыню подавали за божественное сходство. Но шоферил он не первый год и дело знал на большой палец. И как уложить груз, соображал правильно. Да и обдурить его на чем-нибудь не так просто. Это у него только на вид глаза наивные.

Гарька психанул.

— Ну, с-собаки-дорожники!.. Это они. Самогонку гонят в распадке. Каждый день под мухой. Ну, я им, гадам, устрою...

Загудели и все остальные шоферы. Кому понравится такое дело? На погрузке и разгрузке гляди в оба. Каждый ящик, каждый мешок пересчитывали, глаз не спускали. Кладовщики и грузчики обиделись.

— Чего это вы? Не доверяете? Ну, грузите сами.

А у меня состоялся разговор с Дедом. Дед — это шофер, Сергей Романьч. Прозвали так за фотокарточку на ветровом стекле. Мальчишка лет пяти с лукавой рожой — и тоже Сережка.

— Садись-ка ко мне в кабину, — пригласил меня Дед.

К Деду я прислушивался. Мужик твердый, правильный. Еще во время войны шоферил, в блокадный Ленинград по «Дороге жизни» ездил. Я его про себя комиссаром колонны звал.

— Такое дело, — заговорил Дед, когда мы поехали. — Поднимаюсь на перевал, поравнялся с прижимом, глядь — за кустом стланика мелькнуло что-то. Тормознул я: что там такое? А там какой-то парень как рванет в сторону, кусты ходуном пошли. И подумалось мне: а не собрался ли он с прижима ко мне в кузов прыгнуть? Схватит, что под руку попадет, сбросит за борт и поминай, как звали. Может, Гарька-то прав?

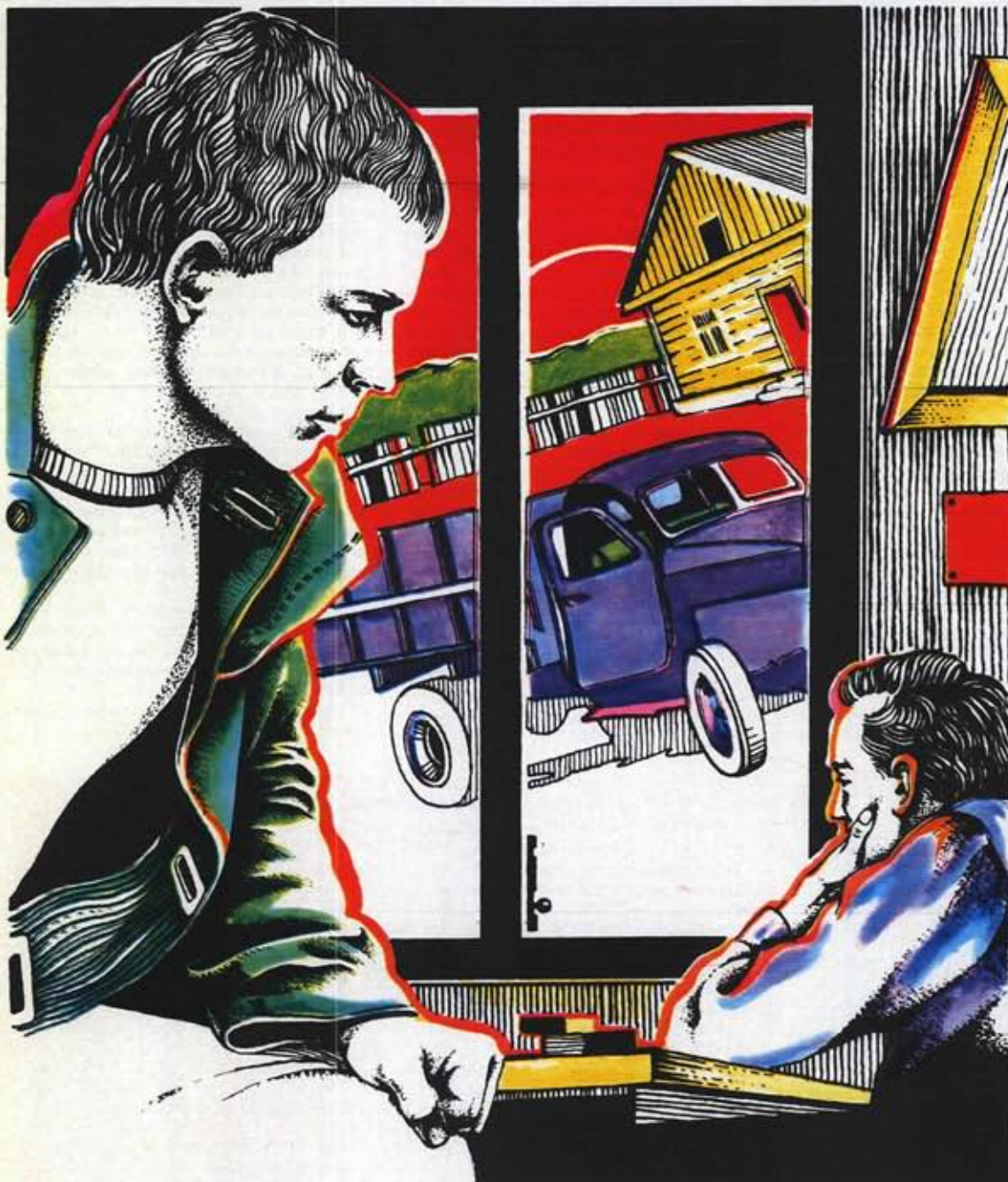

Рисунок Владимира РОДИНА

Пока я переваривал Дедов рассказ, он еще мне подкинул: — Ребята озверели на дорожников. Как бы до драки не дошло. Да и Христосик... С виду-то он Христосик, а нутром... Кто его знает? Помолчали мы с Дедом. Что тут можно сказать? Поднялись на перевал, начался прижим — узенький карниз вдоль сопки. Машина бортом вплотную, как вдоль стенки.

— Вот здесь, — показал Дед. — Видишь, как удобно? Даже прыгать не надо. Шагнул, как в метро, на эскалатор.

Спустились с перевала. Показалась избушка дорожников.

— Высади меня, — сказал я Деду. — Зайду к ним.

Дед, высаживая меня из машины, посоветовал:

— Не горячись, потихоньку. Не пойманный — не вор.

За дощатой дверью звенела гитара, хриплый голос пел какую-то песню. О чем мне с ними говорить? С чего начать?

Я толкнул дверь.

На нарах валялись длинноволосые парни, лениво перебрасываясь словами. За столом сидел бригадир и, заглядывая в затрепанную общую тетрадь, что-то прикидывал на счетах. Наверное, сочинял отчет о проделанной работе. Бригадир — старый таежный волчина по кличке Голубок. Лет десять назад, когда я в автомобильном деле был мальчишкой, он в старых шоперах ходил. Потом у него отобрали права. За пьянку. И его больше не видел. Встретились вот здесь, в тайге. Меня он, конечно, не помнил. Ну и я на знакомство не набивался. Мне с ним не детей крестить. Мне — чтоб он дорогу держал в исправности.

— Здорово, ребята!

Парни на нарах на меня глазом не повели. Голубок, щелкая костяшками, ответил:

— Здорово, начальник.

У Голубка седые косматые волосы, загар с черным отливом. Не один десяток лет прожит под северным солнцем. Подведя какой-то итог, он бросил на стол шариковую ручку и поднял на меня тусклые, коричневые глаза.

— Ну, что? Чем недоволен? Дорога плохая? Опять дорожники виноваты?

Я усмехнулся и, набирая смелости, решил не скрывать своих подозрений. Пусть знают, что мы о них думаем. Прав я или нет, покажет будущее.

— Слушай, бригадир... Обижает кто-то моих ребят. Два мешка свистнули.

Парни на нарах примолкли. Голубок сдвинул брови.

— А я что? Сторож твоим мешкам? Твое добро, ты и караул. Поймаешь — морду набей. А так что ж? Впустую.

— Ну да уж поймаем, — пригрозил я, — одной мордой не обойдется.

Голубок недобро прищурился. Хотел что-то мне «врезать», но вдруг добродушно улыбнулся.

— Насчет мешков — это ты зря. Дорожники тут ни при чем. У себя ищите. Вот давай подсчитаем... Голубок взял счета. — Арифметика простая — бухгалтерия с шофера за недовоз как удерживает? По себестоимости. Так? А на дальних приисках почем дефицит? В том числе и сахар? А?... Он щелкнул костяшками. — В три, а то и в четыре раза дороже. Улавливаешь? Есть шоферу смысл «не довезти»? Сто рублей заплатил — триста получил. — Он еще раз щелкнул костяшками.

— Твоя арифметика простая, — согласился я. — Только вот все прошлые годы, пока здесь не было твоей бригады, у нас ничего не пропадало. Все сходилось тютелька в тютельку.

— Так у вас в колонне и Юрки-Солдата не было. И Гарька-Христосик недавно объявился. — Вот так-то! — назидательно сказал он. — Чуть что — дорожники виноваты. А вы — ангелы безгрешные?

Я посмотрел на нары, где в живописных позах лежали парни. Что-то они притихли и уж очень внимательно прислушивались к нашему разговору.

Пора закругляться, подумал я и пошел к двери.

— Будь здоров, — пожелал мне Голубок. — Заходи.

Я вышел на дорогу, ожидая попутную машину. День был тихий, теплый, солнечный. Из избушки донесся взрыв невнятных возгласов, смех. Потом все стихло, и Голубок злым голосом долго что-то внушал своим подчиненным. Потом снова забренчала гитара, гитару перебил транзистор.

Все же Голубок испортил мне настроение. А что, если он прав? Кто его знает, этого Юрку? А уж про Христосика и говорить нечего. Вечером в поселке встретил я нашего участкового милиционера Горбачева. Пожилой старший лейтенант, которому давно пора быть капитаном. В старой, выцветшей фуражке, выглядел он устало. Знакомство у меня с ним было так себе. Не из прочных. Здравствуй и прощай. И на этот раз «поздоровкались» и разошлись. И только разошлись — у меня мысль: а не посоветоваться ли мне с ним? Все-таки милиция. Остановился, смотрю ему вслед. Только о чем советовать? Что я ему могу сказать? Про мешки с сахаром? Про Голубка? Про Юрку с Христосиком? Про Деда, который на перевале что-то увидел? А что он там увидел? Если подумать, все сплошная пустышка. Только я хотел махнуть на все рукой и идти дальше, как старший лейтенант точно почувствовал, что ему в спину смотрят, оглянулся.

— Чего тебе?

У него на загорелом лице красивые, пушистые усы пшеничного цвета.

Давать мне некуда, и я в быстром темпе все ему и выложил. А он как шел, так и идет, даже не приостановился.

— Ну и что? — спрашивает.

Да так, мол... В порядке информации.

— Ну что ж, — говорит, — спасибо за внимание. Будем иметь в виду. Голубок — птичка знакомая. — Сунул мне на прощание руку и пошел дальше.

На другой день на прииск тронули рано. Было известно, что там утром взорвут «торффы». Взрывчатка, что мы возили целую неделю, уже заложена в шурфы и в несколько секунд раздробит вечную мерзлоту на огромном пространстве. Все живое население прииска кинется на полигон искать самородки. Спортивный азарт — найти кусок золота — был велик. Кому не лестно стать героем не только своего прииска, но и всего горнопромышленного комбината? Портрет на доске почта, интервью с корреспондентом областной газеты.

Первыми вылетели из поселка Гарька-Христосик и Юрка-Солдат. Как бы не опоздать. Когда колонна добралась до прииска, там по рыхлому грунту уже бродили люди, точно грибы собирали — ковырялись палками, рылись в земле руками. Объявилась и первая героиня — повараха из столовой. Она, как говорят горняки, «подняла» довольно увесистый самородок. Его уже оформили в «золотой кассе» — очистили от породы, взвесили, заактировали. Героиня сидела на скамеечке у столовой, и ей было не до сегодняшнего меню. Она и сама сияла, как самородок.

— Ой, тошнехонько! — причитала она. — Я ведь и идти-то не хотела. Думаю, как уйду? Девки без меня гречку перевалят, размазную пустят. А вот тут, — она похлопала белой рукой по высокой груди, — тук, тук, тук... Дескать, иди скорее, дура, иди! Побежала, глядь, у самого края и лежит. Я его кочергой стук-стук, земля оссыпалась... Батюшки мои! До сих пор в себя прийти не могу.

Тракторы уже поволокли на свежеподготовленное место промывочные приборы, электрики тянули кабель, слесари устанавливали насосы для подачи воды. «Золотая лихорадка» заканчивалась, и прииск входил в свою обычную, трудовую колею. Колонна разгрузилась, и шоферы один за другим уезжали. Торопились на трассу, чтоб захватить в столовой что-нибудь на обед. Остались только две машины: Гарька-Христосик и Юрка-Солдат все еще рылись на полигоне.

Светлый вечер. Солнце долго, почти до полуночи скользит по верхушкам сопки, медленно, исподтишка закатываясь за голые каменистые вершины. Всю ночь небо розовое. Белые ночи... Тревожат они, нагоняют тоску, бессоницу, чего-то, куда-то хочется, чего-то не хочется. Привыкнуть к ним надо.

Вернувшись с прииска, я завалился на свою распатанную, сколоченную из горбылей кровать. Матрац тощий, слежавшийся, одеяло старое, протертое. Это не потому, что я лодырь или неряха. Или у меня нечем заплатить за хорошее. Я вкальваю, дай бог, и сберкнижка у меня с приличной цифрой. Просто потому, что мы где-то немножко впереди и тылы за нами не послевают. Тащат за нами технику — это в первую очередь. Потому у нас вместо стаканов — стеклянные банки из-под консервов. Их же здешние умельцы употребляют вместо оконных стекол. Полированных сервантов и поролоновых кушеток нам тоже еще не привезли. Пока что дощатые столы и табуретки.

Лежу я, закинув руки за голову, и смотрю в потолок. Поза нытиков и философов. В голове копошится что-то о смысле жизни. Я стараюсь не поддаваться таким размышлениям. Некогда. Да и проку нет. Размышляй не размышляй... Со своими текущими делами бы справиться. Вот, например, не нравится мне дружба между Юркой-Солдатом и Гарькой-Христосиком. Не нравится!

Зазвонил телефон.

— Начальник? — закричала взволнованным голосом Люська-диспетчер. — Давайте скорее в управление. Директор комбината вызывает.

— Что стряслось?

— Не знаю, Юрку-Солдата забрали. Только в гараж въехал, а участковый хватил его под белы ручки — и в управление. Машина так и осталась среди двора.

Люська окончила десятилетку и год работает диспетчером. Ничего, работает с умом. В людях разбирается еще не очень, а в машинах научилась. Получила права третьего класса, и хлебом не корми — дай за руль сесть, хоть по двору, да погонять машину. На шоферов покрикивает, в диспетчерской в ее дежурство выражаются только культурно, молодежь за ней прихлестывает, билетами в кино или там на спектакль в Дом культуры обеспечена всегда.

— Подожди, не тарыхти, — остановил я Люську. — За что его, Юрку?

— А я знаю? Бегите скорее в управление.

Прибежал я в управление, стук, стук в дверь. А ее и кулаком не прошибешь. Дерматинном обита. Приоткрыл, заглянул, спрашиваю: «Вызывали?» В кабинете полно народу. На меня ноль внимания. Директор за столом ходит, как тигр в клетке. Рядом в кресле главный инженер, в другом развалился толстенький, с лысинкой начальник отдела труда и зарплаты. В поселке его зовут просто — «Труда и Зарплаты». Он мой внутренний враг. Шоферам зарплату режет. То расценки ему не те, то коэффициент не такой, то приписки какие-то обнаружит. Увидел меня и ехидно улыбается.

— Все великое начинается с малого, — многозначительно проговорил он. — Сначала мешок с сахаром, потом мешок с золотом. Распустились!

Тут же Горбачев в полной милицейской форме. Вдоль стенок еще кто-то из начальства, чином помельче. Все в кабинете залито красным светом. Сразу я и не сообразил, в чем дело. Окна-то на вечернюю зарю. Вот она и подкрасила все в жутковатый пожарный цвет. Даже облачко табачного дыма розовым отсвечивает. Между прочим, курить в своем кабинете директор не разрешал. А сам курил. Это, говорит, мое рабочее место. А вас много. Вы меня в два счета угробите.

И тут я увидел Юрку-Солдата. Сидит в сторонке, на отдельном стуле, как на скамье подсудимых. И лицо у него не розовое, как у всех от вечерней зорьки, а зеленое. Смотрит на меня, губы трясутся, в глазах — не поймешь что. «Чуяло мое сердце», — подумал я.

Звякнул телефон. Не успел раззвониться — директор схватил трубку.

— Где вы там?! Точно провалились. За смертью вас посылать! — и включил на пульте динамик.

— Докладывает начальник ремпункта, — послышался далекий голос. — Отправили. Руки пришлось связать. Психует. Кусаться начал. Кавказская привычка — за кинжал хвататься.

— Короча! — перебил директор. — Что там у вас произошло?

— Так ведь кто его знает? Никто ничего не видел. Вдруг на улице стрельба. Что такое? Стоит этот боец охраны и палит в воздух. Кричит, золото украл! Всех перестреляю! — Начальник ремпункта помолчал и смущенно добавил: — Ну, тут, конечно, все кто куда. Кому нужна шальная пуля? Парень пострелял, пострелял, схватился за голову да бряк на землю и катается, как в истерике. Тут наши подбежали...

— Хватит. Ясно, — остановил его директор. — За Голубком послали? Чтоб мне его живым или мертвым! И от телефона не отходить.

Директор поерошил волосы. Я ничего не понимал. Мне бы с Юркой словом перекинуться. Один на один.

— Давай-ка, парень, сознавайся, — внес предложение Труда и Зарплаты, повернувшись к Юрке. И с угрозой: — По-хорошему. Пока в тюрьму не отправили.

— Не брал я золота! — выкрикнул Юрка. — Понятия не имею.

— Ты бойца вез с баулом? — спросил директор.

— Вез.

— Где ты его посадил в машину?

— На приiske. Начальник золотой кассы посадил. Говорит, довези до управления. Самородок отправляем. Боец бросил какой-то мешок в кузов, а сам ко мне в кабину. Давай, говорит, поехали. Я и поехал. До ремпункта доехали, я в столовку пошел.

— Боец при тебе стрелял?

— Я его там и не видел. Вышел из столовки — его нет, я и поехал.

Тут шевельнулся Горбачев.

— Товарищ водитель, по дороге с прииска до ремпункта вы нигде не останавливались? Скажем, на перевале или около дорожников? Может, кто-то в кузов подсаживался? Кто-нибудь еще знал, что вы золото везете?

— Откуда я знаю: кто знал, кто не знал? Гарька-Христосик. Мы с ним вместе с прииска выехали. Он впереди, я сзади.

— Что еще за Христосик? — спросил директор и ткнул пальцем в мою сторону: — Давай-ка сюда этого Христосика.

Я взялся за трубку.

— Люся? Быстро разыскать Гарьку и сюда, к директору.

— С машиной?

— Без машины. Да чтоб бегом.

— А что делать с Юркиной машиной? Стоит посреди двора — ни пройти, ни проехать.

— Пусть стоит. Ты мне Гарьку давай скорее.

Пока ждали Гарьку, главный инженер спросил:

— А этот боец из охраны — кто такой? Что за тип? Не сам ли все это подстроил? Спрятал до поры до времени, а теперь прикидывается, пострадавшего разыгрывает.

— Вот, вот! — поддержал главного инженера Труда и Зарплаты. — Подождите, подождите... Что-то похожее было. Помните? На этом, как его... на дружке...

Договорить он не успел. Вошел Христосик и, увидя полный народу кабинет, опешил. В кабинете багровые сумерки. Заря играла вовсю. Солнце только что закатилось, и в окнах, как огромное зарево, полыхало вечернее небо. Гарька после работы успел сбегать в душ. Рыжие волосы, отвислые усы, реденькая длинная борода были расчесаны, приглажены и струились мягкими волнами. Тонкий прямой нос на длинном лице — загар на Гарьку не действовал — придавал ему благообразный вид.

— Действительно, Христосик, — неодобрительно сказал директор, разглядывая Гарьку. — Садись.

Гарька послушно сел на ближайший стул и молча уставился на директора. Но я заметил, как Гарька искоса зыркнул глазницами на Юрку-Солдата, сидевшего в стороне, и на Горбачева.

— Вы знали, что с прииска, — директор кивнул на Юрку, — было отправлено золото?

Гарька пожал плечами.

— Догадывался. Официально мне не сообщали.

Скрипнул стулом Горбачев.

— По дороге никуда не заезжал? Может, подвез кого? С кем-то разговаривал?

— Вы, товарищ милиционер, в тайге не первый год, знаете... Это же не шоссе Москва — Симферополь. Кого здесь подвезешь?

— Кто ищет, тот найдет, — строго проговорил Горбачев. — Хотя бы Голубка.

— Зачем он мне нужен, этот Голубок?

— Ты знаешь, что золото пропало?

— Украли! — поправил Горбачева Труда и Зарплаты.

— Что-то болтают в гараже.

— Ты... как бы это сказать... — продолжал Горбачев. — Ты где-то рядом с этим делом был. Может, что-нибудь вспомнишь?

— Что же я могу вспомнить, если я ничего не знаю? — Помолчав, Гарька спросил: — Я могу идти? У меня билеты в кино. На девять тридцать.

Под окном остановилась машина, железно хлопнули дверцы, послышались голоса. Дверь распахнулась, и вошли два дюжих парня с красными повязками на руках.

— Дружинники мы, — доложил один из них. — С ремпункта. Задержанного привезли. — И показал на третьего — худенького, горбоносого парнишку. Тот был весь в пыли, грязный, ворот на гимнастерке разорван.

В кабинете зашевелились, заскрипели стульями, все уставились на задержанного. Он стоял, ссутулясь, бессильно опустив руки.

— Развязали мы его дорогой, — сказал первый дружинник. — Успокоился. Перегорел.

Задержанный исподлобья оглядывал кабинет. Увидел Юрку-Солдата и закричал гортанным голосом:

— Этот! Этот! Зачем золото взял? Куда золото дэвал? — кинулся на Юрку.

Дружинники успели схватить его за руки, и началась свалка. Все повскакали со своих мест. Кто-то что-то закричал, кто-то что-то командовал. Но парнишка, потрещавшись в дюжих руках, снова сник. По грязному лицу потекли слезы. В кабинете все стихло.

Горбачев подошел к задержанному.

— Тебя как зовут?

— Рустам. — Парнишка вырвался из рук дружинников и встал по стойке «смирно». — Товарищ старший лейтенант! Зачем такое дэло? Золото украли, оружие отобрали, руки назад вязали... Зачем такое дэло?

— Ладно, Рустам. — Горбачев похлопал его по плечу. — Успокойся. Сейчас разберемся.

Рустаму пододвинули стул. Он сел, вытирая рукавом лицо.

Зазвонил телефон, директор включил динамик.

— Ремпункт говорит. Товарищ директор?

— Да, да.

— Голубка отправили, скоро у вас будет.

— Хорошо. — Директор выключил динамик. — Ну-ка, Рустам, — заговорил директор бодрым голосом, — ну-ка, давай рассказывай все, как было.

— Все расскажу, товарищ начальник, все, как было. — Он вскочил со стула и показал на дружинников. — Зачим оружие отобрали? Зачим руки связали? Я все расскажу...

— Ну, давай, давай! — нетерпеливо закричал Труда и Зарплаты. — Давай от начала и до конца.

Рустам, размахивая руками, посыпал как горохом.

— Говорит начальник охраны: повезешь золото, бэри карабин, бэри боевой патрон, иди к начальнику золотая касса, бэри баул. Получил баул, расписался, сэл в машину к Юрке-Солдату. Вот он! — Рустам показал на Юрку. — Дорогой анекдот рассказывал, курить мне давал. На ремпункте говорит, пошли обедать, я говорю, у меня сухой паек, я вот здесь на скамеечке. Сижку кушаю, пошел в туалет, прихожу — нэту Юрки-Солдата, нэту машины, нэту золота.

— Стой, стой, — остановил его Горбачев. — Где же ты золото оставил?

— У него было. В машине.

— Врешь! — закричал Юрка. — Не видел я твоего золота.

— Как же ты уехал без бойца? Без охраны?

— А что мне охрана? Я его искать не обязан. Я не такси — ждать пассажира. Мне-то какое дело, куда он пошел?

— Так кто же из вас спер золото? — спросил Труда и Зарплаты. — И виноватых нет?

Директор снова поерошил волосы.

— Да-а... Скандал. Придется в прокуратуру передавать. Я-то все думал, что это... недоразумение.

В это время распахнулась дверь, в проеме показался человек с косматыми волосами. Он медленно, исподлобья оглядел кабинет, пошатнулся, схватился за косяк. Потом с независимым видом сунул руки в карманы штанов.

— Ну, што?! — спросил он, кривя пересохшие губы. — Думали, побоюсь? Убегу?

Тихо, Голубок! — приподнялся на стуле Горбачев. — Тихо! — Голубок, не обращающая внимания на Горбачева, шагнул на середину кабинета.

— Ну и што?! Взяли мешок... Ну и што? Ребята и взяли. А я научил. Кому не нравится — пусть ушами не хлопают. На то и щука, чтоб карась не дремал. А второй мешок... — Голубок, качнувшись, показал на Христосика. — А второй мешок вот эта сволочь взяла. — Он заглянул сбоку в лицо Христосика. — Сам у себя. За счет дорожников хотел. Что жмешься?! А-а-а!

— Какие мешки? — закричал директор. — Ты про что?

— Обыкновенные, — сказал Голубок. — С сахаром. И самогонку гоним. Ну и што? што вы мне сделаете? С работы снимете?

— Подожди, подожди, — замахал на него руками директор. — А золото? Кто взял золото?

В глазах у Голубка появились недоумение, страх, он мгновенно протрезвел.

— Золото?! Вы мне что съете? Какое золото?

За окном на улице послышался шум подъехавшей машины. Кто-то так тормознул, что завизжали покрышки, послышался звонкий девичий голос. В кабинете заскрипели стулья, любопытные высунулись из окна.

— Что там еще? — разозлился директор.

— Грузовик какой-то, — доложил один из любопытных. Снова все повернулись к Голубку, а тот хриплым голосом продолжал оправдываться:

— Слушай, директор... Не такой я дурак, чтоб золото воровать.

Дверь в кабинет тихо заскрипела, и в щелку заглянул чей-то глаз.

— Можно? — пропичал девичий голос, и показалась Люська-диспетчер.

Я подумал, что она за мной прибежала, махнул на нее рукой:

— Что тебе? Потом, потом.

Но Люська на меня только взглянула, еще раз уже громко, твердо спросила: «Можно?» — и шагнула в кабинет.

— Что нужно? — раздраженно спросил директор.

Люська решительно шла к директорскому столу, в руках у нее был старый солдатский мешок, она положила его на стол, развязала лямки и вытряхнула из него кожаный баул, застегнутый металлическими кольцами. В кабинете все притихли. Смотрели на баул, на котором краснела сургучная печать на фанерной дощечке.

— Вот! — сказала Люська. — Это, что ли, ищите?

— Мое! — кинулся Рустам к баулу. — Мое золото.

— Тихо! — Горбачев поймал его за шиворот. — Сидеть.

— Где ты взяла? — недоверчиво спросил директор.

Люська почувствовала, что ее появление с баулом произвело впечатление. Глаза засверкали, голос зазвенел, и она, торопясь, как бы не перебили, затараторила:

— Юрку-то Солдата Горбачев схватил, а машина посреди двора осталась. Ни пройти, ни проехать. Дай-ка, думаю, отгони ее на место. Заглянула в кузов — мешок какой-то. Пошупала... Баул! Я за руль — и сюда.

Кто-то удивленно свистнул.

Горбачев ударил кулаком по столу. Дескать, как же это я? Под сиденье смотрел, а в кузов...

— Ничего себе! — возмутился Труда и Зарплаты.

— Ну и порядочки! — Так это ты, Люська, под окнами тормозами покрышки рвешь? — засмеялся директор. — Молодец, девка! Объявляю благодарность и премию из директорского фонда. — Он опустился в кресло и устало проговорил: — Вот, черт возьми, как получается! — Он вытер платком лоб и распорядился: — Металл сдать в золотую кассу, участковому произвести расследование. — Помолчав, добавил: — А теперь можно и закурить. — Он разорвал пачку сигарет и высыпал их на стол. — Всем! Закуривай!

Владимир МОЩЕНКО
Песня в порту

Будто океану—
Острова,
Так для этой музыки—
Слова.
Слышит порт притихший,
Как поют
Люди,

завершающие труд.
В этой песне
Берегу близка
По земле
Щемящая тоска.
В той же песне
Штормовая даль
Ловит
По волне крутой
Печаль.
Но звучит
Над грустью, над тоской,
Над землей,
Над бездною морской
Радость человека,
Что опять
Может

отплывать
и приплывать.

Нет, это не твоя звезда
Упала около Квишхети.
Забудь о ней. Ты молода.
Не верь нечаянной приметке.

Не надо никуда спешить.
В горах ни плача нет, ни смеха.
Ты будешь очень долго жить,
Покуда здесь не смолкнет эхо.

Недаром горец у костра
Сказал, что ты ему сестра.

И в эхо вслушивалась ты.
И в центре снежной карусели,
Поджав пушистые хвосты,
Собаки умные сидели.

Во дворце Эстергази
О Бетховене речь.
Прерывают рассказы,
Чтобы свечи зажечь.
И на всем этом фоне
В полутьме голубой—
Разъяренных симфоний
И надежда

и боль.

...Прямо в молнии
Людвиг
Открывает окно,
Потому что он любит
И страдает давно.
Он найдет эти звуки!
Здесь!
Сейчас!
У окна!
Чтоб,

раскрыв свои руки,
Стала ближе она.
Но, признавшись Элизе
Дерзкой бессюсю той,
Лишь бессмертье приблизил.
Краток спор с красотой.
Время невыносимо
Сквозь эпохи бежит.
А струна клавесина
С той минуты дрожит.

Пестрый шум бытия—
Это песня моя.
Гул машин,

болтовня—

Это песня моя.
Но молчанье полей,
И тенистых аллей,
И плодовых ветвей—
Тоже песня моя.
Городов толчея—
Это песня моя.
Мир людского жилья—
Это песня моя.
Но безлюдье лесов,
И пустынь, и лугов,
И отрожных снегов—
Тоже песня моя.
Повезло мне: семья—
Это песня моя.
Повезло мне: друзья—
Это песня моя.
Но... Здесь будет без «но»:
Только с ними дано
Быть с людьми заодно—
Это песня моя!

На рассвете

Рассветным ветром обожгло
Почти зажившее крыло.
Так, значит, можно через миг
Помчаться к солнцу напрямик,
Уже несколько не боясь,
Что вдруг прервется с небом связь.
И будет нежности полна
Твоя воздушная волна,
Она упруго вознесет
Тебя в прозрачный мир высот.
И вспыхнет озеро внизу,
Напомним летнюю грозу.
И слиток солнечный в реке
Увидишь даже вдалеке.
И знай,
Летающий,
Что в пути
Любовь должна тебя найти.
И лебедь белая свернет
С тобой в прозрачный мир высот.
Как хорошо, что холодок
Крыло зажившее обжег!

Кто виноват, что опоздал?
И вы, конечно, охладели.
А я много и не ждал,
Добравшись наконец до цели.

Добравшись вопреки всему
По той истоптанной дорожке,
Где нас встречают по уму
И провожают по одежке.

Армянский орнамент

Пред нами,
Под нами,
Над нами,
Почти неприметный сперва,
На плитах
армянский орнамент—
Живой, как вода и листва.
А музыка хитросплетений,
Пожалуй, ничуть не сложнее,
Чем шепот полных растений
И утренний топот коней.
И падает время с откоса,
И гор все теснее кольцо,
И резче лицо камнетеса,
Открытое зною лицо.
Ведь сердце безумно любило
Ожившего мрамора плоть.
Могло ль ошибиться зубило
И слово любви расколоть?

Сергей ХОХЛОВ

Он жив...

Посвящается памяти
старшего брата
Н. Н. ХОХЛОВА

В дома ломился день косою,
Рекою пахло, небом, садом.
И я—пацан еще босой—
На всей земле богатый самый.

Качу я палкой колесо,
Спешу за странной тенью облака.
И лубенеет, словно яблоко,
Мое горячее лицо.

Мне старший брат велел спешить
В тот дом, где ждет ответа Тоня.
Над полем жаворонок тонет,
Норушки песнь меня смешит.

Я у влюбленных, как связанной.
Весь день, как рыбка, на посылке...
О вольный смех ее косынки,
Ее ладошек свет сквозной!..

Еще о фронте старший брат—
Ни слова. Небо в белой пене.
Еще не скоро будут брать
Земли фашистской укрепленья.

И то сражение под Москвой
Еще не снилось даже маршалу.
И пахнут полем и листвою
Глаза и губы брата старшего.

Гудит стальное колесо!
От ног кузнечики, как семечки...
Еще не снится мне лицо
Моей любви—загадки-девочки.

И я на миг остановлюсь
И колесо в траву откину.
Как хлеб духмяна, удивлюсь,
Земля от собственного дыма.

В травинке копят меды:
Все надо взять под крыши загодя...
И что тантса там, на Западе,
Молчат об этом провода.

Варили крупновскую сталь?..
Мы обо всем узнаем вскоре.
И шумно лес листву листал,
Напоминая взрывы моря.

Еще отец—он полон дум—
Делами ведает колхозными.
В правление—спор.
В правление—шум.
Решаются дела серьезные.

Забот—на все не хватит рук:
А в мире все должно быть планово
И лошади подруги рвут,
Поскольку лошадь—сила главная.

Крестьяне волю обрели:
И хлеб и соль у них едины.
И входит в ноги мощь земли—
Как все ж она тепла от дыма!

Со сводкой шлюет меня в район—
Под колесом дорога стонет...
И, спину распрямив с трудом,
Глядит старик: а жить-то стоит!

И до войны еще—сто верст.
В ладоши бьют под крышей голуби.
И мама самых горьких слез
Не уронила мне на голову.

Она вчера пирог пекла:
Июнь—мой день!—весь мир,
Все солнце!
О, как она нежна была
В мой день!
Душа не успокоится...

Кричу я: мама! Но лица
Уже не видно—съели сумерки.
И не шелохнутся леса,
И над равниной звуки умерли.

Но это будет все потом,
Когда стукнется тьма на западе.
И я бегу за колесом,
Вдыхая все земные запахи.

Еще любимая сестра в смущенье—
В ней проснулась женщина.
И столько песен ей с утра
Землей в приданое обещано.

Она не знает—в том и соль,
Что быть под небом ей невенчаной,
Что есть трава такая: боль...
Что речка жизни быстротечная.

И тот, кто должен был кольцо
Надеть на пальчик ей, в июле
Горячей удивится пуле
И к небу обратит лицо...

А я бегу за колесом...
В окошко Тоня ловит голубя.
И щек еще красивой полмя,
Любовью светится лицо.

Конвертик белый и ладонь
В мои глаза навеки вписаны...
От нас несколько не зависимый,
Встает и властвует огонь.

И, черным став, запросит пить
Над степью небо. Горы сдвинутся.
И чтоб земле спасенной быть—
Булат карающий поднимется.

А я бегу за колесом,
В душе смешные песни лепятся,
И там, над Тониным крыльцом,
Подкова золотая светится.

И—брат... Он жив еще, он жив.
Он ждет письмо от Тони:
Скоро ли?!
Пыльца мерцающая жит
Летит на все четыре стороны.

Кричу я брату: Ни-ко-лай!..
Но эшелон летит над рельсами.
Не знаю: стоном или песнями
Наполнен жизни этот край.

Я Тоню за руку ловлю...
Кричат глаза и пальцев кончики:
Пусти, дышать мне нету моченьки—
Душа болит: люблю! люблю!

Она стояла посреди
Полей—большая и горячая.
И пело молоко в груди,
Грядущей жизни предназначенное.

И брат—он жив... Еще был жив—
Все ждал ту песню... Сгните, вороны!
И желтый цвет
Российских жит
Летел на все четыре стороны...

В. И. ЛЕНИН ВО ДВОРЕ КРЕМЛЯ НА ПРОГУЛКЕ ПО ВЫЗДОРОВЛЕНИИ ПОСЛЕ РАНЕНИЯ. МОСКВА, 16 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА.

дежда Константиновна и застала такое... Попытался отвлечь, успокоить и сказал что-то несуразное: ты, мол, устала, пойдешь ляг. Еще больше перепугал... Яков Михайлович Свердлов, собранный, решительный, неотступно рядом и всем что-то успевает сказать вполголоса. А у Луначарского глаза испуганные, жалостливые... Ну чего же тут смотреть—Ильичу хочется встряхнуть, взбодрить всех,—чего тут особенного: со всяким революционером это может случиться... Но все трудней объясняется и отшучивается—предательски слабеет голос, мучает жажда, наплывает горячий туман... Пришли солидные хирурги—кажется, медицина берется за дело всерьез...

30 августа, за час до полуночи, составляется «Бюллетень № 1 о состоянии здоровья товарища Ленина».

На первый день. «Констатировано 2 слепых огнестрельных поранения; одна пуля, войдя под левой лопаткой, проникла в грудную полость, повредила верхнюю долю легкого, вызвав кровоизлияние в плевру, и застряла в правой стороне шеи, выше правой ключицы; другая пуля проникла в левое плечо, раздробила кость и застряла под кожей левой плечевой области, имеются налицо явления внутреннего кровотечения. Пульс 104. Больной в полном сознании. К лечению привлечены лучшие специалисты-хирурги».

Наутро настоящим пробуждением для всего домашнего лагеря—кто дежурит у постели, кто прикорнул на стуле по соседству, кто занимается на кухне с керосинкой—была первая ленинская улыбка, благодарное прикосновение его руки. Доктора по-человечески порадовались, но профессионально восстали: Ленин потребовал утренние газеты. Врачебное заключение: газеты запрещены. Тогда, мол, пусть вкратце докладывают о делах! Медицина непреклонна—пока придется совершенно забыть

яния в левую плевру. Самочувствие хорошее».

Из всех тринадцати опубликованных бюллетеней этот, вроде бы обычный, вызвал самые радостные комментарии: в нем нет уже цемьяще неопределенного слова «пока», врачи теперь убеждены: «Осложнений нет». И сам Ильич удивил всех в этот день, неожиданно заговорив о том, как бы ему поскорее выбраться на рабочие митинги. И при первой же возможности—на ближайшие октябрьские праздники—он вновь появится на заводе Михельсона. В наступающих сумерках заметит разбитый сквер во дворе и колонну с глобусом, который знакомый рабочий драплет в кумач; полюбопытствует: что это, мол, вы, Николай Яковлевич, здесь делаете? «Устанавливаем памятник на месте ранения...» Ильича резануло это до неприятности, бросил сердито: «Пустяками занимаетесь!»—и зашагал в корпус.

На седьмой день. «Спал с перерывами без снотворных. Состояние без перемен».

Его жизнедеятельность намного опережала всякий мыслимый оптимизм врачей. С утра он потребовал костюм, намеревался встать. Ему пояснили, что придется пролежать еще не меньше недели. Слушал, понимающе кивал, но, как только врачи удалились, попросил дежурного санитаря помочь ему. Поднялся, прошелся по коридору. И хотя был наказан подскокившей температурой, чувствовал себя поистине победителем.

Получив возможность написать первую рабочую записку, он тревожится заботой о хлебе, об уборке урожая, попенял наркому земледелия, что тот послушался «переусердствовавших докторов» и не шел раньше обсудить неотложные хлебные проблемы.

На четырнадцатый день. «Сегодня наложена на руку повязка с вытяжением. Самочувствие хорошее. Больному

Валентин ЧИКИН,
лауреат премии
Ленинского комсомола

Слово о мужестве

«САМАЯ ЦЕЛЕБНАЯ»

Существует довольно известная легенда о том, как была отснята—теперь сказали бы «скрытой камерой»—осенняя прогулка выздоравливающего после ранения Владимира Ильича. Как возник вначале «кинозаговор» операторов-хроникеров с управляющим делами Совнаркома; как дожидались «заговорщики», пока развеется от туч сентябрьское небо, пока «солнце согреет столицу молодого Советского государства»; как, наконец, были заняты «скрытые позиции в Кремле» и с Ильичем завелся «невзначай» разговор о погоде, о рекомендациях врачей, и он дал себя уговорить на десятиминутную прогулку, появился в нужный момент на нужном маршруте. И так-де был увлечен разговором, так самозабвенно радовался хорошему дню, что не обращал внимания на стрекотание камер... Конечно же, «кинозагада» в конце концов была обнаружена, последовали расспрос с пристрастием и примирительное: «Ну, если это полезно...».

Легенда выглядит более чем правдоподобно, если проникнуться тем жгучим нетерпением, с каким люди ждали осенью восемнадцатого живого свидетельства—что теперь с Ильичем, как он? Если припомнить к тому же, каких трудов стоило уговорить Ленина задержаться иной раз перед камерой—совсем не любил он этих «церемоний». И тем не менее, как установили лениноведы, никакой «засады» не требовалось: киносъемка производилась с согласия Владимира Ильича в середине октября,

спустя полтора месяца после эсеровских выстрелов из-за угла. Эти несколько минут, проведенные на солнечном кремлевском дворе перед объективами кинооператоров, завершают одну из важных глав его жизни.

ДЕРЖИТЕСЬ ОРГАНИЗОВАННО!—кажется, эти два слова вырвались у него, когда вдруг грохнули выстрелы и все кругом растерянно замерло. И самого Ильича собственные слова будто подхлестнули. Напрягся весь, собрался внутренне—и не только вынес всю дорожную тряпку до Кремля, но с порога, без пальто и пиджака, устремился крутыми маршрутами черной лестницы: в мыслях не укладывалось, чтобы рабочие несли на руках, немислимо было появиться в окровавленной рубашке в лифте, на этажах Совнаркома...

Сестра в испуге сбегает навстречу, едва уловив объяснение, торопится приготовить постель. Рабочие, вошедшие вслед, требуют йоду, бинтов, не подозревая, что в Кремле нет даже медпункта. Звонят Бонч-Бруевичам: Вера Михайловна—врач, должны быть медикаменты... Известие докатилось до зала заседаний Совнаркома—хлынули люди, растерянные, часовые прижались к двери. Александр Николаевич Винокуров, старый подпольщик-большевик, наркомсобес, по образованию врач, тут же обратил председателя в пациента: дал капли, наложил асептическую повязку, сделал инъекцию. Отправил нескольких человек за специалистами.

Квартира наполняется больничными залами и вообще превращается в какой-то лагерь. Вернулась из МГУ На-

о делах. Нет уж, любезнейшая медицина, не такое теперь время...

На второй день. «Ночь спал с перерывами. Самочувствие—лучше. Кровоизлияние в плевру не нарастает. Общее положение серьезное».

На третий день. «Общее состояние удовлетворительное; осложнений пока нет».

Больше всего с первого же осмотра врачей страшило именно это—осложнения—неожиданный штурм болезни в непредвиденном направлении. Надо было выждать несколько суток. Как поведет себя сердце, насколько стойким окажется организм и, главное, что за мина—эти пули?... Потом, после операции, выяснится—пули с надсечкой, разрывные и отравлены ядом. Но металл почему-то—к счастью!—не разорвался, а яд потерял силу... Безмерно редкий случай...

Из Кремля по прямому проводу сообщили в Петроград, в Царицын: Ильичу лучше, все время включается в разговоры, доставляет врачам много хлопот, «бушует», рвется к делам, постоянно спрашивает о положении на фронте.

На четвертый день. «Последний консилиум находит течение болезни в общем удовлетворительным. Если в ближайшие 2 дня не случится ничего неожиданного, то Владимир Ильич спасен. Разговаривать с больным не позволяю».

Опубликованные данные рентгеновского исследования уточнили первое заключение врачей.

На пятый день. «Положение улучшается. Осложнений нет. Налицо признаки начинающегося уменьшения кровоизли-

разрешено немного вставать с постели».

Опять с докторами вышла несolidная сцена. С этим «вытяжением» лечебный курс явно затягивается, пробовал отказаться. Куда там—начали запугивать: раненая рука станет короче здоровой. Вспыллил, наговорил ребяческих вещей: совсем, мол, не обязательно мне иметь обе руки одинаковыми, охотно примирюсь, если одна будет короче другой... От изумления доктора стали, кажется, еще более непреклонными... Поздно вечером пришла делегация красноармейцев, вручила резолюцию: Рогожско-Симоновский полк просит отправить его на фронт. Вот сотни бойцов рвутся в бой, готовы отдать жизнь за революцию, а тут—«повязка с вытяжением»... Нет, не такое теперь время! И на следующей же неделе собирает рабочее совещание о положении на фронте; возобновляет обширную переписку; неожиданно для всех приходит на пленум ЦК; как обычно, открывает очередное заседание Совнаркома...

На двадцатый день. «Температура нормальная. Пульс хороший. От кровоизлияния в левую плевру остались небольшие следы. Со стороны перелома осложнений нет. Повязка переносится хорошо. Положение пуль под кожей и полное отсутствие воспалительных реакций позволяют отложить удаление их до снятия повязки. Владимиру Ильичу разрешено заниматься делами».

Нетерпеливо пробежав последнее заключение медиков, Владимир Ильич делает приписку: «На основании этого бюллетеня и моего хорошего самочу-

ствия, покорнейшая моя личная просьба не беспокоить врачей звонками и вопросами. 18-го сентября 1918 г. **В. Ульянов (Ленин)**».

На следующий день это будет опубликовано в «Правде».

ЛИЧНАЯ ПРОСЬБА... В этой чрезвычайной ситуации приходится прямо-таки злоупотреблять обращением с личной просьбой. Иначе как остановить весь поток тревожений, соболезнований, заверений ЦК, Совнарком, Кремль—в осаде запросов, писем, телеграмм, делегаций, резолюций... Можно, конечно, только приветствовать, когда столичный полк поднимается на передовые позиции, или когда уржумские крестьяне шлют дополнительную посылку миллион пудов хлеба красному Петрограду и революционной Москве, или когда туркестанские коммунисты отвечают на предательство эсеров тройной бдительностью... Можно понять озабоченность, беспокойство о раненом товарище. И такое проявление внимания, как подарок портрета Маркса, исполненного художником-самоучкой, питерским рабочим. И такое движение души, как букет полевых цветов от хористов Пятицкого. Все это в высшей степени трогательно, хотя и излишне.

Но высылать специальные наряды с боевых кораблей «для личной охраны товарища Ленина»? Или телеграфировать коллективные заклинания вроде: «Рабочие просят и требуют, чтобы ты жил...». Или вовсе доходить до молебнов: «Да сохрани Вас Великая Российская революция на долгу земную жизнь в царстве социализма...» Это уж вовсе никуда не годится.

Едва начав вставать после ранения, пригласил для объяснения управляющего делами Совнаркома Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича.

— Это что такое?... Смотрите, что пишут в газетах?... Читать стыдно... Все

тина сложной классовой борьбы в деревне, становления Советской власти, положения комитетов бедноты. Вот, подумалось, какого материала не хватает в наших газетах. Направил Санаева в «Правду», предложил правдистам: запишите, мол, рассказ товарища и напечатайте. И не преминул добавить: «Крайне важно, чтобы именно такой фактический материал с мест появился в газете (а то чересчур много «общих» рассуждений)».

На следующий же день правдисты получают в качестве статьи развернутые ленинские рассуждения о характере наших газет.

«Поближе к жизни!»—зовет он советскую печать. От фразерства—к фактам будничной работы, от политической трескотни—к анализу нового, к выяснению того, насколько оно коммунистично. Об известном, ясном, усвоенном уже всеми надо говорить десятые строками, «в телеграфном стиле»; предметные же уроки жизни—ставить в центр внимания. Не подражать буржуазной прессе в ее политиканстве, нарочито невмешательстве во «внутренние дела» фабрик и заводов; а вот кое-какие приемы борьбы с классовым врагом можно бы и изучить.

— У нас нет деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла. У нас мало воспитания масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни, а это—главная задача прессы во время перехода от капитализма к коммунизму.

С журналистами он говорит на языке практики, как с командирами производства, вожаками комбедов, комиссарами полков, предметно учит их собиранию, проверке, изучению фактов строительства новой жизни.

— Есть ли на деле успехи крупных фабрик, земледельческих коммун, комитетов бедноты, местных совнархозов

— ...Люди, независимые от истории,—фантазия. Если допустить, что когда-то такие люди были, то сейчас их нет, не может быть. Они никому не нужны. Все, до последнего человека, втянуто в круговорот действительности, запутанной, как она еще никогда не запутывалась...

Алексей Максимович следит за каждым словом, за каждым движением Ленина, так характерно вытянувшись подбородком вперед... Такой наблюдательный, зоркий художник, непосредственный человек; сам же твердит без конца об анархии деревни, ему ли не понять наших усилий, нашей работы в деревне. Русской массе надо показать нечто очень простое, очень доступное... Советы и коммунизм—просто.

Послушать бы сейчас Горькому Маргариту Васильевну Фофанову—жал, разминувшись в пару недель. Питерская большевичка, укрывавшая Ильича в последнем подполье, профессиональный агроном, теперь она работает в Наркомземе, ездила недавно под Рыбинск, в Мологи, по настоянию местного комбеда, требовавшего прислать «представителя Кремля». Самое наилучшее впечатление о «глухомани»!

Комитет бедноты—во главе бывший пастух—хозяйствует в имении, принадлежавшем богачу и меценату Мусину-Пушкину, и хозяйствует великолепно. Племенные коровы на фермах в чистоте и холе, урожай собран до зернышка, на складах учтет; ни яблочка не пропало в саду, ни дерева не тронуто в роще—браво комбеду! Стокоматный дом с картинной галереей, редкой мебелью содержится, «как при барине»; все ценности описаны—требует от Наркомпроса принять государственное имущество...

Значит, не так уж надо страшиться «дикого» русского мужика... Горькому больше нравится лозунг: союз рабочих с интеллигенцией—что ж, и это неплохо.

САМАЯ ЛУЧШАЯ ПОВЯЗКА

преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком. а вот здесь какая-то мистика... Надо это сейчас же прекратить, никого не обижая. Это не нужно, это вредно... Это против наших убеждений и взглядов...

Личная просьба на этот раз сводилась к тому, чтобы обратиться к двум-трем старым большевикам—искровцам, правдистам—деликатным, толковым людям. Пусть объездают редакции, умненько подправят товарищей: надо, мол, вместо восхвалений печатать полезные и интересные материалы. Николай Пантелеймонович Лепешинский, Михаил Степанович Ольминский и сам Владимир Дмитриевич великолепно справились с этой миссией.

(Возвращаясь к этому эпизоду, рассказанному В. Д. Бонч-Бруевичем годы спустя, Анатолий Васильевич Луначарский добавит свое объяснение: мы «не только читали, а именно были влюблены в его моральный облик, и не только в его великий ум вождя». Он особо подчеркнет: «В его личности... мы любили то, что выше всего для текущего века,—социалистическую революцию».)

Придирчивое чтение газет на досуге и откровенные беседы с практическими работниками подтолкнули Владимира Ильича к тому, чтобы вообще радикально взглянуть на характер наших газет.

Как-то в середине сентября 1918 года Яков Михайлович рекомендовал встретиться с одним нижегородцем, уездным партработником Михаилом Ивановичем Санаевым. Собеседник оказался действительно интересным, наблюдательным, откровенным человеком. Из его рассказа складывалась жизненная кар-

в строительстве новой экономики? Каковы именно эти успехи? Доказаны ли они? Нет ли тут побасенок, хвастовства, интеллигентских обещаний («налаживается», «составлен план», «пускаем в ход силы», «теперь ручаемся», «улучшение несомненно» и т. п. шарлатанские фразы, на которые «мы» такие мастера)? Чем достигнуты успехи? Как сделать их более широкими?

...И поменьше политической трескотни.

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС—к этому подвела теперь логика классовой борьбы, и свиновые подарки эсеров—лишнее тому доказательство. Разве не убеждает это Горького? Да, он потрясен очевидным. По первому же известию о покушении ужасно встревожился, прислал телеграмму, проклиная «безумие ослепленных ненавистью», и заторопился из Петрограда в Кремль. А ведь не виделись, кажется, вечность—целых две революции позади; и не случилось вот так, с глазу на глаз, объясниться ни по поводу странного горьковского послания временщикам, насквозь пропитанного ходячими предрассудками; ни по поводу его особых взглядов на «интеллектуальную энергию» революции... И вот он рядом, громоздкий, сконфуженный, растроганный, дорогой человек. Бережно сгибает и вытягивает раненую руку, осторожно, чуткими пальцами ощупывает шею... Что ж сострадать и удивляться? Идет большая драка, каждый действует, как умеет, и добреньких свидетелей в этой драке быть не может—кто не с нами, тот против нас.

— Скажите интеллигенции, пусть она идет к нам... Пожалуйте к нам: это именно мы взяли на себя колоссальный труд поднять народ на ноги, сказать миру всю правду о жизни, мы указываем народам прямой путь к человеческой жизни, путь из рабства, нищеты, унижения... Без нас она бессильна, не дойдет к массам. Это—ее вина будет, если мы разобьем слишком много горшков.

Вслед за Горьким придет вскоре архитектор Виноградов с докладом о бюстах и памятниках, и выяснится—план монументальной пропаганды блистательно проваливается. Придется писать ответственным питерцам и москвичам, вываривать за халатность, за ротозейство и саботаж. А из Моссовета в ответ—бумажка за номером: вынуждены, мол, снять с себя ответственность. Вот вам манеры капризных барышень и глупеньких русских интеллигентов; взрослые политики так не поступают. Так и разбираются горшки...

Придет время, А. М. Горький переосценит свои взгляды и не преминет отметить:

— Должность честных вождей народа—нечеловечески трудна...

ВСЕ БРОСИТЬ НА ФРОНТ!—этим призывом завершает Владимир Ильич свою последнюю речь на митинге перед ранением.

Как на фронте?—этим вопросом встречает он чуть ли не каждый день своего вынужденного устраниения с главного командного пункта гражданской войны. Что нового на фронте?—допытывается он у каждого осведомленного товарища. Уже через неделю рассмат-

ривает срочные донесения и запросы армий.

Еще доктора составляют тревожные бюллетени, а он уже с особым тщанием изучает положение дел на Восточном фронте; торопит посылку миноносцев и подводных лодок на Каспий; обстоятельно беседует с коммунистами, работающими в оккупированных областях Советской республики; напутствует питерских рабочих, окончивших специальные курсы и вливающихся в комсостав Красной Армии; приветствует революционные полки Южного фронта, отмечая их героические подвиги...

Приехавший с Урала товарищ рассказывал о беспримерной операции десяти тысячного отряда южноуральских партизан. Главком Блюхер прошел с этой армией глубокими вражескими тылами, совершив красный рейд в полторы тысячи километров от Оренбурга на север до Кунгура, прорвав затем фронтные линии противника, соединился с войсками Красной Армии. Дерзкая, талантливая операция, внушительная демонстрация нашей мощи, крепнущих связей народных масс с Советами. Пусть уральцы немедленно представят все необходимые сведения о Блюхере—talant и героиство должны быть отмечены высшей наградой.

Но, пожалуй, одним из самых радостных фронтовых известий была телеграмма от красноармейцев Первой армии о взятии Симбирска. Ответом на «одну рану» назвали они свою победу—«за вторую будет Самара». Это глубоко всколыхнуло чувства и, как ничто, взбодрило. Сердечно ответил бойцам-освободителям: «Взятие Симбирска—моего родного города—есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Раны обостряют ощущение близости всех, кто борется за свободу и справедливость, идет под пули. И в Симбирске вот полегли головы, оборвались молодые жизни. Неизвестны, но близки эти люди. Они не искали смерти, они сражались, чтобы жить по-человечески, счастливо. Но с революционером может всякое случиться...

Целую главу ленинской биографии как бы завершает эта короткая прогулка по солнечному кремлевскому двору, уложившаяся в стометровый отрезок киноленты...

Ильич бодро шагает, неожиданно останавливается, весело говорит, энергично жестукулирует, снимает кепку, лукаво вглядывается, задумчиво улыбается, неожиданно хмурится, прикасается к щеке, прячет руки в карманы, снова шагает. Живой Ильич перед нами...

Уже в конце октября восемнадцатого тысячи людей увидят его на экране и встретят счастливым рукоплесканием, слезами радости.

Хроникеры строго документально называют свой кинорепортаж: «Москва. Владимир Ильич Ленин—глава Советского правительства, оправившийся от ран». Немало будет говорено о редком искусстве врачей, об исключительной выносливости ленинского организма; будут и легенды о всяком чудедействе. Вспомнят люди и о самой целебной повязке—той, что принесла Ильичу «небывалый прилив бодрости и сил»,—это и добрая весть о победе, и откровенность, понимание друга, и искренняя соиздательная любовь масс.

...И СТЫШИТСЯ

«Девушки! Сестры-комсомолки! К вам от имени молодых дальневосточниц обращаю свой призыв».

Далеко на востоке, в приморской и приамурской тайге, мы, женщины, вместе со своими мужьями и братьями перестраиваем замечательный край. Волей нашей Родины, нашей партии в глуши лесов, где еще недавно бродили одни изюбры, медведи и тигры, создаются сейчас города и поселки, прокладываются дороги, возникают нескружимые бетонные крепости — форпосты социализма на Тихом океане...

Пять лет назад — тогда мне было семнадцать лет — я стала дальневосточницей...

Нас, девушек, хотели вначале оставить в Хабаровске. Но мы запротестовали. Я со своей подружкой попросилась в самый глухой, самый отдаленный район, на побережье Тихого океана...

На берегу залива разместились два-три домика и несколько маленьких землянок. Кругом сопки, поросшие хвоей. Тайга...

Здесь открываются самые лучшие качества людей. Здесь умеют по-настоящему помогать товарищу, дружить и в радостях и в невзгодах. Трудности сближают...

И вот, дорогие подружки, вместе со всеми дальневосточницами я зову вас приехать к нам. Я не зову вас на отречение от жизни. Ведь то, что вас ждет, хотя и трудно, но так увлекательно, интересно. Девушки на Дальнем Востоке приносят в суровую и часто огрубевшую жизнь то, что облагораживает, поднимает людей, вдохновляет их на новые героические дела...

Но запомните, на Дальний Восток мы зовем только смелых, решительных, не боящихся трудностей людей.

Мы знаем, что нашими юношами и девушками владеет высокая зависть, зависть ко всему героическому, пусть трудному и тяжелому. Все, что трудно, но полезно для нашей Родины, так почетно.

Нам нужны слесари и токари, учительницы и чертежницы, машинистки и счетоводы, конторщицы и артистки... Нам нужны просто люди — смелые, решительные, самоотверженные... Вас ждут замечательная работа, замечательные люди, замечательное будущее... Мы ждем вас, подружки!

Эти строки взяты из письма Валентины Хетагуровой, опубликованного 5 февраля 1937 года в «Комсомольской правде». Призыв комсомолки-дальневосточницы вызвал к жизни одно из самых ярких и массовых патриотических движений советской молодежи. Тысячи и тысячи девушек, называвших себя «хетагуровками», отправились на Дальний Восток, чтобы осваивать эти края. Их труд, труд их мужей, а затем детей и внуков принес прекрасные плоды, что с чувством глубокого удовлетворения отметил во время своей поездки по Сибири и Дальнему Востоку Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев.

Мы публикуем рассказ Валентины Семеновны Хетагуровой «О времени и о себе».

Н икогда я не вела дневников, не сохраняла писем и фотографий, не заводила архива и вообще не думала о том, что придется писать воспоминания. В этом и, кстати, во многих других смыслах для меня пример моя подружка — замечательная женщина Татьяна Федорова, одна из первых метростроителей, она теперь заместитель начальника «Метростроя», Герой Социалистического Труда. Вот Таня с молодых лет осознала ценность событий, впечатлений, встреч, выпавших на ее долю, и, пожалуй, может сейчас с документальной точностью восстановить едва ли не каждый прожитый день.

А я... Откровенно говоря, жалею теперь, что не записывала виденного и слышанного. Я просто жила, как подсказывали время и сердце: строила, путешествовала, дружила, любила, растила детей, пела песни — на все вроде бы хватало сил, вот только до дневника, что называется, руки не дошли. И теперь испытываю некоторое смущение по поводу возможных сбоев памяти, перепутанных дат, забытых имен или вовсе не известных мне отчеств. Надеюсь, что читатель меня простит, если я буду рассказывать о прошлом так, как помню, называть своих друзей и знакомых так, как называла их тогда, и не стану описывать всю свою жизнь в хронологической последовательности.

Молодость вообще, наверное, самое лучшее время в биографии человека, хотя есть своя прелесть в каждом возрасте. А в моей судьбе молодые годы совпали с яркими, значительными, славными страницами в истории страны. Да к тому же молодому читателю, полагаю, интереснее узнать о том, как жили его сверстники пятьдесят, сорок, тридцать лет назад, чем о жизни людей уже взрослых и даже пожилых. Вот почему я ограничусь здесь лишь сравнительно коротким периодом — тридцатыми и сороковыми годами.

Отец мой Семен Иванович, шофер на Путиловском заводе, умер совсем молодым в 1918 году во время эпидемии холеры. Был он человеком жизнерадостным, общительным, веселым, но я его почти не помню, потому что мне в ту пору исполнилось три года. Осталось нас у матери на руках четверо. Получали пенсию за отца, мать шила — этим и жили. Легко понять, что жили бедно. Но дружно и весело. Удивительной, я бы сказала, интеллигентной атмосферой в нашей семье мы обязаны маме Екатерине Яковлевне.

Мама обладала редкой житейской мудростью, тактом, искренней доброжелательностью и воспитывала нас не длинными нравоучениями, а как-то исподволь, незаметно. Никогда, например, не принуждала нас приходить домой к определенному часу, доверяла нашим рассудкам и чувствам. И если говорила «о жизни вообще», то лишь одно: делая что-то плохо, вы, ребята, делаете плохо не кому-то, а прежде всего самим себе — вам жить среди людей, вам и думать...

Мы ей не врали, лишь однажды я попыталась ее обмануть. Мне исполнилось семнадцать, я работала чертежницей в одном из ленинградских НИИ и училась в вечернем техникуме. Прибегает как-то ко мне моя подружка Циля Юдина и говорит, что райком комсомола формирует группу ребят для поездки на Дальний Восток. Мы загорелись этой идеей так, что едва дождался следующего утра.

В райкоме комсомола разговор шел

вовне предметный: не жалуетесь ли на здоровье? Умеете ли оказывать первую помощь? Держали ли в руках винтовку? Нас-то все это не пугало: мы тогда просто бредили Магниткой, Днепрогэсом, занимались в кружках текущей политики, любили спорт, считали своей обязанностью овладеть азами военной подготовки. Жили в одном ритме со всей страной.

Но за маму я боялась. Незадолго до того моя старшая сестра на студенческой геодезической практике провалилась под лед и утонула. И причинять маме новое горе я не имела права. Решили сказать так: мол, комсомол объявляет мобилизацию и меня посылают. Мама, услышав это, отправилась к моему дяде, старому большевику, в те годы начальнику одного из ленинградских отделений милиции. «Как же так, ведь девочке еще только семнадцать лет?» — спросила она у него. Дядя помолчал (он меня и мой характер знал) и сказал, что силком меня никто, дескать, посылать не станет — сама, должно быть, рвется.

Мать встретила меня грустной: «Что же ты, дочка, меня обманываешь? Я ведь никогда на дороге у детей не становилась. Думаешь, мне так легче?» И заплакала... Поплакали мы вместе, и она меня проводила. Спустила несколько лет я уже вместе с мужем Георгием Хетагуровым приехала в Ленинград. Собралась родня, и кто-то сказал маме: вот, Катя, теперь у тебя внуки пойдут, будет тебе занятие на старости лет. И мама с улыбкой ответила, что своих детей вырастила сама, всю душу им отдала, чего и дочерям желает. Я запомнила эти слова и, когда на Дальнем Востоке у меня родилась дочка, написала о том маме, но к себе не звала. Прошло две недели, и я получила телеграмму из Хабаровска: ко мне ехала мама. До конца своих дней она не расставалась с моими детьми...

До Хабаровска поезд шел 14 суток. Была нас в вагоне «чертова дюжина» — десять парней и три девушки. Мне кажется, что за эти две недели я узнала больше, чем за предыдущие семнадцать лет. Огромный простор, великие русские реки, города, о которых только в учебниках по географии и в газетах читала, тайга... Душа моя, восторженная и наивная, прямо-таки разрывалась от впечатлений. А Байкал! На берегу Байкала мы стояли как завороченные...

Но мы открывали не только поразительный мир, мы открывали и самих себя. Уже тогда я обнаружила да и поныне сохраняю это убеждение, что от человека зависит порою больше, чем он предполагает. Вот лишь одно подтверждение этому. Я теперь уже не только мать, но и бабушка и отлично понимаю иные родительские страхи. Действительно боязно, что твоего ребенка, такого маленького и беззащитного, могут обидеть. Особенно если речь идет о юной девушке. Но моя собственная судьба, и судьбы двух моих дочерей, и судьбы многих моих подруг и знакомых свидетельствуют: к женщине почти всегда относятся так, как она того хочет и заслуживает.

Я жила подолгу в общежитиях и военных городках, сталкивалась с самыми разными людьми, но никто и никогда не попытался меня оскорбить или обидеть. Напротив, нас с подружкой самым трогательным образом оберегали. В общежитии даже сложилась такая традиция: придет кому-нибудь письмо — бегут к нам поделиться, получит кто-нибудь посылку — вскрывает у нас в комнате,

остались последние дрова — отдадут нам...

В Хабаровске нас никто не встречал. Мы разыскали в деревянном, по преимуществу одноэтажном тогда городе, с деревянными же и тротуарами улиц, где располагался штаб Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. В инженерном управлении нам объявили: парни едут на дальнюю стройку, девушки остаются в городе. Мы, мало сказать, расстроились, просто были в отчаянии. Стоило ехать через всю страну ради такой скучной работы! К тому же мы тогда чрезвычайно остро реагировали на малейшие проявления неравноправия с мужчинами.

А после того, как один инженер, помню только фамилию — Ефимов, рассказал нам о бухте с необычным, экзотическим названием Де-Кастри, мы и вовсе взбунтовались. Начальство усомнилось: а не запротестуете ли вы? Но видя нашу стойкость, сдалось. Бухта эта и крохотный поселок в ней находились на расстоянии около пятисот километров от Хабаровска, так что, строго говоря, у руководства были основания для скептического отношения к требованиям зеленых девочек.

Дело в том, что в те времена пополнение рабочей силой производилось за редкими исключениями по договорам. Это значит, что ездили по стране представители и вербовали людей. Предлагали подъемные, суточные и прочие довольно крупные денежные пособия. Соглашались на это, как правило, искатели длинного рубля. Приезжали они на место, начинали работать, убеждались, что в этих условиях трудно приходится, что быт не налажен, — и сбегали. Не все, конечно, но многие. Поскольку, кроме любви к самому себе, единственному, такого вербованного обыкновенно никакие чувства не посещали, то и текли в те времена туда и обратно два почти одинаковых потока людей.

Столкнулись с этим и мы. На амурской пристани у села Мариинского нас окликнули со встречного парохода. Кто это? Да это наши же попутчики, наши ленинградские ребята! Они не только позорно ударили, но и нас пытались повернуть назад! Горько это — видеть трусость и предательство... Тут мы пообещали друг другу, что не остановят нас никакие трудности, что свой долг мы выполним, что даже ради Комсомольска, мимо которого мы прольвали, не изменим бухте Де-Кастри. И, знаете, могу сказать совершенно честно, ни разу в жизни, даже в самые невеселые минуты, не пожалела я об этом своем выборе.

В письме, запечатанном в «Комсомольской правде», я звала девушек не на отречение от жизни, а на жизнь увлекательную, интересную. И это искренние слова. Сейчас, спустя сорок с лишним лет, мне уже трудно отделить одно от другого, но я думаю, что в моем добром отношении к тогдашней жизни в Де-Кастри больше объективной оценки нашего бытия, чем умиления перед своей молодостью.

Главным богатством, главным содержанием, главным интересом в нашей жизни была работа. Работа! Это слово в моем сознании навсегда связано не со способом обеспечить себе хлеб насущный, а чем-то таким, без чего человек не может быть человеком. Бывало, мы мерзли, бывало, уставали, бывало, грустили о доме. Но никому из моих тогдашних товарищей и в голову не приходило, что можно делать свое дело неохотно, по принуждению, равнодушно. Недо было встать и идти — все вставали и шли. Тех, кому случалось заболеть все жалели, — им ведь нельзя работать.

НАША МЕЛОДИЯ

На стройке я стала, как и в Ленинграде, чертежницей — понятно было и мне и другим, что так я могла принести больше пользы. Но чертежницей — это вовсе не значило «от сих до сих». Мне приходилось, например, проектировать довольно сложные береговые сооружения из бетона. И хотя рядом были дипломированные инженеры, от меня тоже требовались и выдумка и расчет. Любая моя ошибка на листе ватмана могла обернуться для строителей днями, а то и неделями бессмысленного труда. Труд очень тяжелого...

Авралы — всеобщие выходы на любую работу — случались почти каждую неделю, а иногда и каждый день. Порою это было связано с погодными условиями. Помню, как-то уже в самом конце навигации пришел последний корабль и выгрузил на лед замерзшей бухты много тонн груза для стройки, в основном продукты. Транспорта не было, о современных механизированных причалах и не мечтали, так что принялись перетаскивать ящики, бочки, мешки на себе. Проработали так день и ночь, а на следующее утро поднялся страшный ветер, лед в бухте с грохотом разорвало, и большую часть наших богатств вместе со льдом унесло в океан...

Будничным делом были авралы на котловане, на закладке бетона, на уборке мусора и благоустройстве поселка. Без особенного пафоса в голосе нам объявляли, что сегодня надо. И вечером после своей основной работы мы одевались в робы и шли. Работали буквально бегом, и не только из-за мороза. Каждый хотел обогнать товарища, сделать больше, показать себя, но не думали мы о вымпелах и грамотах, а уж тем более о материальном поощрении, достаточно было одного сознания своей полезности. Глухо тарыхтел движок, со стуком рыхлили разогретую кострами вечную мерзлоту кирки, шаркали по грунту лопаты, звонко раздавались в зимнем воздухе голоса... Уходили поздно ночью.

Но собственно работой мы не ограничивались. Слово «комсомолец» означало не просто принадлежность к нашему Ленинскому Союзу, но и обязанность вникать во все. Говоря проще, каждая из нас, ленинградских комсомолок, была «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Начать с того, что немедленно после прибытия в Де-Кастри, после шторма, в который я попала на озере Кизи, не успев еще даже толком оглядеть поразительную по красоте бухту, окруженную мохнатыми зелеными сопками, я оказалась... актрисой. Хотя какая из меня актриса? Но надо было — больше некому — сыграть мадам Берсеневу в инсценировке лавреневского «Разлома»: на завтра предстоял выездной спектакль в рыболовецкой артели. Ленинградка — значит, сможет. Смогла.

Чрезвычайно важным и увлекательным делом для нас была ликвидация безграмотности. Теперь, должно быть, трудно даже представить, что многие, очень многие люди, в особенности старших поколений, не умели тогда написать письмо домой и прочитать заметку в газете. А мы ощущали это как одно из худших наследий классовой несправедливости. Все коммунисты и комсомольцы закрепляли за собой небольшие, по два-три человека, группы безграмотных и занимались с ними. Довелось делать это и мне. Может быть, мы не были очень хорошими педагогами, но задачу свою понимали так: надо научить человека читать и писать, и при этом дать ему основные политические знания. На первых произведениях пролетарских писателей строили мы свои уроки. Неда-

ром в фильмах о тех временах часто приводят строчку из букваря эпохи ликбеза: «Мы — не рабы».

Той же цели, если разобраться, служили и громкие читки газет и журналов, которые мы устраивали регулярно, лозунги на кумаче (мы красили в красный цвет простыни и писали на них разведенным зубным порошком), политинформации. Не было тогда телевидения, концертных бригад, и лекторов из столицы ожидать не приходилось, даже почту доставляли нерегулярно — когда раз в две недели, а когда и раз в два месяца прилетал самолет и сбрасывал с парашютом тук с корреспонденцией. И что интересно, жизнь у нас была ключом, мы были горазды на выдумки и затеи, а если что-то получалось «не на уровне мировых стандартов», то наша аудитория прощала нам... И внимание страны к нам ощущали беспрестанно, хоть и далеко были от крупных населенных пунктов. Сознавали, что делаем важное, жизненно необходимое для Родины дело — строим город на восточном рубеже.

Постепенно мы выстроили много крепких двухэтажных домов, стадион с теннисным кортом, школу-семилетку для детей и школу для взрослых. Подвели водопровод к столовой и бане. Разбили парк культуры и отдыха с фонтаном и танцплощадкой, для ребятшек песок привезли, беседки на берегу океана поставили. Организовали курсы кройки и шитья, курсы чертежников, телеграфистов, связистов. Стали картошку выращивать на южных склонах сопки, и даже цветы у нас росли.

Если знать, чего это стоило, то можно гордиться. Чтобы поставить обыкновенные столбы, например, надо было вырубать таежный бурелом, выкорчевывать пни, два-три дня отогревать землю кострами. Зимой морозы лютые и ветры сумасшедшие. Когда мы приехали, то увидели несколько маленьких домиков, бараки-общезития с многоярусными нарами да сырые землянки. Родильный дом помещался в крохотной полутемной избушке, освещавшейся фитильком из ватки, плавающим в блюдце с маслом. Тяжелая жизнь. И прекрасная жизнь.

Вот была у нас кинопередвижка, а электромотора не было. Но ведь кино смотреть хотелось. Мы и придумали — крутить аппарат вручную. На сеанс нужно было человек пятнадцать, да покрепче. Или такая история. Меня, секретаря комсомольской организации стройки, избрали тогда депутатом поселкового Совета. Как-то поехала я на заседание, путь лежал через бухту, по льду. Дали мне по такому случаю лошадку и сани-розвальни. Туда добралась благополучно, отзаседалась, трогаюсь в обратную дорогу, а лошадь еле идет. Устала да и оголодала: с кормами было совсем не густо. Спустилась на лед моя «лошадиная сила», а дальше ни в какую. И уговариваю, и кричу, и плачу — ни с места. Додумалась. Взяла клок сена и почти двенадцать километров пятילась — лошадь за сеном пошла! Даже и в голову не пришло, что сама могу замерзнуть. Боялась животное погубить и ребят подвести: на себе потом придется грузы таскать... Страху натерпелась! Но все обошлось.

Любопытная и, я бы сказала, важная особенность нашей тогдашней жизни, наших настроений и взглядов: работая в крохотном поселке, мы мыслили категориями государственных, думали о будущем, ощущали свою причастность к судьбе всей страны.

Комсомольские собрания мы проводили не по какому-то графику, а по естественной потребности души, хотелось

ВАЛЕНТИНА ХЕТАУРОВА

Фото Юрия УСТИНОВА

поговорить с товарищами о самом главном, высказать свое мнение о последних событиях в мире, обсудить положение на стройке. Происходило это в достаточно бурной, наполненной страстями обстановке, мне, секретарю комсомольской организации, порою не без труда удавалось унять спорщиков. Причем наши стычки — независимо от того, касались они сугубо теоретических проблем коммунистического воспитания или конкретных неполадок и упущений, — никак не влияли на дальнейшее отношение. Потерпеть поражение в дискуссии и затаять обиду считалось невозможным, недопустимым. И до сих пор я сохранила уважение и дружеские чувства к моим товарищам: двум инженерам-москвичам Леше Садинову и Леше Горбачеву, ленинградцу Изе Линейкину, молодому коммунисту Верховскому и другим, хотя почти никого из них давным-давно не видела.

Мы, приехавшие из Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова, много спорили о том, как лучше, эффективнее, надежнее осваивать Дальний Восток, по нынешней терминологии затрагивали вопросы социологические и демографические. Насмотрелись мы на разных людей, работавших рядом с нами, комсомольцами и коммунистами, и поняли, что даже самые честные и добросовестные завербованные жители — временные. А раз так, то и к делу и к самой

земле будут непременно относиться с прохладцей, им лишь бы заработать — и домой. Другое дело — постоянное население, для этого разряда работников здесь все свое, родное. Но как сделать временных постоянными, как добиться, чтобы лучшие из лучших пустили корни в дальневосточной тайге? Единственный способ — помочь им создать здесь семьи, обзавестись жильем, а тогда и дети появятся. В детях — будущее этого необычайно богатого края.

Но если разведчиками и первопроходцами становятся чаще всего мужчины, да им это и пристало как сильному полу, то где же им в тайге найти невест на всех? Так думали и мы тогда, но я и не представляла, что мне когда-нибудь придется высказать эти мысли на всю страну...

А в справедливости этих мыслей меня убеждала и собственная судьба, поскольку я свое счастье нашла именно там, в Де-Кастри.

Начальником политотдела был Семен Васильевич Руднев, впоследствии ставший комиссаром легендарной партизанской армии Ковпака и погибший в бою. Был он моим без преувеличения духовным наставником. Рекомендовал меня в партию и вообще многое объяснил в жизни. Мы тогда не знали своих сил, частенько разбрасывались, пытались делать все сразу, а Семен Васильевич

терпеливо и строго учил нас мыслить стратегически, выбирать главное и уж тогда стоять до конца. Был он человеком добрым, но не добреньким, мог устроить страшный нагоняй, но никогда не заставлял долго ждать помощи.

Однажды он собрал коммунистов и комсомольцев и сказал, что надо нам ехать по войсковым частям. Близится время увольнения в запас, и если нам не удастся оставить хоть на пару лет часть красноармейцев здесь, то стройке худо придется. Люди они закаленные и дисциплинированные, политическое положение понимают. Короче говоря, раздал нам Руднев примерные тексты договоров, разделил на группы и отправил.

Мне с нашим секретарем партийной организации инженером Лешей Кузиным выпало ехать в артиллерийский дивизион. Девять километров верхом на лошади (для девчонки, впервые севшей в седло, это немало). Приехали мы, нас встретили и окружили красноармейцы, приветливые, внимательные. Прочитали мы им вслух все пункты договора, объяснили наши резоны, стали уговаривать остаться. Да многие из них и не возражали. Но вот из толпы раздался ехидный голос. Вот вы, дескать, товарищ Зарубина, скажите: а почему в договоре ничего не сказано о семье? Мы же парни молодые, нас дома ждут девушки, а здесь на ком жениться? А вас, Валя, мы замуж сразу выдадим, у нас и жених есть подходящий — смелый да бравадный, на коне гарцует, лезгинку танцует, добрый, особенно если фуражку на затылок сдвинул, тогда вообще проси что хочешь. А ежели фуражка на брови натянута, тогда строгий. Да вот и он сам...

Обернувшись, я увидела, как по просеке к нам шел красивый, широкоплечий, с тонкой талией, перетянутой ремнем, в фуражке набекрень и с выющим черным чубом командир. Он шел, помахивая хлыстиком, видно, только что спешился с коня. Приблизился к нам и притворно строго спросил: «Кто это тут без моего разрешения проник в расположение части?» Кузин стал смущенно объяснять, кто мы и зачем приехали, но Георгий Иванович Хетагуров, командир отдельного арtdивизиона, начальник артиллерии, кавалер ордена Красного Знамени, только улыбнулся и повел нас обедать (и лошадей наших велел расседлать и покормить).

И тут я вспомнила, что еще за месяц до того на празднике в честь дня рождения Особой Краснознаменной Дальневосточной армии обратила внимание на лихого джигита, который лучше всех рубил лозу и брал препятствия на коне. (Как потом оказалось, Георгий тоже видел меня раньше в управлении, но постеснялся подойти познакомиться.) Потом Хетагуров проводил нас верхом до самого Де-Кастри. И с тех пор начал за мной ухаживать. Делал он это, как все в своей жизни, серьезно и красиво.

Через месяц он сделал мне предложение — по всей форме. И я, пусть и трудно теперь в это поверить, ответила: «Не затем сюда приехала! Вы же меня совсем не знаете, а хотите свою жизнь со мной связать». Георгий спокойно возражал мне, что достаточно хорошо знает меня и вообще не может говорить таких вещей непродуманно. «А потом... мне мама не велела!» — нашла я последний «аргумент», хлестнула лошадь и ускакала.

Но Хетагуров оказался настойчивым и терпеливым, упорным и верным (может быть, и эти качества помогли ему спустя годы стать Героем Советского Союза, генералом армии).

При всем своем горячем характере горца-осетина он сумел дожидаться, пока я отвечу ему взаимностью. Через год я вышла за него замуж и переехала к нему в военный городок. Мы прожили вместе в счастье, дружбе и взаимном уважении сорок два года, вырастили троих детей.

Жизнь офицерской жены в военном

городке особая. Тут недолго затосковать, утратить интерес к жизни, что я, к сожалению, не раз видела. Мужья и их подчиненные заняты своим ратным делом с утра и до ночи, а жены могут погрязнуть в быте, в немудреных домашних заботах. Мне же, комсомолке, это было не к лицу. И вот создалась у нас сплоченная группа женщин-активисток, и принялись мы за дело. Украшали и приводили в порядок красноармейские казармы. Из старых одеял сделали коврики к кроватям, сшили салфетки, занавески на окна, оформили Ленинские комнаты лозунгами и плакатами, в библиотеку отдали свои скромные собрания книг, к праздникам пекли кто что умел вкусного, убрали зал столовой искусственными цветами, сшитыми из рукавов, отрезанных от лучших платьев.

Но не только уют нас волновал. Мы, например, помогали командованию бороться с цингой, в ту пору бичом для поселенцев из центральной России, — научились варить хвойный отвар и собственным примером убеждали красноармейцев и командиров пить его, собирали в тайге дикорастущий зеленый лук, черемшу, бруснику. И добились того, что эта опасная болезнь отступила.

Организовывали субботники по уборке территории, посадке овощей, благоустройству городка. Создали в гарнизонном клубе женские кружки «Ворошиловский стрелок», противовоздушной и химической обороны, радисток, телеграфисток.

Много сил и времени отдавали самодеятельности. У нас был свой любительский театр, и мы не боялись замахиваться даже на самый серьезный репертуар, но больше всего нас привлекали постановки современные, актуальные по теме и драматургии. Играли все, кто хоть мало-мальски мог держаться на сцене, даже мне доставались иногда главные роли. Честно говоря, наши спектакли делались не столько игрой артистов, сколько неравнодушным участием зрителей, для которых это бывал каждый раз истинный праздник.

Однажды Георгий Иванович пришел домой со службы и застал в доме целое столпотворение. Двенадцать женщин стирали красноармейское белье у нас, пока не была выстроена военная прачечная. Пришлось мужу уйти на несколько дней в свой кабинет. Перестирали, перечинили в тот раз много солдатского белья. Нам выпала нелегкая работа, и как же мы гордились, когда мимо нас промаршировали с песней артиллеристы, направлявшиеся в баню, а под мышкой у каждого сверток свежего белья..

Бойцы отвечали на нашу заботу са-

мым искренним и добрым к нам отношением. Не раз мы замечали, как они по собственной инициативе старались сделать нам что-то приятное, как-то облегчить жизнь. Помню, однажды я с грудной дочкой подошла к волейбольной площадке, пришла с ребенком и моя подруга, тоже закоперщица всех наших начинаний, молодая ленинградская коммунистка Тоня Горбунова и другие женщины. Наверное, по нашим лицам было видно, как хочется нам сыграть, потому что двое парнишек в гимнастерках подошли к нам, забрали детей и ужасно трогательно нянчили их, пока мы с азартом стучали по мячу.

Поддерживало наше стремление улучшить быт воинов и командование укрепрайона. Семен Васильевич Руднев, несмотря на огромную занятость, находил время поинтересоваться, как идут у нас дела, неутомимо популяризировал наш весьма скромный опыт. Поощрял нас и командующий ОКДВА Василий Константинович Блюхер. Дважды посещал гарнизон начальник Политуправления РККА Ян Борисович Гамарник и тоже хвалил нас. Позже я узнала, что мы с ним были единомышленниками, поскольку он высказывал мнение, что без привлечения девушек на Дальний Восток освоить эти края, поднять их богатства вряд ли удастся.

В декабре меня избрали делегатом на Всеармейское совещание жен командно-начальствующего состава Красной Армии (насколько я знаю, позже такие совещания не проводились, а тогда этому мероприятию придавалось очень большое значение). В Москву мы ехали вместе с мужем, так как одновременно он был избран делегатом на VIII Чрезвычайный съезд Советов.

Теперьшему поколению молодежи, я думаю, не понять моего состояния: из глухой тайги — в Кремль! И вот я вхожу в зал, заполненный сотнями женщин. — Украина и Узбекистан, Кавказ и Сибирь прислали сюда своих делегатов. Все в красочных национальных костюмах, с цветами, разноцветными лентами. И когда, вставая, они устраивали овацию, то зал превращался в роскошную ожившую оранжерею.

Слышу, как произносят мою фамилию, словно в тумане, поднимаюсь в президиум, где сидят все члены нашего правительства, нарком обороны К. Е. Ворошилов, первые маршалы, знаменитые военачальники. Я понимаю, что этой чести удостоилась лишь потому, что приехала из самого дальнего гарнизона, с берега Тихого океана. Еще в Де-Кастри мы с Рудневым обдумывали, о чем мне стоит говорить на совещании, но когда вышла на трибуну, я,

словно героиня Веры Марецкой в фильме «Член правительства», напрочь позабыла о записях, хорошо еще, что не выпустила, как в кино, свои листки в зал. Сначала путалась и заикалась, но потом освоилась и стала рассказывать о нашем житье-бытье, о том же, о чем говорю и здесь. А в завершение высказала свое убеждение, что Дальнему Востоку нужны наши девушки, что только они помогут по-настоящему обжить приморские и приамурские таежные районы.

Вскоре ко мне в гостиницу пришли несколько журналистов из «Комсомольской правды» и предложили мне выступить в газете с призывом к комсомолкам. Среди них был и совсем молодой тогда Юрий Жуков, ныне известный публицист и международный обозреватель. Встретившись с ним спустя много лет, я назвала его своим крестным отцом во всей этой истории, он улыбнулся и не стал возражать.

А история эта тогда только начиналась...

Многие, в том числе и я, не ожидали, что после обращения события примут такой размах. В редакции газет, в комитеты первичных комсомольских организаций, в Дальневосточное представительство в Москве, в Далькрайком ВЛКСМ, в ЦК комсомола и просто ко мне домой полетели тысячи писем. Вот несколько цифр: 31 марта 1937 года пришло 4893 письма, к 4 апреля их стало 5800, а всего за несколько месяцев на этот призыв откликнулось свыше 60 тысяч человек.

Девушки всех специальностей: врачи и учителя, шоферы и токари, зоотехники и культработники, конторщицы и агрономы — ехали на Дальний Восток. Ехали на свой страх и риск, в одиночку и целыми эшелонами, за свой счет и за счет государства, поскольку вскоре было принято специальное постановление о всемерной поддержке этого патриотического движения... Ехали не только девушки, но и юноши — на одной из станций встречали эшелон девчат с оркестром, хлебом-солью, подготовленными общежитиями, а из вагонов на перрон сошли крепкие парни. То-то смеху было!

В те дни я работала уже в Хабаровске инструктором политуправления ОКДВА по работе с женщинами, а затем была избрана секретарем крайкома комсомола, где мне поручили тот же участок. Для приема, размещения и трудоустройства приезжающих была создана представительная комиссия, которую возглавила старая коммунистка Надежда Ивановна Кузнецова, при крайисполкоме сформировали отдел по работе с

переселенцами, ведь ехали и целыми семьями, бригадами, даже цехами и колхозами. Наиболее грамотных девчат из первых эшелонов мы посадили разбирать письма, потому что они все прибывали и прибывали...

Девушки эти называли себя «хетагуровками», и я поначалу стеснялась этого, а потом как-то попривыкла. Дело ведь тут не во мне. Я лишь высказала давно назревшую и для многих очевидную идею, авторство которой должны разделить и С. В. Руднев, и мои подруги по стройке и гарнизону, и делегатки Всеармейского совещания, и журналисты из «Комсомолки».

Вообще-то обстоятельство, что мое имя стало известно людям, — это в очень большой мере случайность. Ничего героического я не совершила. Судьбы, похожие на мою, можно исчислять, наверное, сотнями или тысячами. Но вот после обрушившейся на меня популярности пришлось нелегко: я на себе ощутила непомерную тяжесть ответственности. И всю жизнь стремилась не уронить себя, быть достойной оказанного мне огромного доверия, выразившегося во множестве почетных и, конечно, приятных событий. Так, в Москве меня наградили орденом Трудового Красного Знамени, а нарком обороны премировал именными золотыми часами. В 1937 году трудящиеся Комсомольска-на-Амуре избрали меня своим депутатом в Верховный Совет СССР первого созыва... А бывали и забавные проявления той самой популярности. Однажды на вокзале ко мне подбежала девушка из только что прибывшего эшелона и спросила подозрительно, правда ли, что я на самом деле Валентина Хетагурова. А когда узнала, что так оно и есть, разочарованно вздохнула: «Ой, а я думала, вы совсем не такая...»

Спустя много лет в Комсомольске подходит ко мне девушка и говорит: «Валентина Семеновна, мне вы обязательно должны дать автограф!» «Почему же обязательно?» — улыбаюсь я. «Да потому, — говорит она, — что пала мой — первостроитель Комсомольска, мама — хетагуровка, я сама — Валя в вашу честь и к тому же строю город Солнечный!»

Мы принимали тогда эшелон за эшелоном, и жизнь на Дальнем Востоке буквально заурлила, словно в нее влили свежую кровь. Все крупные организации: стройки и предприятия, транспортные учреждения и рыбные промыслы — присылали заявки на вновь прибывших, устраивали их на работу, выделяли жилье, с которым было тогда очень туго. И заиграли, зашумели, заплесали свадьбы...

Но, конечно, девушки, приехавшие на

Дальний Восток, мечтали не только о создании семьи, но и о большой, интересной работе. Одна из моих подружек с сорокалетним стажем, Ефросинья Кулиненко, попросилась тогда на один из самых дальних рыбных промыслов. И уже через полгода так освоила новую специальность, что победила знаменитую работницу, приехавшую из Астрахани передавать опыт. Саша Березницкая, которую я встретила на 35-летию Комсомольска, много лет проработала в многотиражке, была избрана председателем хетагуровского комитета девушек, а теперь, кажется, пишет книгу о тех незабываемых годах. Аня Алексеева была строителем, вырастила трех дочерей, и старшая из них возводила Амурск — продолжала дело матери... Пусть не все девушки призыва 30-х годов остались жить на Дальнем Востоке, но пользу принесли они этому краю огромную.

Эшелоны, эшелоны... Как часто судьба молодых людей в нашей стране оказывалась накрепко связана с этим словом! Эшелонами ехали юноши и девушки на Магнитку и Днепродзержинск и Дальний Восток. Эшелоны возили молодежь на фронты Великой Отечественной войны, и они же доставляли домой победителей — я до сих пор не могу без волнения смотреть кадры встречи солдат в мае 45-го в Москве на Белорусском вокзале. Целыми железнодорожными составами с песнями и лозунгами отбывали молодые поднимать целинные и залежные земли. И этим же транспортом отправлялось снова на Дальний Восток новое поколение пионеров, первопроходцев, романтиков. Байкало-Амурская магистраль завоевала мое сердце еще до того, как я познакомилась с замечательными ребятами, строящими ее.

Родные мне края, тайгу и сопки видят они и, я уверена, не смогут забыть до конца своих дней. Им трудно приходится, но они делают чрезвычайно важное и нужное для страны дело, прокладывая трассу, по которой пойдут новые и новые эшелоны. Мне нравится современная молодежь, я горжусь ее свершениями, масштабами ее созидательной деятельности. Нам, конечно, и не снился такой размах...

...Незадолго до войны я вынуждена была уехать с Дальнего Востока: муж — человек военный, должен отправляться, куда прикажут, а мне пора было учиться (техникум-то я так и не окончила). Тогдашний начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис против своего обещания не хотел меня отпустить на учебу. И пришлось мне идти не больше, не меньше, как к самому Клименту Ефремовичу Ворошилову. Он при-

нял меня, выслушал и, конечно, разрешил. Приказал прямо у него в кабинете сесть писать рапорт на его имя. От волнения я сделала ошибку, и не где-нибудь, а в его фамилии. Нарком обороны заглянул через мое плечо, засмеялся и сказал, что, видно, и в самом деле мне надо подучиться.

Поступила я в Промакадемию, училась старательно и с удовольствием, потом вместе с группой отличников перешла в станкостроительный институт.

...Началась война. Муж был на фронте. И я тоже попросилась на фронт. Мой товарищ по Далькрайкому комсомола, ставший в те дни политработником, предложил мне стать комиссаром женского полка связи. Через несколько дней позвонил и сказал, что все оговорено, завтра днем надо идти оформляться. Но наутро раздался телефонный звонок, и меня вызвали в Центральный Комитет нашей партии. Георгий Васильевич Петров, который беседовал со мной, внес в мою тогдашнюю жизнь ясность и определенность. На фронт вам идти не нужно, спокойно сказал он, ваш опыт работы с женщинами сейчас нужнее в тылу, к тому же ваш муж воюет и хорошо воюет — хватит от вашей семьи и его. А вам предлагаем чрезвычайно важную работу: при Совете Народных Комиссаров РСФСР создается Управление по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих — вот там Валентина Хетагуровой самое место.

В 1944 году в газете «Красная звезда» писала о нашей работе. Сама статья у меня не сохранилась, но сохранились в памяти две цифры. Поразительные цифры. Только в 1943 году и только по РСФСР было выплачено государственных пособий и пенсий семьям фронтовиков на сумму в 6 миллиардов рублей. И это в стране, вынужденной в ту пору на своих плечах тяготы колоссальной, кровопролитнейшей битвы с фашизмом!

Очень большую работу в этом направлении проводил комсомол. Во многих областях страны, почти повсюду, создавался тогда молодежный фонд помощи детям. Сбережений ребят, заменившие у станков и плугов отцов и старших братьев, конечно, не имели. Они могли только делиться крохами, на которые жили. И делились, отдавали дневной и недельный заработок для обеспечения сирот. На средства фонда содержались к 1944 году уже тридцать три детских дома и десять здравниц.

В те годы мне приходилось много ездить по стране, поскольку в контакте с нашим управлением работали практически все местные Советы. Бывала я на территориях, только что освобожденных от фашистского ига, — горестное

чувство вызывали руины городов и предприятий, сожженные деревни, от которых остались только обугленные трубы... Случалось попадать и на фронт, а однажды нагрянула прямо в штаб дивизии, которой командовал Георгий Иванович. Но он мне не слишком обрадовался, даже отругал за легкомыслие, поскольку его блиндаж был на расстоянии меньше километра от переднего края обороны противника и с той стороны весьма ощутимо постреливали из пушек, да и авиация бомбила. Но я все равно была счастлива видеть его живого, здорового после того, как летом 41-го он был тяжело ранен и не раз, я знала, смотрел смерти в глаза.

После взятия Берлина, в котором участвовал и Георгий Иванович Хетагуров, его направили как бывшего дальневосточника воевать против японской Квантунской армии. Мы с детьми проводили его в Москве на вокзале, и это был, кажется, последний раз, когда мы расставались с ним надолго. Потом, после победы над Японией семья всегда следовала за отцом ко всякому его месту службы, и мы снова жили в военных гарнизонах. Для меня было важно не столько то, какую работу вел мой муж, сколько то, что он по-прежнему сохранял в себе сочетание требовательности командира с добротой много повидавшего и пережившего человека. Помню, однажды я увидела, как женщина, пришедшая к Хетагурову просить за своего провинившегося сына, разрыдалась, и мой бесстрашный, уболенный сединами джигит трясущимися руками капал ей валокордин в чашку... Отношение к женщинам он навсегда сохранил самое рыцарское — не зря, наверное, любил в полушутку сказать мне: дома ты командующий. А младшую дочь Наталью называл своей лебединой песней.

Без всякого самодовольства скажу: я прожила хорошую жизнь. Мне и повезло во многом и краснеть как будто не за что. Дружила и дружу со многими яркими, необычными, интересными людьми. Близка со знаменитой ткачихой Марией Виноградовой — вот кто несет бремя огромной славы с замечательным достоинством. Не раз встречалась с женщиной-трактористкой № 1 Пашей Ангелиной — крупный человек она была, сильной души. Знакома была с выдающимся летчиком Валерием Чкаловым — и сейчас перед глазами его скульптурной лепки лица, размашистый, удалой жест, веселые, по-мальчишески храбрые глаза. Могла бы рассказать и о многих других, чьи имена вошли в учебник истории, и уже за одно это благодарна судьбе.

Моя молодость прошла в удивительное, если можно так выразиться, самозабвенное время. И вправду ведь «мальчики иных веков, наверное, будут плакать ночью о времени большевиков», как написал поэт. Что смогла, то сделала сама: для людей, для страны, а в конечном счете и для себя тоже, раз я гражданин Советского Союза.

Хочу сказать еще о песне. Меня в одной телевизионной передаче спросили, как я отношусь к музыке. И я честно призналась, что не считаю себя знатоком в музыке серьезной, классической, хоть и люблю некоторые симфонические произведения. Зато музыку песенную знаю неплохо. Всегда была запевалой, несмотря на слабенький голос. Все собрания и митинги, субботники и праздничные вечера начинались и кончались песней. В бой шли с песней. Сама жизнь наша была пронизана веселыми, бодрыми, лирическими, нежными мелодиями.

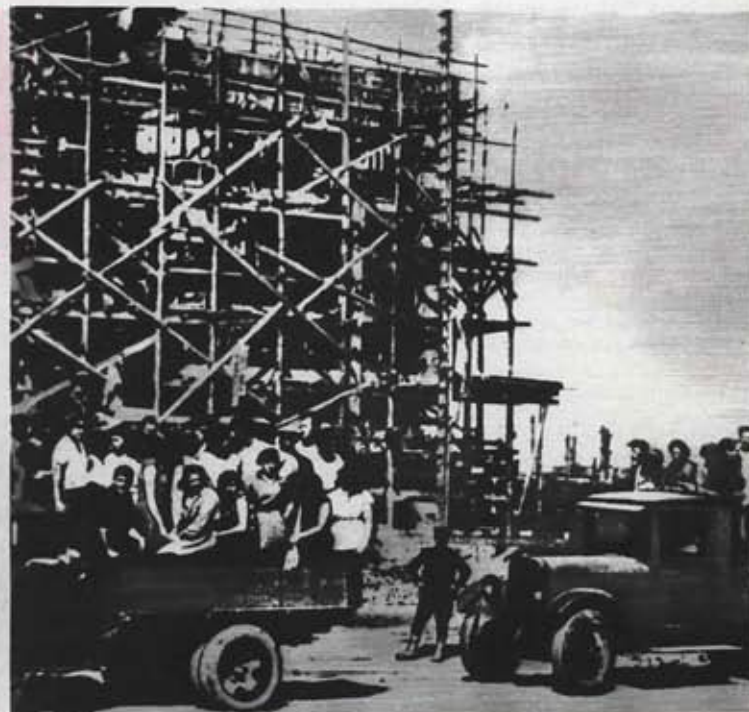
И до сих пор, как услышу по радио: «А ну-ка, девушки, а ну, красавицы! Пускай поет о нас страна...» — комок в горле. Подпеваю тихонько, улыбаюсь сама себе, своим мыслям. Хорошее было время, мое время. Мы жили и работали для будущего. И в меду оркестров, провожающих с Комсомольской площади новые эшелоны добровольцев 70-х годов, слышна и наша мелодия.

Записал Сергей ВИШНЯКОВ.

**НА ПРИЗЫВ
ВАЛЕНТИНЫ ХЕТАГУРОВОЙ
ОТКЛЮЧУЛИСЬ ДЕВУШКИ
СО ВСЕЙ СТРАНЫ.**

**НЕ УСТУПАЯ ПАРНЯМ,
ДЕВУШКИ БЫЛИ НА СТРОЙКЕ
ЗАПЕВАЛИ УДАРНЫХ ДЕЛ.**

**ТАК НАЧИНАЛСЯ
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ.**

ПЯТЬ ДНЕЙ И УТРО ШЕСТОГО

Набирая номер Кольхаловой, Денисов рассмотрел иконы. Названий их он не знал, заметил только желобки-«ковчег», отделяющие изображения; «ковчег» указывал на возраст.

Сбоку на письменном столе лежала фотография Анкудиновой—Денисов теперь легко узнавал ее по причёске, словно перевернутой индейской пироге, чуть расширенному переносью, трагическому излому беззубого в уголках рта.

— Ты где? — спросила ККК.
— У Верховского.— Денисов продолжал осматривать комнату.— Никто не звонил?

Кольхалова затянулась сигаретой.
— Кишинев...
— И как?!— Денисов был само внимание.
— «Не видел», «не знаю»... По-видимому, придется выезжать в командировку. Или везти сюда. Вечером планерка.
— А что в Посадах?
— В больнице? В сознание не приходил. Следователь пока там...

Кира продолжала еще говорить, Денисов слушал невнимательно. Его заинтересовал номер в блокноте Верховского.

«Где я видел его?! Знакомый телефон...» — думал он, одеваясь в передней.
— Уже уходите? — спросила женщина.
— Да, спасибо за варенье, за беседу.
На лестнице Денисов вспомнил:
«Это же номер магазина «Мясо», где работает Николай Горяинов! — И подумал: — Не Верховский ли позвонил в магазин, попросив срочную встречу?!»

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ЭКСПЕРТА по поводу заключения трассологической экспертизы

— Возможно ли открывание замка — в данном случае на даче Горяиновых — предлагаемым ключом, обнаруженным в одежде Горяинова Дмитрия?

— Учитывая имеющийся в скважине каждого замка люфт ключа, а также люфт стойки для ключа в сувальдных замках, возможно отпирание замка многими ключами, размеры бороздок которых будут находиться в пределах, указанных на схемах. Поскольку параметры указанного ключа не выходят из приведенных пределов, возможно открывание исследуемого замка представленным на исследование ключом.

— Каким образом и чем был осуществлен отжим двери крытого двора дачи Горяиновых?

— При наличии на запорной планке отчетливых динамических следов взлома типа «ломка» следует считать, что отжим двери осуществлен указанным орудием. При наличии подобного орудия у подозреваемых возможны установленные соответствия выступающих элементов орудия динамическим следам, оставленным на запорной планке.

— Какова давность оставления динамических следов на запорной планке?
— Давность оставления указанных следов порядка двух дней, то есть примерно 6 февраля с. г.

Эксперт (подпись)

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

При сравнительном исследовании представленного листа ватмана размером 30 × 40 с рукописным текстом «Мы еще будем здесь не один световой год...» и т. д. с образцами свободного почерка Анкудиновой Р. В... в выполнении букв «е», «и», «у»... количеству движений при выполнении букв «т», «ы», наличии рефлекторного штриха, относительной протяженности движения при выполнении буквы «м»... и т. д. прихожу к выводу о том, что рукописный текст записи на листе ватмана, начинающийся словами «Мы еще будем...» и т. д., выполнен Анкудиновой Р. В.

Эксперт (подпись)

Турандина Александра Васильевича, 28 лет, город Инта, «Трудовые резервы»

По существу заданных вопросов поясню:

Будучи в очередном отпуске, с 6 по 8 февраля находился в Москве вместе со своим товарищем по работе Савиновским Игорем Львовичем. Останавливались у старого друга моего отца Шемета Валентина Андреевича.

— Выезжали ли вы, будучи в Москве с Савиновским И. Л., в поезде «Здоровье» на ст. Жилево на лыжную прогулку?

— Действительно, через знакомого Шемету инструктора по туризму 8 февраля я и Савиновский И. Л. выезжали с поездом «Здоровье» на ст. Жилево. Поскольку лыж мы с собой не взяли, то, прибыв на место, с другими туристами играли в мини-футбол.

— Как вы были одеты во время лыжной поездки?

— На мне был ярко-красный свитер, синие лыжные брюки с белой полосой, лыжная шапочка белого цвета. Савиновский И. Л. был в куртке светлого цвета и синем лыжном костюме.

— Была ли у вас с собою гитара? Кто в пути следования просил у вас поиграть?

— В пути следования к нам в купе заходили молодые девушки Ольга и Роза, ехавшие со своими сверстниками в крайнем купе по другую сторону вагона. Мы сначала не дали гитару, так как она была настроена. Потом все же девушки унесли гитару к себе, и гитара находилась у них до приезда в Жилево, после чего они гитару вернули. На обратном пути они снова брали гитару, но не вернули ее, и я принужден был сходить за гитарой в их купе.

— Стояли ли вы в тамбуре с девушкой по имени Роза, о чем у вас был разговор?

— Я действительно выходил курить в тамбур в то время, когда там находилась Роза. Она тоже курила. О чем мы говорили, я не помню, так как не придавал значения разговору.

— Не заметили ли вы какого-нибудь проявления неприязни к вам со стороны попутчиков Розы?

— Я заметил, что ребята чем-то недовольны, но причину так и не узнал, тем более что они, по-моему, перед этим передрались между собой. Один другому разбил бровь.

— Вы оставались также в тамбуре вместе с Розой и ее попутчиком втроем. Какой у вас состоялся разговор?

— Не помню. Если Роза или ее попутчик смогут мне напомнить его содержание, возможно, я смогу дополнить свои показания...

— При каких обстоятельствах у вас оказался распоротый свитер?

— Это произошло в Жилево во время игры в футбол.

— Одно можно мыслить с уверенностью, — сказал Бахметьев, — Горяинов невиновен, поскольку по ходу поезда лежал на полотне дороги первым. Все другое — в области гипотез...

Ждали следователя, окончательное слово так или иначе оставалось за прокуратурой.

— Начну с дневников и записи Горяинова, поскольку это наиболее объективное свидетельство. Вряд ли Горяинов был причастен к нападению на себя. — Бахметьев был серьезен, почти торжествен.

«Это, пожалуй, первое серьезное дело Бахметьева, — подумал Денисов. — После того, как его перевели из Каширы».

Бахметьев перелистнул несколько страниц дела:

— Вот! «Все закрутилось после шестого февраля!» — писал Горяинов. Случай же в поезде «Здоровье» имел место восьмого. — Бахметьев обвел глазами сидевших в кабинете. — Два дня! С этим числом мы еще не раз встретимся... Анкудинов-отчим: «Мне показалось; она была чем-то расстроена...» Так... «Последние два дня...» Ольга: «Последние два дня я никого не видела, мой брат отсутствовал...»

Поврежденный с войны лицевой нерв Бахметьева дрогнул, полковник на секунду отвернулся к окну.

— Что произошло шестого? Исчерпывающий ответ дает трассологическая экспертиза следов, оставленных на запорной планке в даче Горяиновых.

Инспектора сидели молча.

— В этот день была совершена кража икон на даче Горяиновых... Мы еще вернемся к ней... А теперь позвольте мне зайти с другой стороны и поставить вопрос так: «Не пересеклась ли в поезде «Здоровье» линия «Анкудинова — Горяинов Дмитрий» с линией «Верховский — Анкудинова?»

«Интересно, знает ли Бахметьев теорию противоположащих полей?» — подумал Денисов.

В пешечном окончании короли могли занимать только определенные поля, чтобы ни в коем случае не подпустить короля противника к своим пешкам.

В построении Бахметьева чувствовался безжалостный подход теоретика.

— Будем честны. Как бы мы этого ни желали, Роза не любила Горяинова... — Он приложил к глазу чистый платок, нагнувшись над делом. — Вот! «Ты сказала: «Наверное, все-таки не люблю. Привычка...» Она, как видите, была откровенна с ним. «Я закрыл лицо...» Так. «Тебе плохо, — сказала ты. — Тебе морально важно слышать «люблю»? По-моему, тут все ясно... Теперь, кто такой Верховский? Намного старше всех, неудачник. Его тяга к несовершеннолетним настораживает, как и его шляпа. Чудаковат, экстравагантен, зол. Именно он организовал поездку, купил путевки. Наконец! — Бахметьев был полон решимости защищать свой пешечный строй. — Обратите внимание на показания Бабичева. Когда Верховский выходил в тамбур, Анкудинова и Горяинов стояли там. По возвращении его в вагон Бабичев их уже не видел...

— Центр компании — Бабичев, — заметил неуверенно сидевший напротив Бахметьева Антон. — Он ее мозг... Без него ничего не происходило.

Замечание Сабодаша вызвало возражение одного из инспекторов:

— Почему мы отходим от показаний Алика? Только подумайте! Турандина спросила: о чем он разговаривал в тамбуре, оставшись наедине с Анкудиновой и Горяиновым? С теми, кто после этого оказался без сознания на путях... А Турандин ответил: «Не помню. Если кто-то из них напомнит мне содержание разговора, возможно, я смогу дополнить свои показания». Разве не ясно: он уверен, что никто никогда не сможет напомнить!..

Инспектора поддерживали:

— Удар у такого, конечно, страшный!

— И тут же уехали... Поэтому и засада в Видновской больнице не сработала!

— Что ты можешь сказать, Денисов?

Вопрос Бахметьева застал Денисова врасплох.

— Дело вот в чем... — Он не знал, как лучше начать. — Горяинов и Анкудинова, по-видимому, были на даче во время кражи икон...

Его не все поняли:

— Объяснись.

— Все говорит за то, что Горяинов и Анкудинова приехали в пятницу вечером на дачу.— Он помолчал.— Во-первых, обоим в пятницу никто не видел. Во-вторых, браслет Солдатенкова... В субботу Солдатенковых в Крестах уже не было. Ну, и подобранный ключ!

— Не думаю... Обгорелые спички лежали у окна, где фонарь. Видно, света не хватало. Если кража была бы ночью, к окну со спичками не пошли бы!

— Кража могла быть раньше,—не сдавался оппонент. — Только после снегопада, а снег шел вечером...—Денисов, как и Бахметьев, занимал противоположные поля.

— Представь, что вор пришел за десяток минут до их прихода!

— Они не отважились бы войти в дачу.— Защита Денисова была непоколебима.— Вор пропахал такую дорогу к крытому двору! Ее нельзя было не заметить...

— Значит, ты мыслишь...— начал Бахметьев. — Преступник или преступники появились, когда Горяинов и Анкудинова были на даче.

Дверь скрипнула, вошел следователь, сел на свободный стул.

— Почему же Горяинов ничего не предпринял против вора или воров?!—спросил Бахметьев.— Ни тогда, ни после...

Вывод Денисова вначале казался интуитивным.

— Я думаю, что Горяинов и Анкудинова знали похитителя икон...

Предположение Денисова вызвало бурю:

— Компания! Компания была увлечена идеей коллекционирования старых икон...

— Скорее не компания—Верховский!.. «Брошенные деревни», «оставленные иконы»—это ведь его!

— Горяинов,—сказал Денисов,—мог потом дать понять похитителю, что ему все известно...

— А если бы его заставили замолчать?!—спросил кто-то.— Своими или же чужими руками...

— Прошу,—Бахметьев наконец догадался пригласить следователя к столу.— Слово Николаю Афанасьевичу...

Оказавшись в центре внимания, следователь еще не отогрешившись в тепле пальцами достал из портфеля исписанную размашистым почерком пачку протоколов.

— Я не хотел прерывать.— Он поискал что-то среди протоколов.— Сегодня Горяинов ненадолго пришел в себя.— Следователь помолчал.— К счастью, я был рядом.....

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

Горяинова Дмитрия Аркадьевича, 21 года, студента Московского

института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова...

Допрошен в больнице в присутствии врача-реаниматора...

...Мы стояли с Анкудиновой в тамбуре. В это время из соседнего вагона в тамбур вошло двое парней 22—23 лет, среднего роста, в черных полушубках, шапках из кроликов. У одного на лице была ссадина или пятно. Обоим я никогда раньше не видел. Я стоял у открытой двери с правой стороны и курил. Один из парней попросил у меня закурить. Я сказал, что сигареты в купе. Что было потом, я не знаю. Узнать обоим не смогу.

С моих слов записано верно и мне прочитано.

Никто не ожидал подобного.

— А ведь нам говорили о полушубке,—сказал следователь.— Помните?

Денисов кивнул:

— Проводница вагона...

— Но ничего! Есть зацепка...—Следователь оглядел всех.— До приезда в Жилево в поезде «Здоровье» преступников никто не видел, значит, они сели в Жилево, чтобы доехать до Москвы. Следовательно, они живут в Жилево либо к кому-то приезжали...— Он снова заглянул в портфель.— Из больницы я махнул в Жилево, к начальнику милиции, и кое-что привез...

— По нашему делу?—переспросил Бахметьев.

— Думаю, да. Жилевцы давно ведут двоих,—следователь наконец защелкнул портфель,—приметы полностью совпадают. Пока воруют у пьяных, но дерзки, способны на тяжкое преступление... И осторожны! Поймать с поличным пока не представлялось возможным...

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА МИЛИЦИИ НА СТ. МОСКВА-АСТРАХАНСКАЯ
ПОЛКОВНИКУ МИЛИЦИИ БАХМЕТЬЕВУ В. А.

ПО ИМЕЮЩИМСЯ ДАННЫМ, В ВЕЧЕРНЕЕ ВРЕМЯ В ЭЛЕКТРОПОЕЗДАХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ВАШЕМ ОПЕРАТИВНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ, ЗАНИМАЮТСЯ КРАЖАМИ ДВОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ В ВОЗРАСТЕ 22—23 ЛЕТ, СРЕДНЕГО РОСТА, В ЧЕРНЫХ ПОЛУШУБКАХ, ШАПКАХ ИЗ КРОЛИКОВ. ПО ИМЕЮЩИМСЯ ДАННЫМ, НЕИЗВЕСТНЫЕ ДЕЙСТВУЮТ КРАЖИ ОСТОРОЖНО, ПОСТОЯННО ПЕРЕПРОВЕРЯЮТСЯ ИЗ-ЗА ОПАСЕНИЯ БЫТЬ ЗАМЕЧЕННЫМИ В СЛУЧАЕ ПОДОЗРЕНИЙ НА СЛЕЖКУ, МОГУТ СКРЫТЬСЯ. НАЧАЛЬНИК ЖИЛЕВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ МИЛИЦИИ

НАЧАЛЬНИКАМ ОТДЕЛОВ МИЛИЦИИ МОСКОВСКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЗЛА.

С ЦЕЛЬЮ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ ПО РОЗЫСКУ ПРЕСТУПНИКОВ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ПОЕЗДЕ «ЗДОРОВЬЕ», НАЧИНАЯ С 13 ФЕВРАЛЯ ЕЖЕДНЕВНО ДО ОКОНЧАНИЯ ОПЕРАЦИИ ВЫДЕЛЯТЬ В РАСПОРЯЖЕНИЕ ОТДЕЛА МИЛИЦИИ НА СТ. МОСКВА-АСТРАХАНСКАЯ ОПЫТНЕЙШИХ ИНСПЕКТОРОВ И МЛАДШИХ ИНСПЕКТОРОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В КОЛИЧЕСТВЕ
ОТДЕЛ МИЛИЦИИ МОСКВА-КАЗАНСКАЯ 8
ОТДЕЛ МИЛИЦИИ МОСКВА-КУРСКАЯ 6

РАСПОРЯЖЕНИЕ

начальника отдела милиции на ст. Москва-Астраханская

Перекрыты инспекторским составом и приданными силами с 18 часов 13 февраля находящиеся в оперативном обслуживании платформы, станции, посадочные площадки, пригородные поезда...

Личный состав перевести на работу по усиленному варианту...

Полковник милиции Бахметьев В. А.

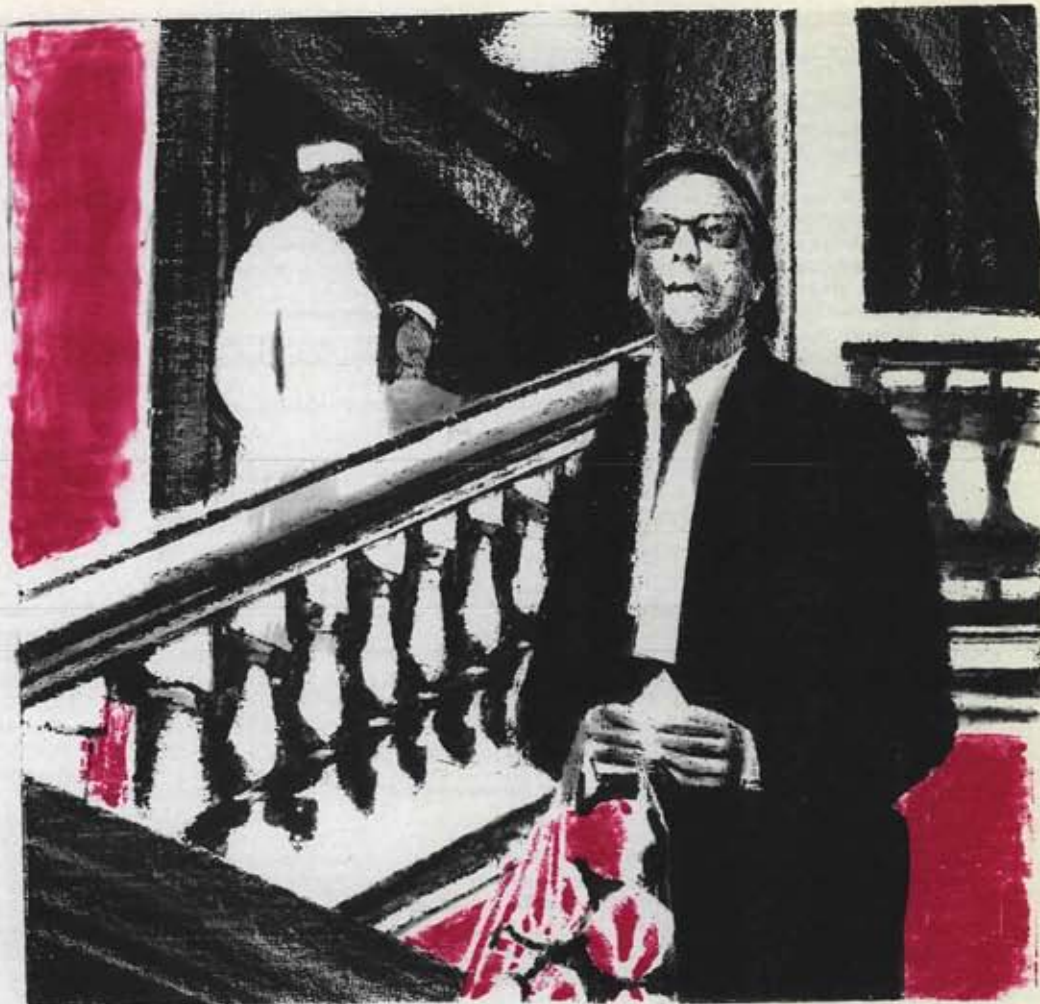

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

5, четверг. 12 февраля и утро 13-го

— Уходят через пути!—услышал Денисов в крошечной радиации под курткой.— Скорее!

Он оглянулся. Темные фигурки уже бежали впереди, где у кирпичного домика, пункта технического осмотра, на уровне колес застыл мощный луч прожектора.

— Перебегай!—торопила по радиации Кольхалова.— Им не видно за лучом!—И сразу же:— По четвертому пути электричка. Осторожнее!

Денисов прыгнул на путь, рядом бесшумно тормозил прибывающий электропоезд.

«Ох! И погоняют они нас сегодня!..»—подумал Денисов.

Не прошло еще и пяти минут, как он и ККК заметили в толпе на перроне двух парней в полушубках и кроличьих шапках. У одного на щеке краснело пятно.

И началась гонка. Авторы ориентировки оказались правы, сообщив: «Постоянно перепроверяются, путают следы, очень осторожны...»

— Я—218!—вклинулся пока еще невидимый Антон Сабодаш.— Подключаюсь. Рассчитывайте на меня...

— Пошли! Пошли!—услышал он Кольхалову.

Парни перебежали путь, вскочили в первый вагон, ККК за их спиной успела в кабину машиниста. Денисов и Антон оказались у последней двери.

— Порядок!—крикнул Антон в радиацию, чтобы успокоить Кольхалову.— Погнали!..

Привыкшая ко всему пожилая проводница спросила:

— Здесь поедете? Или пройдете по составу?

— Пройдем.

Она открыла внутреннюю дверь, Денисов, за ним Сабодаш прошли в вагон. Электричка была не из дальних—до Домодедова, пассажиров ехало немного. В первом же пустом тамбуре Денисов и Антон остановились.

— Я—218!—оповестил Антон по радиации.

Кольхалова не отзывалась, видимо, стояла среди пассажиров.

— Станция Москва-Товарная,—объявила проводница по поезвному радио.

Электричка остановилась, Денисов выглянул на перрон, но ничего не увидел. В пятиэтажных кирпичных домах напротив горел свет, чуть сзади по подъездному пути на холодильник толкали рефрижераторную секцию.

Никто не выходил.

— Следующая—Речной вокзал,—объявила проводница.

Пристройка билетной кассы скрывала конец платформы, Денисов и Сабодаш ждали.

— Пошли!—внезапно крикнула Кира.

Денисов и Сабодаш успели выскочить, тут же, не стовариваясь, разошлись. Денисов—в дальний конец платформы, к киоску «Союзпечати». Антон остался у кассы.

Закрытый газетный киоск прикрывал надежно, но теперь Денисов не видел ни парней, ни Кольхалову. Почувствовав его тревогу, ККК успокоила:

— Вижу их хорошо.

— Вся тяжесть теперь была на ней.

Оставалось разглядывать фотографии артистов, гашенные марки для коллекции в конвертах.

«В детстве на каждом углу,—подумал Денисов,—в конверте за несколько копеек жлет радость. И нет конца киоскам «Союзпечати»...»

— Стоят на платформе,—предупредила Кольхалова по радиации,—просматривают в окна проходящие электрички.

Наступило затишье. С обеих сторон прошло уже несколько поездов—ситуация не менялась.

«А Роза Анкудинова собирала фотографии киноартистов...»—вспомнил Денисов.

Он вдруг представил себе ее—с «пирогой» разлетевшихся рыжевато-волос, с блестящим металлическим лезвием на цепочке.

У киноартистов на витрине киоска были серьезные, иногда даже грустные лица.

«Даже в обычных одеждах,—подумал Денисов,—они остаются академиками, солдатами, разведчиками...»

С двух сторон снова показались приближающиеся огни электричек. Машинисты обеих приветствовали друг друга короткими гудками. Поезда остановились одновременно, открыли двери.

— Внимание!—крикнула вдруг ККК.—Бегут в конец платформы.

Через секунду Денисов и сам их увидел. Парни, за которыми они следили, бежали вдоль незакрытых пока дверей электрички, прибывшей из Москвы.

— 218!—предостерегающе крикнул Денисов.

Но было уже поздно. Антон хотел опередить парней—шагнул в тамбур, в ту же минуту двери за его спиной сомкнулись.

Электричка тронулась.

В следующую секунду парни круто свернули—к другой, готовившейся к отправлению. Денисов и Кира в разных концах платформы вскочили следом.

«Следующая остановка конечная—Москва, вокзал!»—пробурчало поездное радио.

Гонка продолжалась.

— Нахожусь в первом вагоне...—подождав, сообщил Денисов.

— Я в девятом,—ответила ККК.—Иду к тебе.

— Они где-то в середине... Осторожно!

Внезапно их негромкие переговоры накрыл мощный сигнал стационарной радиостанции в дежурной части.

— 198, 201!.. Я—«Руза».—В дежурке все слышали.—Помощь требуется?

— Ни в коем случае!—взволновалась Кольхалова.—Всем уйти с пятой и шестой платформ. Все испортите!

Дежурный испугался не на шутку:

— Всем уйти с пятой и шестой платформ! Внимание постов! Повторю: всем уйти с пятой и шестой платформ...

Через минуту ККК сказала:

— Вижу их в шестом! Здесь пьяный, при нем чемодан. Я в тамбуре седьмого.

Денисов понял, почему парни на Москве-товарной так долго стояли, пропуская проходившие поезда: смотрели в окна, высматривая жертву.

— Слышал...—отозвался Денисов.

Перегон от Москвы-товарной до вокзала совсем короткий, минуты через две электропоезд уже приняли на дальний, неосвещенный путь рядом с забором отделения перевозки почты и пустырем.

Машинист отключил пантографы, в вагонах потемнело. Несколько пассажиров прошли мимо Денисова, направляясь к вокзалу, в метро.

— Иду к тебе,—сказал Денисов, оставшись один.—Разумеется, не по платформе...

— Разумеется! Могут увидеть в окно.

Денисов раздвинул половинки двери с другой стороны тамбура—при отключенных пантографах пневматика не держала их,—прыгнул на насыпь и побежал вдоль забора вперед, к пустырю.

В третьем вагоне ККК тоже откатила двери и теперь стояла в проеме на уровне денисовской головы.

— Тихо?—спросил Денисов.

— Хотят узнать, насколько он пьян.

Кольхалова одной рукой держалась за поручень, вторую, тонкую, сильную, протянула Денисову.

Он поднялся в вагон.

Вдвоем они осторожно вошли на переходную площадку. В неярком свете в глубине салона Денисов увидел две фигуры, сновавшие вокруг третьей.

— Лазят по карманам...—зашептала ККК, словно Денисов ничего не в состоянии был видеть.—Берут из чемодана! Выбросили под лавку...

Денисов оставил Кольхалову на площадке, вернулся в тамбур, закрылся курткой с головой:

— «Руза!» Я двести первый! Перекрывай отходы с восьмого пути. Быстрее... Как поняли? Двое в полушубках в электричке!

— Понял!—закричал дежурный.

Денисов отключил радио. Возвращаться на переходную площадку ему пришлось. Кольхалова как-то поспешно отпрянула назад. Денисов услышал шаги—оба парня были уже здесь. Они уходили по составу в сторону Дубнинского моста.

Ситуация с Анкудиновой и Горяиновым, как она была записана следователем, повторялась почти полностью, с той разницей, что на этот раз поезд не двигался—стоял на месте, в глухом дальнем углу станции.

И снова, как в случае с Горяиновым, шедший первым—высокий, сильный—спросил:

— Закурить найдется?

Денисов ударил левой в голову и правой в челюсть. Парень коротко всхрапнул, но выдержал, лишь на секунду замешкался. Этой секунды оказалось достаточно: Кира метнулась к двери.

— Прыгай!—крикнул Денисов.—Зови «Рузу»!

Кольхалова соскочила на путь, растворилась в темноте. Второй парень хотел прыгнуть следом, но Денисов схватил за полушубок. Раздался треск—кусочек овчины остался в руке.

«Нет Антона!»—мелькнуло у Денисова.—Жаль!»

Денисов нырнул под руку первого парня, чтобы, выскочив, захватить предплечье и, изогнувшись, рывком бросить назад. Пол в тамбуре оказался скользким. Стоило Денисову долю секунды помедлить—он уже не смог рвануть с должной силой. Парень осел назад и уже сам валил Денисова на себя.

Преступники мешали друг другу. Парень, валивший Денисова, не дал другому прыгнуть на путь, где Кольхалова совсем близко и громко звала помощь.

— Беги!—Денисову удалось высвободиться. Он все еще боялся, что один из парней кинется к ней.

Сильный удар обрушился на Денисова—он едва успел прикрыть голову. Противник в это время охнул—видимо, Денисов успел кончиком ботинка достать его пах. В темноте ничего не было видно. Второй удар, много сильнее, тупым предметом, возможно кастетом, пришелся Денисову сбоку, по ребрам, когда он бросился вперед и поскользнулся. К силе удара прибавилось встречное движение, усиленное внезапным скольжением.

В вагон вскочило сразу несколько человек. Денисова держали, и он тоже схватился за кого-то, не пытаясь ничего предпринять. Левый бок горел, каждое движение причиняло мучительную боль.

— Фонари!—услышал Денисов голос Бахметьева.

В ту же минуту заработали компрессоры, стало светло.

— Денисов, выходи!—сказал Бахметьев.—Сможешь?

— Смогу!—Кто-то помог ему выбраться.

— На задержанных надеть наручники! Обыскать, не дать ничего выбросить...—командовал Бахметьев.

Подошли еще люди в форме. Задержанных повели, тесно сбившись в кучу. По мере приближения к дежурке конвоиров становилось больше. Незнакомые инспектора подбегали, приноравливали шаг:

— Взяли?!

— Те, что Анкудинову и Горяинова?

— Отбой!—передавала «Руза».—Внимание постам: от-бой! Повторю: внимание постам...

На повороте, у отдела, стояла Кольхалова:

— Жив?

— Только не могу вздохнуть. Ты как?

Она всхлинула беззвучно.

— Не обращай внимания... Мишка...—ККК достала сигарету, пальцы дрожали.—Сейчас будет звонить... Будь, говорит, мама, дальше при задержаниях. «Не трус, но будь дальше... Прошу тебя!»—Она отвернулась.

— Нам повезло,—сказал Денисов.

— Да. Пока.

Стоявший у фасада младший инспектор окликнул его:

— Бабичева видел?

— Сейчас?!

— Всей компанией прошли. Наверное, в «Приэльбрусье». Не нужны?

— Какая теперь разница,—сказал Денисов.

Он еще не мог отойти от схватки.

— Знаю, задержали этих. В шубах...

Слова младшего инспектора тем не менее застряли в сознании. Молодежное кафе «Приэльбрусье» было рядом с вокзалом.

«Может, пойти?!»

Он спросил себя:

«А в медкомнату?—И сам ответил:—Сначала поужинать, потом в медкомнату. Потом на рентген...»

Денисов прошел через площадь, не заметив, что снег снова стаял. Собственная тень кралась за ним по лужам серой кошкой под желтыми фонарями.

«Бахметьев прав!»—подумал он.—Горяинову казалось самым трудным прожить эти два дня после кражи икон... И ему и Анкудиновой! Но почему?! Будто они знали, что их ждет!—Крутообразное движение собственных мыслей покоробило.—Нет непрерывности мышления! Даже самая верная гипотеза может затеряться как ключик, потому что не связана с предыдущей. И за ней тоже ничего не тянется—это причиняло не меньше боли, чем задетые ребра. «Все закрутилось после шестого февраля»,—писал Димка...»

У входа в кафе садилась в такси шумная компания. Швейцар в форменной курточке, в очках не чувствовал холода, повторял:

— Полный порядок...

В вестибюле гремела музыка. Второй швейцар, поджарый, с усами, узнал Денисова, принял куртку без номерка.

— Иди! Ужинай.

Гремела музыка. Однако эстрада была пуста.

«Четверг»,—вспомнил Денисов.

Посетителей было мало, большинство гостей группировалось там, у эстрады. Денисов нашел свободный столик недалеко от входа, вплотную к стене.

Компании нигде не было видно. Денисов с трудом сел. Малейшее отклонение торса в сторону вызывало боль.

«Как если бы я был деревом и повредил ствол. Так мне и надо,—подумал Денисов,—не следовало приходить сюда».

Он заказал гуляш, сметаны, мясной салат. Подумав, прибавил еще ромштекс. Официантка оказалась знакомой.

— Постараюсь не задерживать...

Он огляделся. Сбоку за таким же придвинутым к стене столом сидело несколько иностранцев в темных одеждах, такими же темными, неулыбчивыми были их лица. Они не знали языка, не следили за танцующими, занятые своим, бутылка сухого вина оставалась нетронутой.

— Привет!...—услышал Денисов неожиданно.

Появившийся откуда-то Бабичев смотрел внимательно-холодно. Вместе с ним стояла Лена Гераскина.

— Зашли поужинать?

Денисов кивнул.

Из-за угла, куда буквой «Г» уходил зал, показались Момот и Ольга Горяинова, царственная, со вздернутым носом. Волосы Момота закрывали плечи.

— Давайте к нам,—предложил Денисову Бабичев.—Ольге поднимем настроение.

То, что он говорил Денисову «вы», как бы удостоверено: «Знает, что я из уголовного розыска...»

Бабичев, предупреждая его следующую мысль, сказал:

— Вы человек, любящий эрдельтерьеров... Для меня наивысшая аттестация! Денисов переговорил с официанткой, вместе с Бабичевым перешел за угол, где сидели остальные члены компании. Из старших ребят не было только Горяинова и Верховского. Некоторых Денисов видел впервые.

— Денисов,—представился он.

Бабичев засмеялся:

— Нас, по-моему, можно не представлять...

— Известны,—сказал Момот.

В это время в стереоколонках раздалась барабанная дробь.

Лена Гераскина потянула Бабичева за руку, прижалась к нему всем телом.

— Потанцуем!

Бабичев привлек ее ближе, но тут же музыка развела их, они двинулись в разные стороны, пружиня и изгибаясь. Другие ребята тоже соскочили с мест.

Денисов подвинул тарелку.

«Судить о нравственном здоровье компании?!—подумал он.—Задача моя узкоделовая: уяснить истинные обстоятельства происшедшего с Анкудиновой и Горяиновым...»

Парнишка в очках, сидевший по другую сторону стола, перехватил его взгляд.

послал в ответ смущенную улыбку. Это был паренек, постоянно цитировавший Плиния-старшего. Видимо, поэтому его самого прозвали Плинием.

— Ну, как с ессеями?—спросил Денисов, доедая гуляш, одновременно макая хлеб в сметану.

Только теперь он подумал о том, что с самого утра ничего не ел.

— Что вы имеете в виду?!—спросил Плиний.

— Брали ессеи в руки оружие?

Паренек оживился.

— Безусловно, есть данные, что крепость Масаду от римлян защищали ессеи.

Поэтому Масада столько держалась.

— Какая же идея в них?

— Как в каждой компании. Дружба! Дома начнешь говорить про инструментальные ансамбли или о тех же ессеях—разве тебя будут слушать?! Отца потянет к газете, у матери обязательно начнет лук пригорать. Зато в твоей компании выслушают всегда с интересом!

Денисов отставил пустую тарелку.

— Значит, дружба...

— Конечно.—Плиний показал на танцующих.

— Хорошие ребята?

— Клевые!—Денисов понял, что Плиний из недавно посвященных: слишком восторженно смотрел он вокруг.—Настанет день, и мы уедем...—Плиний даже зажмурился от удовольствия.—Вожега...

— А дальше?

— Свидь, Онега. Кен-озеро!—Он через стол перегнулся к Денисову, чтобы тот лучше слышал.—Есть где остановиться, одним словом.

— Переберетесь в деревню?—спросил Денисов.—А что делать будете?

— В совхозе, пожалуй, мы не меньше нужны!

— И они тоже?—Денисов показал на танцующих.—И Лена Гераскина? И Слава Момот?!

— А что Слава?!—Плиний пересел на соседний стул рядом с Денисовым.—Слава один может выпить бутылку вина—да?! Но он и прочитал всего Льва Толстого, Достоевского. Он перешивает джинсы, как заправский портной, играет на гитаре... Слава не побоялся сказать правду декану! Один пошел против пятерых хулиганов...—Плиний помолчал.—Конечно, родители будут против... Но главное—остаться человеком!

—«Родители против»...—повторил Денисов.—А вот Горяинов сказал жене инструктора в поезде: «Люблю их, когда дают деньги...»

— Так ведь назло!—Плиний заволновался.—У нее же все было решено насчет нас. Хотелось только услышать подтверждения! Вы возьмите Лену Гераскину... Она работает дворником и учится, чтобы жить на собственные деньги!..

Музыка стихла. Плиний застенчиво улыбнулся, пересел на свое место. Рядом с Денисовым сел Момот, Денисов внимательнее, чем хотел, посмотрел на него.

— Есть вопросы?—Момот поднял глаза, волосы ниспадали с его плеч, как накидка.

Время шагнуло быстро: уже час сидел Денисов в «Приэльбрусье». Знакомая официантка поглядывала, ожидая знака.

— Кто-нибудь видел парней в полушубках?—спросил Денисов.—В поезде «Здоровье». Вспомните.

За столом помолчали.

— Я нет,—сказал Бабичев.

— И я нет.

— Дима видел,—сказала Ольга Горяинова.

Денисов обернулся:

— Он сам сказал?

— Санитарка. С его слов.

— Вчера?

— Да, следовательно при нем его расспрашивал... Он сказал: «Двое в черных полушубках. Шапках из кролика...»

Бабичев заметил:

— К Солдатенкову эти же двое тоже как-то подходили. У одного была ссадина на лице.

— К Солдатенкову?!—переспросил Денисов.

— Недели три назад. В электричке.—Глаза Бабичева смотрели холодно.

Денисов, превозмогая боль, поднял руку, дал официантке знак.

«Врет он, Горяинов.—Денисову и раньше приходило это в голову. Теперь Бабичев подтвердил.—Это он со слов Солдатенкова... Поэтому и сказал, что узнать их не сможет. Врет он».

— Денисов!—ахнул Антон в трубку.—Жив? В отделе тебя нет, дома—тоже.

— Какие новости?

— Потрясающие: звонили в медкомнату! Сразу, как ты ушел. Вот!—По знакомому «вот!», точнее, длинному носовому «уот!» Денисов понял, новости будут действительно потрясающими.—Представляешь? Мужской голос: «Анкудинова Роза восьмого февраля не поступала?» Чуешь?!

— Ну?

— Медсестра нашла в книге регистрации: «Поступала». Слышно тебе?

— Слышу.

—«Все больницы обзвонил,—тот говорит,—травмопункты... Где она сейчас?»

Медсестра ему по инструкции: «Обратитесь в больницу города Видное...» И сразу звонок к нам.—Антон прервался. Видно, доставал «Беломор».

— Дальше.

— Наши погнали в Видное, хотя там все равно ждала засада. Бахметьев, Кольхалова...

— Дальше.

— Клетка захлопнулась! Только приехали, минут через двадцать он входит с запиской для Анкудиновой, с апельсинами.—Антон прикуривал, казалось, целую вечность.—Взяли!.. Кого ты думаешь?!

Денисова словно обожгло:

— Верховского!

Из автоматной будки Денисову был виден привычный, высветленный изнутри куб вокзала, зигзаги лестничных маршей, по которым, не переставая, с утра до глубокой ночи текла толпа.

От угла здания тянулась очередь к стоянке такси.

«Горяинов соврал,— снова подумал Денисов.— Парней в полушубках в поезде «Здоровье» не было».

Он повесил трубку, вышел на площадь.

На стоянке такси очередь оказалась небольшая, однако и машины подкатывали по одной.

«Пожалуй, лучше сходить за диспетчером...»—подумал Денисов.

Он знал, где искать. В буфете воинского зала старик диспетчер вел долгие

беседы с демобилизованными, инвалидами, пил кофе. Беседы да еще ночные дежурства вносили в одинокую жизнь пенсионера-вдовца живую струю.

Он сразу понял Денисова:

— Сделаем.

— Но я не Крез.—Денисов показал на карманы.

— Знаю, пошли.

— Еще минуту.

Денисов снял шарф, просунул под куртку, туго стянул на ребрах. Чувство надломленного ствола сразу как будто утихло.

— Было?!—спросил старик. И сам ответил:—Было.—Он уже несколько лет жил ночью тревожной жизнью таксистов и постовых, все понимал без слов.

Очередь заволновалась, увидев рядом с диспетчером постороннего.

— В Посады есть кто?—спросил старик.

Надежд на попутчика было мало.

— Что ж, никого?!

Сержант, дежуривший на площади, тоже подошел. Узнав, в чем дело, проявил активность.

Вернулся он минут через десять, позади него тоскливо плелся таксист в заломленной фуражке, короткой куртке на меху.

— Отвезешь его,—сказал сержант.

— Круто берешь, начальник.—Таксист сопротивлялся только для видимости.

— Еще легко отделался! Ходит по залам, клиентуру подбирает... Отвезешь инспектора на оперативное задание!

Шофер уныло поплелся вдоль фасада. Вскоре там, метров за двадцать, дрогнули красные огоньки—задним ходом таксист гнал машину на стоянку.

— Далеко?—спросил он у Денисова.

— В Посад.

Таксист тихо выругался.

«Под Горяиновым эти два дня словно тряслась земля и что-то обязательно должно было случиться,—опять подумал Денисов.—А насчет двоих в полушубках—это со слов Солдатенкова».

Шофер гнал, будто скрывался от погони. У первого же поста ГАИ их остановили.

«Этого и следовало ждать»,—подумал Денисов.

Подошедший сержант показал таксисту на мужчину и женщину у обочины.

— Новый инспектор едет, назначение получил. А это наш бухгалтер. Им недалеко.

— Ну, денек,—сказал таксист.—Садитесь.

Новые попутчики молчали, как люди, которым было что сказать друг другу. Уже перед самым Посадом бухгалтерша о чем-то спросила спутника.

— Начальству виднее,—ответил он.

— А как в субботу?—Голос ее сорвался.—Гостей было много?

— В основном с ее стороны...

«Не просто и у тебя, коллега,—подумал Денисов о вновь назначенном инспекторе.—Совсем не просто...»

— Контрольные талоны получила?—спросил тот.

Она отмахнулась.

— Значит, переводят тебя?! Как премия молодому... И чтобы отсюда подальше.

— Что это тебя вдруг задевать стало?!

Женщина не ответила, вскоре они вышли.

— Вон и Посад!—показал таксист.—Куда здесь?

— В больницу.

— Заболел?—Впервые за дорогу Денисов почувствовал интерес к себе.

— Ну!

— Так и сказал бы!

Он остановил такси у длинного каменного забора.

— Не сердись... Все бывает.

— Путевку отметить?—спросил Денисов.

— Мороки потом... Свое и так не упущу.

Здание больницы оказалось основательным, старым. У входа перед приемным покоем горел фонарь, сбоку от крыльца железная урна казалась чугунным геральдическим львом. С аллеи, когда Денисов проходил, вспорхнул пятнистый нездоровый больничный голубь.

Шансов на то, что план его увенчается успехом, у Денисова было совсем мало.

«Посмотрим»,—решил он.

Денисов поднялся по шербатым ступеням, словно выложенным белым туфом, открыл дверь. В приемном покое было пусто, мимо висевших на стене «Правил» в стеклянной рамке Денисов прошел дальше, открыл дверь. В кабинетах не было ни души. Оставалось ждать или идти наверх, в отделения.

Осторожно, чтобы не шелохнуть надломленный нервный ствол, Денисов достал блокнот, открыл первую попавшуюся страницу, начал читать все подряд:

«Наверное, все-таки не люблю. Привычка... Я закрыл лицо... Тебе важно слышать это слово?!» «Чтобы миллионы людей спокойно любили, нужно, чтобы тысячи любили до иступления, чтоб десятки жертвовали бы всем...»

Хлопнула входная дверь.

«Еще беда»,—подумал Денисов.

Позади стоял полковник Бахметьев.

— Удивляешься?!—Промерзший, в осеннем пальто, он первым делом аккуратно чистым платком отер глаз.—Чуть-чуть, и я бы тебя на стоянке такси перехватил.

— Диспетчер сказал?—спросил Денисов.

— Он самый. Поехали, подвезу тебя!..

Денисов отвернулся.

— Болят?!—забеспокоился Бахметьев.—Пусть все-таки хирург посмотрит.

Показался врач—полный, с кавказскими усами, в широком мятом халате, он удивленно взглянул на Бахметьева:

— Опять?! Что случилось, дорогой?

— С ним.—Бахметьев кивнул на Денисова.—Упал... с крыльца.

— С крыльца? Покази!

Ободренный тоном хирурга, Денисов скинул куртку, осторожно развязал шарф.

— Тут не с крыльца падать надо.

Нигде не было ни синюшины, только еле заметные точки, сбоку, на уровне лопатки.

—...С крыши надо падать! С высоко-о-кого дома!

— Закурить можно?—Бахметьев сел к окну, под форточкой.

— Закури, дорогой!..—Хирург, казалось, несильно, холодными подушечками пальцев надавливал на кожу, следил за выражением денисовского лица.—Больно? А здесь?.. Кем работаешь?

Он отошел к умывальнику.
Тугая струя прокатилась по раковине.
— Тоже то дело расследует?
— В числе других.
— Что скажу, дорогой?— сказал хирург.— Посмотреть надо. Утром рентген делаем.
— Ребра целы?— спросил Бахметьев.
— Думаю, целы, там увидим.
— Самое главное!
— Положите меня в палату усиленной терапии, к Горяинову...— сказал Денисов.— Такой случай! Нельзя упустить...
Хирург нахмурился, что-то поискал на столе. Оказалось, клей. Переставил пузырек ближе к настольной лампе.
— Нельзя, дорогой.
— Почему?
— Плохо ему пока.
— Так ведь я не выписывать его прошу... Только лежать рядом.
— Разговаривать будешь.— Он посмотрел на Бахметьева, но тот отвел глаза, не желая вмешиваться.
— А если я слово дам?!
— Слово?!
Хирург внимательно взглянул на Денисова. Прошло еще несколько секунд.
— Если слово—можно, дорогой!..
— Слово даю.
Бахметьев у окна зашевелился:
— Как мыслишь?! Если у Горяинова не туда пойдет с выздоровлением?! Родители узнают, что ты лежал с ним в палате! Ничего?!

— Мама!..— прошептал Горяинов
Денисов всмотрелся— кровати стояли почти рядом. Невозможно было узнать в лежащем парня, которого он видел на цветной фотографии в Крестах—с выпирающими из-под пунцовых губ передними зубами, голубоглазого, с копной свалывшихся волос.

Горяинов зашептал снова, Денисов разобрал знакомую фразу:
— Не рви! «Не режь по живому, Мальш!..»—Он просил подругу не обрывать связывающую их живую нить.

«Неужели у них проблемы?!—вспомнил Денисов брошенное Бахметьевым полусуточное.— Ты ближе к этому нежному возрасту, Денисов... А?! Неужели проблемы?!»

«Еще какие...— подумал Денисов, прислушиваясь.— Не надо считать, что у Горяинова или Момота их мало или они не так остры, как у ККК или инспектора, который ехал сейчас со мной в такси! Во внутреннем мире подростков они занимают столько же места, сколько и у взрослых...»

Абсолютная тишина лежала кругом, с тяжелой неподвижностью больничного стекла. В коридоре за окрашенной матовой дверью горел розовый неяркий свет, оттуда в палату усиленной терапии по стене вползала необыкновенно толстая подштукатуркой труба, похожая на анаконду.

«Когда парень начинает говорить про инструментальные ансамбли.— Денисов вспомнил Плиния,— отцов так и тянет к газете, у некоторых матерей в кухне сразу же пригорают лук...»

Он не позволил мысли о нравственном здоровье этих девиц и парней, в которых тяга к современному ритмам странным образом соединилась с мечтами о заброшенных архангельских избах, с «балдежом» в подъездах, с русской иконой, с желанием жить на собственные заработанные деньги. Все эти пять дней Денисов словно продолжал одну и ту же долгую турнирную партию— в этом был его собственный профессиональный почерк.

Горяинов снова завозился, забормotal бессвязно:
— Прикуси! Чтобы я почувствовал: это не сон... Мочку уха! «Будет больно?!» Умоляю, Мальш! Верю боли, твоему стону...—Он бредил.

Денисов мог достать из-под подушки блокнот, но при тусклом свете, падавшем из коридора, все равно бы ничего не разобрал. Он вспомнил почти дословно: «...Какие только мысли не лезли мне в голову за эти десять минут, пока она не появлялась, а люди выбегали из беспрестанно подкатывавших автобусов и бежали в метро...»

«...К утру все прошло. И совсем непонятно, отчего с вечера этот бессмысленный приступ ревности, тоска и слезы... В воскресенье для меня все кончилось...» Денисов знал почти все их наизусть. Он ясно представил, где все записано.

На другой стороне листа, против слов «К утру все прошло...», Денисов вписал гипотезу Бахметьева:

«Не пересеклась ли в поезде «Здоровье» линия «Анкудинова—Горяинов Дмитрий» с линией «Верховский Владимир—Анкудинова»?!»

Вошла сестра. Она сделала Горяинову укол, который он не почувствовал. Дыхание больного стало размереннее: он спал. Сестра ушла так же неслышно, как и появилась.

«Записи эти все не малосущественны для дела,— снова подумал Денисов.— Почему Горяинов отошел от них, давая показания следователю?! Зачем пересказал историю Солдатенкова с черными полусубками?»

Денисов не знал, сколько он пролежал молча, глядя в полосу лица Горяинова между бинтами.

«В чем Горяинов не хотел или не мог признаться следователю?!»
Неожиданно Денисов увидел: глаза Горяинова открыты, смотрят в упор.

— Сколько времени?

Денисов не ответил.

Горяинов снова заговорил с собой:

— Кто-то меня окликнул: «Дима!..» В последние дни мы просыпались в два и в три ночи. Каждый у себя. И мысленно поднимали другого... Звонят?!—спросил он через минуту.— Она всегда звонит, когда кажется: больше без нее уже невозможно, как без воздуха... Вы любите кого-нибудь?—спросил он вдруг.

Это было выше и больше узкой утилитарной задачи, которую ставил перед собой Денисов как инспектор: узнать истину, не дать пострадать невиновным. Но для Денисова служба, как он ее понимал, и была сама жизнь.

— Почему вы молчите?— Горяинову нужен был собеседник.— Да или нет?

Денисов шепнул еле слышно:

— Да. Спите.

— Тогда вы поймете! Она сама нежность... Я говорю вам, потому что вы не задаете дурацких вопросов...— Шепот стал еле слышен, словно кто-то сгребал с дорожек сухие, шелестящие под ветром листья. Денисов разобрал менее половины из того, что он говорил.— Путевку принесли в пятницу, всего за два дня до отъезда...

«Два дня!..—отозвалось в Денисове.— Вот откуда два! Со дня, когда принесли путевку!»

— Я не знал, что произойдет после ее отъезда. Жизнь, казалось, должна была остановиться!..—Горяинов закашлялся.— Пить!

Денисов хотел подняться—резкая боль в торсе пригнула к матрасу.

— Сейчас!—не сгибая спины, он осторожно сполз на пол, дотянулся до поильника.

— Спасибо,—прошептал Горяинов.

Вода попала ему в лицо, стекла на подушку.

— Я не знал, как быть. Я злился на то, что она есть... Потом пришел последний день. Мы поехали кататься на лыжах... В поезде...

Денисов все стоял на коленях между кроватями, держа в руках полупустой поильник.

— Все было против нас. Какие-то парни, которые к ней липли. Поссорился с товарищами... Не надо было ехать... Мы курили у открытой двери в тамбуре...—Горяинов заговорил медленнее, словно вспоминал с трудом.— Бежали деревья, скорость была большая... Если бы день этот, последний, кончился бы, как обычно, она забыла бы меня за месяц и была бы права...

В промежутки между паузами Денисов слышал стерильную больничную тишину, спрессованную, словно вата в аптечной упаковке.

— Я ждал, когда уйдет наш товарищ Володя. Наконец он ушел. «Я люблю тебя,—сказал я.—Сейчас ты узнаешь, как я тебя люблю». Она пыталась задержать меня. Я ее оттолкнул... Человек обязан совершать подвиги ради любви. Понимаете?...

Он тяжело глотнул.

— Я прыгнул!..

Горяинов засыпал и просыпался снова. Сон был короткий—меньше минуты. Денисов, преодолевая стон, держась за кровать, поднялся, с трудом надел пижаму.

«Анкудинова прыгнула вслед за ним...—понял Денисов.—Как верный, бесстрашный друг!»

В кресле у столика в коридоре дремала сестра. Денисов осторожно прошел к лестнице в приемный покой, где вечером заметил телефон.

«Горяинов писал, что готов совершить подвиг,—вспомнил Денисов.—В контексте по экономике производства. Вплотную за цифрами, почти без знаков препинания, по-видимому, на лекции... Бахметьеву придется найти это место.»

У Бахметьевых долго не отвечали, наконец он сам снял трубку.

— Слушаю...

Разговор получился кратким: Денисов опустил подробности, доверенные Горяиновым ему лично.

— Ты молодец...—Бахметьев вздохнул.—Поправляйся.

— Спокойной ночи.

— Утро уже...

В палату Денисов решил не возвращаться, поправил пузырек с клеем на столе у хирурга, подошел к окну.

«Действительно ли иступленная любовь тысяч,—думал он, глядя в темноту,—помогает миллионам быть нравственно здоровыми? А для этого десятки во имя любви должны совершать подвиги... Но как тогда Аксинья и Григорий Мелехов, тысячи других, не знавшие о Шекспире?! Может, для них существовали другие образы?! Вне литературы?!»

Ничего не было видно в стеклах, отражавших спартанский интерьер приемного покоя, но по каким-то особым неуловимым признакам за окнами Денисов понял: ночь кончилась.

АКТ

судебно-медицинской экспертизы от 10 февраля

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...2. Перечисленные повреждения причинены тупыми предметами или при ударе о тупые твердые предметы вследствие падения. Возникновение их при падении с движущегося со скоростью 60—80 км/час поезда вполне возможно.

3. Смерть наступила от несовместимости с жизнью множественных повреждений головы, позвоночного столба, грудной клетки...

5. При фотометрическом исследовании алкоголя в организме не обнаружено...
Эксперт (подпись)

ХАРАКТЕРИСТИКА

бывшей учащейся ГПТУ Анкудиновой Розы.

Анкудинова Роза обучалась с 1 сентября по специальности наборщик вручную. Показала средние способности, но при желании могла бы учиться только на 4 и 5. Иногда была вспыльчива, не умела сдерживать чувств и эмоций. Очень любила петь, была жизнерадостной, отзывчивой, не любила трусость. Товарищи уважали ее за смелость и решительность. В людях ценила твердость и справедливость...

Характеристика дана в следственные органы.

Директор ГПТУ (подпись)

Мастер производственного обучения (подпись)

Анкудиновой Розе

Больница гор. Видное.

МАЛЫШ!

Пять дней мы всей компанией искали тебя. Объездили все больницы на линии Михнево—Барыбино... Сегодня позвонил в медкомнату вокзала—мне дали этот адрес. Я понял, что произошло в поезде. Ты бесстрашный человек, Малыш, и верный друг. Все ждут Твоего выздоровления. Я тоже. Как мы и договорились, я позвонил этой гниде—Коле Горяинову и предложил как юрист возратить черные доски, если не хочет ипирятностей. Мне пришлось открыть, что Сережа Солдатенков тоже наблюдал за ними, стоя с собакой по другую сторону дачи. Мясо поверил, когда узнал, что Сережа в тот вечер подарил Диме именную брашлет. Так что все поправится, доски он подбросит... Но это так, чтобы разведелить тебя.

В пакете апельсины.

До встречи, Малыш! Какие у Тебя всегда горячие руки. Все будет хорошо.

Володя.

ИЗ КОНСПЕКТА ГОРЯИНОВА Д. А. ПО ЭКОНОМИКЕ ПРОИЗВОДСТВА:

«...Япония—4, Франция—9,5... В пересчете на годовой рост розничных цен... Малыш! Люблю тебя, мильный единственный... По свидетельству журнала английских деловых кругов «Экономист»... Во имя тебя я хочу совершить подвиг, любимая. Италия—12, Нидерланды—4,5, Великобритания—8...»

ПОЭЗИЯ

Глазами добра

Однажды Михаил Аркадьевич Светлов, человек тонкий, мудрый и ироничный, пытаясь сформулировать предназначение поэта, лукаво улыбаясь, сказал:

— Знаешь, старик, что такое поэт? Поэт — это когда один человек берет другого за руку и говорит: пойдем, я тебе сейчас что-то расскажу... И ведет к себе, в свой мир. Он знает, куда ведет. А читатель, если поэт настоящий, верит ему и идет за ним. Так оба, и поэт и его читатель, приближаются к тайне...

Нет афоризмов на все времена. Но есть возвышающая к ним причастность. Нет палаты мер и весов, в которой бы условно обозначились вес и значительность поэтов.

Но книги поэтов, как правило, сами о себе говорят. Уже отделившись от нас, они или рождают себе подобных, или оставляют читателя безразличным.

Читая новую книгу Андрея Дементьева «Рождение дня» («Современник», 1978 г.), понимаешь, что главное свойство его поэзии — пронзительная доброта. Даже грусть и гнев поэта освещены светом добра.

Стихи о галчонке, выпавшем из гнезда, еще не умеющем летать, о бездомном рыжьем, веселом и норовистом псе, о лесе, который «понурившись стоит, как будто холодок обиды в своем молчании таит», о веснах «меж собой не схожих», о даче старого поэта, куда все же пытается «пробриться апрель», стихи о сердце учителя («учителей своих не позабуду, учителям своим не изменю»), взволнованные строки по поводу не запятанной своей высокой вдовство Натальи Пушкиной — все в поэзии Андрея Дементьева согрето добром и добротой, грустью по добру, необходимостью торжества Добра.

Когда вам беды застыт свет
И никуда от них не деться,—
Взгляните, как смеются дети,
И улыбнитесь им в ответ.

Уже декабрь. И потому
Зима соскучилась по снегу,
Как я соскучился по смеху,
По твоему.

Все впереди — снега, метели...
И лес несется в эту даль,
Уже предчувствуя веселье
Сквозь уходящую печаль.

Я процитировал строфы разных стихов. Они, естественно, выражают различное состояние души поэта. Но меня заинтересовало не то, чем они разнятся, а

чем объединяются. Интонационно несхожие, они близки светлой грустью, предчувствием добра.

Когда поэт пишет о матерях, не дождавшихся своих сыновей, о вдовах или просто об одиноких женщинах («о благодатстве одиноких женщин»), ему свойственна не слезливая сентиментальность, не остраненная сострадательность, а строго звучащая нота их горького мужества, признание исключительности их беды.

И все же Дементьев добрый, а не добренький. Вот как он пишет, когда негодует:

О, как порой природа
опромет-чива:
То подлеца талантом наградит,
То красотой поделится доверчиво
С тем,
За кого испытываешь стыд.

Еще не везде пружинит стих поэта, не всегда четок и единствен эпитет, не всегда жестко сохнет перо, когда болят ребра, но высоки потолки его весны, безудержна готовность броситься под колеса дружбы, явно слышен в стихах голос чужой боли, а это уже так много «для пользы людской».

Григорий ПОЖЕНЯН

ПРОЗА

Выстрел в ночи

Автор книги «Негромкий выстрел» («Молодая гвардия», 1978 г.) Егор Иванов весьма точно определил жанр своего произведения: роман-хроника. Книга выпукло и полно показывает, как правители европейских государств втайне от своих народов готовили величайшее злодеяние против них — войну, которой суждено было войти в историю под названием первой империалистической...

Главный герой романа — русский военный разведчик, офицер Генерального штаба Алексей Соколов.

По моему, секрет обаяния этой книги в том, что она рисует разведчиков — а их в книге немало и помимо Соколова! — не только «на работе», при выполнении задания, пусть порой крайне сложного и опасного. Иванов показывает своих героев в самых обычных житейских ситуациях. Тем самым достигается объемность, пластичность образов.

Перед нами проходят люди разных слоев тогдашней России — от верхушки до самых низов. Мы видим, как передовая интеллигенция в кружках жадно изучает труды Маркса. И Алексей Соколов, чуткий ко всему, что видит и слышит, не может оставаться в стороне от того, чем живет его народ.

С Соколовым происходит эволюция, сложность которой автор ни на йоту не «спрямляет». С одной стороны, присяга, требующая беспрекословного повиновения начальству, вера в непогрешимость «царя-батюшки». С другой — неопровержимая логика большевиков, к которой все более склоняется Соколов, офицер русской военной разведки...

Сложное время переживала Россия накануне первой империалистической войны, вспыхнувшей в 1914 году. В народе быстро зрело недовольство бездарной политикой правителей, действиями вздорного и неуправляемого самодержца Николая Второго. Все больший вес при дворе приобретал Григорий Распутин. Любопытный факт: разложение при дворе вызвало такое негодование привилегированной верхушки общества, что отдел контрразведки Генерального штаба без санкции — и даже без ведома! — самодержца установил постоянное бдительное наблюдение за бесноватым «святым старцем» и его действиями. Информация накапливалась в сейфах контрразведки. Автор книги показывает, какими именно путями эта информация просачивалась затем наружу, попадала за границу.

Исторический фон выписан автором точно и достоверно. Особый интерес представляет разработка сравнительно малоизученной странички отечественной истории — российского масонства, самым тесным образом связанное с масонством международным, что было еще одним каналом, по которому враги получали секретные сведения о России.

В таких непростых условиях развивается деятельность главного героя.

Россия двигалась не только к войне. Она двигалась к революции. И вместе со своей страной этот путь неуклонно совершал и Алексей Соколов, эволюцию психологии которого убедительно проследивает писатель.

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Герой и его время

Новая книга узбекского критика и литературоведа Пирмата Шермухамедова «Мир высокой духовности» (Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1978 г.) обращена к произведениям, созданным в последнее десятилетие. Статьи и очерки о писательском труде, помещенные в этой книге, объединены в четыре большие главы, каждая из которых посвящена определенной вехе становления и развития одной из наших многонациональных литератур.

Первая и самая большая глава книги названа «Время и судьба героя». Тема, поднятая в ней, является стержневой и для трех других глав — проблема нового героя в его взаимодействии с нашим временем. Обращаясь к тому или иному произведению текущего литературного процесса, критик строит свой анализ, четко следуя принципу, сформулированному на первой же странице: «Самый справедливый и самый строгий ценитель и судья художника — читатель — не прощает ему одного: забвения высокого гражданского долга перед Временем». Именно с такой позиции рассматриваются система образов, структура, язык современной узбекской прозы, отмечаются ее достоинства и

просчеты. Автор активно выступает против «уныло-бескрылой» литературы, против выпяченных претензий иных «испытателей», теряющих в погоне за яркостью способность видеть и художественно воплотить действительно красивую в своем драматическом величии жизнь.

Рассказывая о современном этапе развития узбекской литературы, критик выявляет и проследивает неизменное взаимодействие наших литератур, родственность их духовного пафоса, единые идейно-художественные задачи. Анализируя узбекскую прозу последних лет, автор отмечает ее глубокую органичную связь со всей нашей многонациональной литературой. Однако, рассматривая национальное своеобразие, характерные национальные черты героев романов, рассказов и повестей, П. Шермухамедов говорит о том, что воспроизведение подлинно национального бытия не должно стать основным фоном произведений, но всегда средой, в которой герои «существуют и творят свой поиск добра, красоты, правды, смысла жизни».

Три другие главы этой книги посвящены литературе для детей и юношества, а также рассмотрению наиболее характерных тенденций истории узбекского советского литературоведения и критики, обращенных к проблемам детской литературы. Здесь необходимо отметить тот момент, что в советском литературоведении совсем немного авторов, постоянно и углубленно занимающихся этой темой. Поэтому вдвойне интересен обстоятельный, адумчивый анализ П. Шермухамедова произведений детской литературы. Особо хорошо, на наш взгляд, глава о современной исторической прозе для детей и юношества; здесь ощущается не только глубокое знание предмета, но и живая заинтересованность автора в решении тех проблем, о которых он пишет.

На богатом фактическом материале тщательно проанализированы основные задачи исторического романа для детей, его место в формировании мировоззрения подрастающего человека.

Книге присущи обоснованность суждений, объективный, доказательный анализ художественного текста, умение верно проставить акценты. Автор не дает рецептов, но доброжелательно пытается понять причину успехов и просчетов современных узбекских писателей.

Ирина ЕВТУШЕНКО

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Высокая звезда художника

О художнике и реставраторе, о человеке Павле Корине книга Сергея Разгонова («Советский художник», 1978 г.) «Высота, жизнь и дела Павла Корина». Каждый из нас ощутил благотворное влияние труда Корина. В залах Третьяковской галереи, где выставлены многие его работы, в том числе и портреты знаменитых людей — писателей М. Горького и А. Толстого, мар-

шала Г. Жукова, пианиста К. Игумнова, скульптора С. Конекова, живописца М. Сарьяна... В Эрмитаже и Дрезденской картинной галерее, Владимирском соборе Киева и древних соборах Московского Кремля, где ожидает свидание с картинами и фресками, кои возродила к жизни талантливая рука мастера. В вестибюлях Московского метро у мозаики станции «Комсомольская» и причудливо сказочных витринах станции «Новослободская».

«Народ благодарно принимает искусство, которое воспекает и возвышает человека. Народ отвергает все уродливое. Создания подлинного искусства — остры, зажженные на вершинах. Они освещают путь человечеству», — говорил Корин. Родом из всемирно известного Палеха, художник остался верен его исконно русскому искусству. Школой живописца стали лес и поля; одинокая береза, склоняющаяся под сильным порывом ветра; розоватое облачко и травы, пахнущие пряно и волнующе, наполненные какой-то непонятной магической силой. И, глядя на его полотно «Моя Родина», каждый видел свою Отчизну, свой родной дом, свое детство.

«Биография Павла Корина богата внешними событиями. Подлинная его биография — это внутренняя духовная жизнь, полная драматизма, поисков и утрат, надежд и разочарований...» — пишет автор. Эти слова звучат как своеобразное предостережение читателю: не ищите в этой книге чего-то необычного, что порой ожидает человек при встрече со знаменитостью. Ибо найдет он здесь рассказ о постоянном труде, порой совершенном даже вопреки личному благополучию. Долгие годы исканий, неуходящая неудовлетворенность собственным творчеством, высокие идеалы учителей были спутниками жизни Корина. Только в тридцать шесть лет он наконец мог сказать: «Пора становиться художником!» Ответственность перед собственной личностью была для Корина превыше всего. Пожречески истово хранил он в своей душе это чистое пламя бескорыстного служения искусству. Он помнил и часто повторял нестеровские слова: «Искусству можно всем пожертвовать, все отдать».

Книга рассказывает о том, как рождались замыслы картин, как долго искал художник персонажей так и не написанного полотна «Уходящая Русь» и какое впечатление произвел на всех триптих «Александр Невский». «Я писал его в суровые годы войны», — говорил художник, — стремясь отразить непокорный, гордый дух нашего народа, который встал во весь свой гигантский рост». Читатель узнает подробности кропотливой работы по спасению величайших шедевров мировой живописи из Дрезденской картинной галереи. И в этом — величие духа Корина-художника и Корина-гражданина.

Эта книга о человеке, ставшем гордостью советской культуры.

О людях, которые окружали живописца. Об эпохе, когда формировалось художническое естество мастера. О долгих годах исканий, неудовлетворенности найденным и борьбе за прекрасный мир искусства.

С каждым днем все дальше уходит время Павла Корина. И современнику последних десятилетий XX века оно предстает одной из страниц нашей истории. Примером, достойным для подражания. Человеку, вступающему в жизнь, будет особенно интересно узнать о времени, событиях, взглядах в творческую лабораторию мастера, понять высокие мотивы его искусства.

Михаил КОПОТКОВ

ТАМОЖЕННЫЕ

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные корреспонденты «Смены»

Досмотр заканчивался. В зале, освещенном голубоватым светом неона, оставалось несколько человек.

Тарасов снял очки, помассировал пальцами переносицу; резь в глазах прошла. Он окинул взглядом оставшихся: судя по количеству багажа, работы будет немного. Впрочем, это судно, регулярно курсировавшее между Одессой и одним из турецких портов, редко когда доставляло таможенной службе много хлопот. Но тот день был одним из «пиковых»: три пассажирских, несколько сухогрузов — смена работала почти без перерыва. Час назад Тарасов залпом выпил подряд две чашки теплого горького кофе. Это взбодрило, но ненадолго.

В такие дни он возвращался домой выжатым как лимон, садился в кресло, закрывал глаза и пытался отключиться. Но это удавалось редко. Бесконечной чередой перед ним плыли лица, разные лица — улыбающиеся, недоверчивые, радостные, подобострастные, надменные... Тогда он думал, что, наверное, зря отказался от педагогической работы и пришел в таможенную. Но ведь он и не мог особенно выбирать: коммуниста Тарасова рекомендовали на эту работу партийные органы.

И все-таки он так думал.

...Перед ним стояли двое. Последние. Гладко, до синевы выбритые молодые лица, на обоих узкие темные пиджаки, брюки под тон, сияющие белизной сорочки. У первого, высокого, горбоносого, на безымянном пальце перстень. Он спросил у высокого декларацию, тот переложил дипломатку в левую руку и протянул Тарасову заполненную бумагу, улыбнулся, проговорил на плохом английском:

— Я и мой друг знаем правила.

Тарасов тоже ответил улыбкой, но про себя отметил: «Нервничает, чего-то боится, и лоб влажный, а ведь здесь не жарко. Впрочем, может быть, ерунда какая-нибудь».

Тарасов начал досмотр с большого кожаного баула: свитер, брюки, сорочки, полотенца, несессер, сигареты... Мягкие стенки, прощупываются по всей площади. Все нормально. Тогда почему он боится? Правда, осталась дипломатка. Владимир Павлович показал на нее: пожалуйста, это.

Высокий вздрогнул, судорожно сглотнул слюну. Натянуто улыбнулся:

— Пустяки, сувениры друзьям...

Осторожно положил дипломатку на стол. Достал ключ. Тарасов подвинул портфель к себе. Тяжелый. Содержимое же не вызвало подозрений — грошовой статуэтки, открытки, наборы лезвий, бутылки виски, дверной замок... Но откуда такая тяжесть? Он скользнул пальцами по внутренней стенке крышки — она должна быть мягкой, а у этой внутри, наверное, жесткая прокладка, зачем? У дна — тоже. И глубина портфеля подозрительна, слишком мелкая. Он чувствовал: здесь что-то не то.

— Придется вскрыть подкладку, — сказал он.

Под подкладкой крышки и в двойном дне портфеля в специальных ячейках были спрятаны переложенные тканью, чтобы не звенели, золотые монеты. Много золотых монет, на сумму около 80 тысяч рублей.

Это было в ту пору самое серьезное дело у Владимира Павловича Тарасова. После него он раз и навсегда отбросил всякие сомнения по поводу правильности своего жизненного выбора, целиком посвятив себя таможенной службе — делу невероятно сложному, специфичному, но очень и очень важному, как, впрочем, и каждое дело, так или иначе связанное с охраной государственных интересов.

С годами приходил опыт, ему поручали все более ответственные участки работы. В его послужном списке числятся десятки крупных дел вроде того, одесского. Ныне Владимир Павлович — начальник Находкинской таможни. А Находка — один из круп-

нейших морских портов на Дальнем Востоке. А вскоре, с вводом на полную мощность порта Восточный, Находка должна стать главными морскими воротами страны.

Обстановка кабинета Тарасова сугубо деловая — массивный стол, стулья вдоль стен, карта акватории порта. Сам Владимир Павлович, высокий, сутуловатый, медленно расхаживает по комнате, то и дело подходя к окну, которое закрывать он, видимо, просто не привык, несмотря на изрядный мороз на улице. Рассказ его лаконичен, деловит.

— Мы, таможенники, осуществляем контроль за соблюдением государственной монополии внешней торговли. Но, если еще в недалеком прошлом таможенный инспектор полагался в основном на свою интуицию и опыт, то сейчас мы используем также и технические средства контроля. Большинство из работников таможни имеют сейчас высшее образование, владеют иностранными языками.

Вскоре мы смогли убедиться в этом сами, присутствуя при очередном досмотре. Один из молодых инспекторов, комсорг таможни Геннадий Тищенко, легко объяснял с пассажирами на английском и японском языках. А его коллега Сергей Филатов владел еще и китайским. Впрочем, для хорошего инспектора таможенной службы этого недостаточно. Нужно знать множество самых разных вещей и наук: разбираться в искусстве, металловедении, технологии издательского дела (в обложке невинной с виду книги может быть спрятана брошюра антисоветского содержания), устройстве судов самых различных конструкций, причем это необходимо знать досконально, вплоть до назначения каждого механизма и прибора.

**В АРСЕНАЛЕ ПОГРАНИЧНИКОВ
СОВРЕМЕННЫЕ СРЕДСТВА
ТЕХНИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ.**

— СЧАСТЛИВОГО ПЛАВАНИЯ!

И, конечно же, каждый инспектор — это прежде всего психолог, которому, несмотря на самые последние достижения науки, пришедшие ему на помощь, очень нужны и интуиция и наблюдательность. Ведь по манере разговора, выражению лица, движениям рук и прочим мелочам, не поддающимся оценкам приборов, можно, зная основы человеческой психологии, законы взаимосвязи психики, мышления и физиологии, судить о внутреннем состоянии человека.

Тарасов достал из своего сейфа и положил перед нами на стол круглую печать. На ней была вытиснена надпись «Хун-гунская таможенная застава» и изображен двуглавый орел.

— Царская, старая. Храним как реликвию. В давние времена владел ею некто Бросов, из казаков, занимавший ту же должность, что и я сейчас. Человек, по преданию, был удивительной проницательности, боялись его контрабандисты смертельно. Говорят, он даже не спрашивал капитанов, что у них на борту, а определял это по запаху, наличию мух на

ДОСМОТР

— ТОВАРИЩ КАПИТАН,
ЗА ВРЕМЯ МОЕГО ДЕЖУРСТВА...

**КАЖДЫЙ ИНСПЕКТОР ТАМОЖНИ —
ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО ПСИХОЛОГ.**

судне, состоянию матросской одежды и другим, одному ему понятным и видимым признакам. Чтобы его убраться из таможни, говорят, контрабандисты никакими средствами не гнушались, даже далекое начальство Бросова подкупали. Не вышло. Словом, талантливый был человек в своем деле. Правда, ему и работало несравненно легче, ассортимент контрабанды был уже нынешнего — ткани, кость, пряности, специи, опиум, еще кое-что.

Мы видели образцы контрабандной «литературы», отпечатанной массовыми тиражами, порой спрятанной под обложками с названиями произведений классиков мировой литературы, авторов, чьи имена святы для каждого порядочного человека. Поистине безмерна изобретательность вдохновителей контрабандного антисоветизма — они ухитряются даже налаживать выпуск джинсовой ткани, перечерченной антисоветскими измышлениями: авось, удастся сбить эту ткань, а доверчивые мальчишки и девочки, не умеющие читать по-английски, нашьют из нее брюк и юбок и будут щеголять в них по улицам...

День был относительно спокойным. В порту швартовалось пять судов, покидали Находку три. Тарасов предложил нам отправиться с одним из нарядов таможни, который следовал к только что подошедшему иностранному торговому судну. В составе группы инспектора Геннадий Тищенко, Анатолий Викулов, Виктор Степанович Есликов, пограничники, представители санитарной инспекции. В руках у Викулова свертки. Интересно у него: что там?

— Комбинезон. Иначе нельзя, в очень уж некомфортабельных условиях порой приходится работать. Тищенко улыбается:

— Мы между собой решили, что ему пора диплом судового механика выдать: машину до винтика освоил.

Викулов считается специалистом по машинным отделениям. Он знает все типы судовых двигателей, прекрасно ориентируется в вентиляционных системах, холодильных камерах — словом, во всех корабельных внутренностях. Там особенно много мест, где стремятся утаить контрабанду. В практике Викулова были случаи, когда он вываливал ее в топливных танках и под слоем мазута.

По пути к судну Тищенко и Викулов рассказывают нам различные эпизоды из таможенной практики.

— Яблоки и яблоки. Штук пятнадцать, половина кофры. Хозяин держит его на коленях и приветливо улыбается. Остальной его багаж в полном порядке, и, судя по всему, судьба его мало волнует владельца. Кто-то из инспекторов шутит: «В лес со своими дровами». У нас как раз яблочный сезон в разгаре. Хозяин яблок понял, забеспокоился, объясняет, что привык, мол, к одному сорту. Что ж, бывает. Все бы ничего, только наши работники видят, что крайнее яблоко по сравнению с другими выглядит уж чересчур румяным и свежим. Попросили любителя яблок его показать. Он протягивает не то — соседнее. Пришлось взять самим. Небольшое яблочко такое, а весу в нем около килограмма. Оказалось восковым, внутри — драгоценный металл.

Услышали мы еще множество всяких случаев, среди которых было немало почти анекдотичных. Например, во время схода на берег команды иностранного судна двое матросов выдали себя... походкой. Они шли по пирсу, обливаясь потом, то и дело спотыкаясь и делая смехотворно маленькие шаги. Им пришлось действительно нелегко. Как выяснилось, на каждом было надето по три джинсовых костюма, которые им к тому же оказались малы. Словом, пересказывать эти случаи можно еще долго, ибо их столько же, сколько и самих искателей легкой наживы.

Между тем мы добрались до судна, большого современного сухогруза, прибывшего из Японии. Наряд поднялся по трапу, и каждый из сотрудников таможни занялся своим делом. Нельзя сказать, что сам по себе досмотр судна был захватывающе интересным. Занятие это физически тяжелое (на судне как-никак несколько сот помещений и отсеков.)

А потом мы провожали «Байкал» — советское комфортабельное пассажирское судно, курсирующее между Советским Союзом и Японией. Пассажиры, в основном иностранные туристы, совершившие вояж по нашей стране, были самых разных национальностей — французы, американцы, японцы, бельгийцы, немцы... Одни деловито изучали витрины сувенирных киосков, другие все никак не могли проститься с русскими друзьями.

Досмотр производился в отдельном зале и шел быстро. В туристских чемоданах было тесно от знаменитых палехских шкатулок, матрешек, кукол. Многие собирались удивить соотечественников тульскими самоварами. И мы, наблюдая за улывающими в заморские страны золотобокими красавцами, втайне гордились их популярностью и от души желали их обладателям приятного чаепития. Молодая француженка купила тома Пушкина и, видимо, была счастлива этим приобретением: она учит русский и будет читать великого поэта на его родном языке. А студенты из Токио увозили с собой прекрасные альбомы репродукций картин Эрмитажа и Третьяковки. Словом, все шло нормально. И Тарасов поэтому, стоя рядом с нами, был в отличном настроении.

А потом вдруг возникла какая-то заминка. Мы сразу ее и не заметили, а Тарасов заметил, но к стойке, где работал Есликов, не подошел, а просто умолк и остановил взгляд на пожилом, закутанном в дубленку иностранце, с которым объяснялся Виктор Степанович. Виной всему была коробка якобы с конфетами, но инспектор в наличии последних усомнился из-за нестандартного вида самой коробки. Через минуту на свет появилась икона — Владимирская богоматерь. Иностранец сделал изумленное лицо и заявил, что не знал о содержимом коробки, так как ему ее подарили, а кто — он не помнит.

Тарасов вздохнул, снял очки, потер пальцами переносицу.

— Извините, такая, знаете ли, работа. И пошел к Есликову.

ЗАЧИН

Если бы я каждый рассказ о землях — о русской земле, о земле коряков, греков, о земле туркмен, сенегальцев, шугнакцев — начинал бы словами: «Не знаю лучшего края, чем этот», — не солгал бы. Земля каждого народа — лучшая, и каждый народ — лучший. И не надо здесь ничего объяснять, а главное, не надо загипать пальцы, мы первыми изобрели колесо, первыми посадили картошку...

Каждый здравствующий народ — на земле работник. Каждый народ радуется жизни на своей лад, и потому те, кто восхвалял семь чудес света, были слепы.

ГОРЬКАЯ ЯГОДА

Я прохожу через «Львиные ворота», мимо ямы, где нашли золотую маску царя Агамемнона, предводителя греческих воинов в Троянской войне.

Не укради Парис Елену у Менелая, не случилось бы этой войны, не было бы ни «Илиады», ни «Одиссеи», и великого сказителя Гомера не было бы. И этих ворот, и самих Микен, и все теперешние люди были бы «ограблены».

— Здесь! — гид показывает ту самую дверь, через которую Орест выбрался из города, убив свою мать Клитемнестру за то, что она убила его отца Агамемнона.

Мне ничего этого не хочется слышать. Мне мешают голоса нынешних людей. Нет, я не тщуся пронзить века силами своего неистового магнетизма и хоть на мгновение побывать среди древних обитателей земли, имена которых известны нам со школы.

В «таких» местах я даже не пытаюсь представить, как было и что было. Все мои силы забирает печаль. Я поглядываю на небо, на землю, но не для того, чтобы запомнить, унести с собой, сохранить до гробовой доски. Я даже фотоаппарата не беру в такие поездки.

— Здесь бы внутренний дворик, обычный для греческих градостроителей, — доносится до меня голос гида.

Был. Я ухожу подальше от людей, сажусь на камень, бывший камнем стены.

Передо мной гора, которая поднимается над остатками Микен и которая так же поднималась над Микенами процветающими.

Втягиваю в себя воздух. Пахнет немой овечьей шерстью и землей, прогретой до самой глубины, где дремлют в тепле, как в коконе, нераспознанные, не потревоженные человеческой молвой царства.

Где-то вдруг покотился то ли ручеек, то ли камушек. Верчу головой и нахожу: с гор по петляющей тропе идет женщина, гонит овец. Овцы на ходу скусывают верхушки трав. Впереди шествия — баран с колокольчиком на шее.

— Динь! Динь! Динь-динь!
Звук льется, как ручей, скачет, как камушек.
— Бе-е! — вякнул баран, останавливаясь, крутя головой.

Это все те же бараны, что спускались по этой тропе с высокогорного пастбища при Агамемноне. Это все тот же мир. Земля та же. Трава та же. Небо то же. Ничего не исчезло с лица земли. Все мы живем на ней, и Агамемнон, и Елена, и моя Лена, которая ждет меня из дальних странствий. Грустно, правда, что о новых людях, о живых, мы знаем куда меньше.

Колокольчик звенит уже подо мной, овцы уходят. И мы уходим. Во рту у меня горький вкус оливы. Я сорвал ее утром, черную красивую ягоду, с прекраснейшей оливы, дерева-крестьянина, работающего

на людей по полутысяче лет. До чего же горькая эта ягода! Ни с чем не сравнимая горечь. горечь, настоящая на бесчисленных веках, на горьких легендах этой пронизанной солнцем земли.

Я наклонился и положил ладонь на землю. Земля была теплая. живая.

БЕЛЫЙ ПЛАТОК

Из древней Полоннарувы, попривыкнув к пальмам, к рощам каучуковых деревьев, к сверкающим водой ложбинкам и низинам, где крестьяне выхаживали рис, к слонам, к грузовикам с ананасами — у нас капусту так возят, — мчались мы в Канди, столицу последних королей Шри-Ланки. Привыкнув к чудесам, вспомнили свое, родное, запели песни. И никто из нас не обратил особого внимания на водителя нашего автобуса, который крепко-накрепко перетянул голову белым платком.

В Канди мы приехали ночью. Выходя из автобуса, я все-таки спросил гида:

— Это что, местный обычай — обвязывать голову платком?

— Нет, — сказал наш жизнерадостный, легкий, как птичка, гид. — У него голову ломит от голода.

«О-о!» — закричала во мне моя слепота. — Как же так? Я сыт. а тот, кто весь день был в ответе за мои

Владислав
БАХРЕВСКИЙ

ЗАПАХ

удобства, за жизнь мою, — голоден! И я не дома, чтоб посадить рабочего человека за свой стол. Меня кормят в лучших ресторанах. Я даже не знаю, сколько стоят супы, бифштексы, омлеты, салаты из тропической зелени и фруктов!»

В эту ночь, бродя по ночному Канди, возле какого-то храма, усыпанного цветами лотоса, я дал себе клятву работать вдвое и втрое, а когда подкараулит усталость — помнить повязанную белым платком голову. Не ради жалости помнить, ради надежды, чтоб хоть на закате дней своих, но прочитать дежурный газетный аншлаг: «Сегодня на планете Земля голодных людей нет». Для высокого человеческого предназначения этот аншлаг, может быть, и ничто, но как это много для того, кто будет есть досыта каждый день.

ОБЕРНУСЬ КОЛОКОЛЬЧИКОМ СИНИМ

Поехали мы с Кривоусовым на Киржач. Езды-то! Две остановки на электричке. Но в те годы люди еще не освоились со скоростями, и все казалось, что до Киржача — ого! — пятнадцать верст.

Мы ехали на ночь глядя. Ему нужно было поймать хорошо, чтоб и семейство ухой накормить и чтоб продать было чего. На свои, не домашние нужды. Кривоусова на работе, он признавался, прозывали «культурным» — зарплату всю домой нес. Потому и ехал на рыбалку без удочки, с варварским, надо сказать, орудием лова — в брезентовой сумке у Кривоусова лежала под газеткой наметка.

— А ты молодец, что догадался, — сказал он,

разглядывая мои бамбуковые удилица. — Поймать не поймает, но для отвода глаз сойдет.

Городище мы обошли стороной, подем. Был май. Трава уже поднялась и, убаженная теплом, неустанным долгим солнцем, отходя в вечернюю мглу, как бы зазывала в свою мерцающую тайну; из сумерек вдруг проступали белые цветы, тянуло пронзительным сквозняком.

— Будто стебелек одуванчика пожевал, — сказал Кривоусов, и я вздрогнул: у меня губы тоже горчили.

На пригорках, где росли высокие метелочки, мы попадали в ласковое тепло, и земля становилась роднее.

Кривоусов вел меня к «секрету». В сосновых посадках у него был спрятан шест и каркас для наметки.

Пока он сооружал свое браконьерское орудие лова, я закинул удочки. Хотелось мне посрамить Кривоусова: выдернуть леща этак в две ладони шириной или щуку!

Я пронзал глазами поплавок, приказывая всем духам реки, неба и леса прийти ко мне и подчиниться.

— Пустое дело, — сказал Кривоусов равнодушно. — Вода еще не сошла как следует. Не будет клевать.

И ведь не клонуло!

Я поупрямился, поупрямился, но стало совершенно темно. Берега слились с рекой. Пришлось смотать удочки.

Мы шли вверх по течению.

Кривоусов поднял раструбы резиновых сапог. Забрел по колено, кидал наметку, но ему тоже что-то не попадалось.

Я сначала суетился.

— В травку кинь! — шептал я, заражаясь охотничьей лихорадкой. — Кривоусов, прошу тебя, в травку. Тут обязательно есть.

Но рыбы и в травке не было. Я забегал вперед, находил верное место: заводь, заманчиво нависший над водою куст — и страшным шепотом звал напарника.

И вдруг на высоком, на другом берегу, где стоял бор, а спуск к реке порос черемухой — ну все равно что вынесли из темного дома на ладнях луну — щелкнул соловей, и осветилась душа, и сердце, и голова, а всего-то — щелкнул. Попробовал певец, как у него сегодня получится. И тотчас — грянул.

Я был в той поре, когда надо сидеть счастливым дуралеем, обнявшись с дурочкой-девчонкой. Но я был теля и потому бродил по весне один, и голова моя гудела стихами, которые не подходили ни единой редакцией на всем белом свете.

И когда соловей, теряя границы, занял собою всю тьму земли и превратил ее в чудо, мне погрезилось: на том берегу затаилась Она. Подсматривает за мной насмешливыми глазами.

— Есть! Давай сумку! — сдавленным шепотом позвал ушедший далеко вперед Кривоусов.

Я побежал к нему. Мы стали вытаскивать из ячеек рыбу. Река всплескивала, на небе разгорались звезды, стягивала на ладнях кожу быстро засыхающая чешуя.

— Соловьи! — сказал я.

— Теперь всю весну будут петь, — согласился Кривоусов.

Я поднялся на высокий берег, чтобы опять послушать соловьев, но слушал одного себя. Все во мне плыло и страдало отчаянно, но сладко. Конечно, мне нужно было бы кинуться в речку, переплыть, проломиться через кусты и схватить ту, которой все еще не надоело мучить меня, которая на улице ходит за мной по пятам, отпрыгивая за углы домов, когда я оборачиваюсь.

В голове пошел песенный дурман, выплывали строчки, порхали рифмы.

— Где ты?! — послышался сердитый голос Кривоусова.

Я слетел к нему с обрыва, начерпав в туфли холодного песка, успевшего за ночь отсыреть.

— Хоть маленько, а есть. На ушницу. — Кривоусов закурил. — Я вот так хожу, когда один, кидая, а сам стихи свои читаю или пою — кто услышит?

Кривоусову подкатывало к пенсии, стихи он

писал всю жизнь, душу в это занятие вкладывая, хотя так в нем и не преуспев. Не подарила ему жизнь поэзию, зато любовь к ней подарила. Плохо ли?

Я очень хорошо представил: откинув мальчишескую, стриженную под «ежик» голову, звонким мальчишеским голосом, врубая в тишину каждое слово, читает он свои стихи. И мне захотелось сделать старику приятное. Я его попросил:

— Прочитай что-нибудь.

И он прочитал. По-мальчишески звонко, откидывая голову, врубая в тишину слова:

*Никогда я свой лес не забуду,
Тот, в котором оставил свой след.
Чистый воздух вдохнув полной грудью,
Встречу я теплый летний рассвет.*

*Да, придет та пора в самом деле—
Перестану и петь и любить.
Все равно в каждой травке и трели
На земле буду вечно я жить.*

*Обернусь колокольчиком синим,
Превращусь и в сосенку и в плес,
Ты меня не забудь, как Россию,—
Я в ней жил, с нею все перенес.*

глийские слова, что не понимаем, мол! И вдруг мальчишки загалдели, кинулись за промчавшейся машиной, кулаками ей вослед погрозили. Что такое могло случиться? А-а, вот оно что—на правом ботинке моего товарища пузырился ошметок то ли мороженого, то ли еще чего-то. Мальчишки разом присели. Один раскрыв ящик, другой расшнуровал ботинок оторопевшего моего друга, снял ботинок с ноги, смахнул белое. Старый шнурок из ботинка вытянул, порвал раз, другой, показывая, что он никуда уже не годен. Другой мальчишка, сверкая щетками, чистил второй ботинок, который не успели снять, и косился в мою сторону. Мои башмаки были замшевые, от меня отступились.

Ну вот, солнце играет на каблуках—совсем другое дело, оплатите работу!

Наутро мы должны были улететь домой, деньги растратили. Пришлось наскребать из оставленных на сувениры монеток.

...Наших ребят на недельку бы сюда. Чтоб поняли, как он добывается, хлеб насущный. Один только хлеб, без масла.

А на мальчишек-чистильщиков мы не сердились. Индия—птица Феникс. Она уже возродилась, она отрачивает крылья. Верю, придет такое время, когда все индийские мальчишки и девочки будут школьниками. Хитрить им тогда придется только над задачками.

РОЗОВЫЕ ПТИЦЫ СЕРЫМ ДНЕМ

Стены моего сна за ночь стали тонкими, как солома. Мне почудилось: я сижу в свежей копне, а дождик меня уговаривает, перебирает соломинки, шепчет. Только не пойму, чего же он хочет, и, чтобы понять, просяшаюсь.

Серый свет, тростниковые стены. Дождик по-куриному переставляет лапки.

А что нам дождь, когда за дверью Индия! Распахиваю легкую дверь.

Пальма.

Под пальмой—лужа. Лужа нашенская, свицовая. В луже—мальчик. Тоже ведь нашенский. Смуглый-смуглый, но и сквозь смуглоту видно—посинел. На мальчишке веревочка и тряпочка. Меньше одежды никак нельзя придумать. Но—одет. Ловит мальчик в луже свое—креветки.

Иду по пляжу. Пляжные грибки—нашенские, но стоят они на берегу Индийского океана.

Небо серое—океан серый. Волны бродят, как брага. Кипят, кипят. Гудят, словно стоишь на взлетном поле аэродрома, но сквозь гул океанских вздохов слышно—дождик моросит. Застенчивый, нашенский.

В дождик-то, братцы,—ведь это такое купание! Бегу в бунгало, и мы с мальчиком по одежде—одного поля ягода.

В океан!

Океан замахивается на меня кулаком волны. Ну, держись! И чую, он меня на ладонях к берегу несет, как ребятенка, пошлепывая. Оставил на мели, а сам, ворча, пришептывая какие-то нещипкие угрозы, откатывается. И я бегу за ним. И мы играем.

Потом, притомясь, стою я и гляжу на эту вечно теплую большую воду, чтоб хоть что-то унести с этих берегов в свою жизнь, в наш снегами обильный край. Только вот как унесешь, как сбережешь?

В тот миг, когда затосковал я по родной земле, еще не простившись с океаном, с бунгало, с посиневшим ловцом креветок, в тот самый миг на небо явились розовые птицы.

Они были медленные, большие. Они летели низко, под низкими тучами, словно по небу перекачивалась розовая волна, всплескивая, лохматясь.

Птицы летели в нашу сторону. На Север.

— Фламинго?—сказал я.

— Фламинго,—повторил за мной ловец креветок.

И мы решили, что это фламинго. Не знаю, фламинго ли? Но тоска моя не состоялась. Я верил—эти птицы будут всю мою жизнь нести на своих медленных прекрасных крыльях утро, рожденное на берегу пересоленного океана—любимца планеты.

«ЭТО ЖЕ ЛЕНИНГРАД!»

Опочка, Изборск, Гдов, Остров—древние русские порубежные города. Битвы с поляками, немцами, шведами... Города-воины, сто раз сожженные и упрямо выстроенные вновь. Ныне это милые районные центры, трогательно хранящие обломки своего воинственного прошлого. В Изборске—крепость, в Гдове—башня, в Опочке—городище.

Краеведы в таких городах—люди восторженные и вьедливые.

— Вот, видите, угловые окна?—от почтительности к бывшему краевед говорит шепотом, глазами указывает на окна второго этажа.—В этой комнате всегда останавливался Пушкин. Он сюда на ярмарку ездил.

Мы—на одной из улочек Опочки, города ныне небольшого, неприметного, но краевед распаивает руки:

Продолжение на 31-й стр.

И ЗЕМЛИ

ВСТРЕЧА

Я ничего уже не помню точно о днях, когда душа моя заметалась, как летучая мышь на свету. От страха и от счастья кинулась она в небо, в лес, в луга, не в силах вместить всего, пугаясь, что на все не хватит любви. Может быть, и разбилась, оглохла, ослепла бы, но на спасение попалась мне тогда луговая морщина, полная дождевой воды.

Вода держала небо, опрокидывала в себя березы, грачей над березами—и не пугала. Ее ложе покоилось на травах, ведь она была луговая вода, вода до большого июньского солнца. Тогда, затаившись, я подсматривал тайны подводной жизни. Эта лужа была домом Лягушонка. Он долго сидел на дне, сливаясь с зеленой травой, но потом догадался: я ему не помеха, всплыл, положил передние лапки на лист конского щавеля и, раздувая мешочки на голове, запел лягушину свою песенку.

Вот и теперь, шагая через березняк, я устремлялся к каждому просвету. Искал за сотни верст от той земли, за десятки лет от того заветного дня, искал мою лужицу, в которую вмещается весь мир: небо, лес, человек и лягушонок.

Нашел!

Мне встретилась старая, заросшая травой дорога. Дожди залили колеи мелкой ласковой водой.

Я наклонился и увидел—глаза.

Лягушонок!

Мы оба затаились. Но теперь у меня не было времени ждать. Я взял сухую прошлогоднюю травинку и дотронулся до лягушонка. Он не пошевелился. Не выдавал себя, упрямец.

— Здравствуй!—сказал я ему и отступил в лес.

— А чего?—сказал я.—Удалось.

Я не лукавил. Мне понравились стихи.

И самому, конечно, захотелось прочитать свои стихи, так и подкатывало под ребрышко.

Кривоусов, добрая душа, не стал меня терзать.

— Ты тоже прочитай.

И мне уже не было удержу:

*Весне не лгут. Весне не лгут.
Не лгут весне, весна—надежда.
Ее не судят по одеждам,
Ее, как детство, берегут.*

— Ты молодой, из тебя чего-нибудь выйдет,—сказал Кривоусов.—Подработаешь—и получишь. Ты не горюй.

«Ишь ты, учитель»,—закипело во мне зеленое пламя обиды.

— Давай перекусим,—предложил Кривоусов.

Мы поднялись на кручу. Не разжигая костра, сидели на брезентовой сумке Кривоусова, свесив над рекой ноги.

— А я и на войне стихи вслух читал,—сказал Кривоусов.

— Свои?

— А то чьи же? Все гремит, а я читаю. Голод обманывал. Мне ведь под Ленинградом пришлось стоять.

Мы едим холодную, но очень вкусную картошку. Может, оттого вкусную, что закусьваем солеными огурцами.

И тут на том берегу, из самой чащи леса, словно бы и вправду вынесли на ладонях луну.

В темноте не было видно лица того, кто ее принес, но руки светились. Это были руки той самой девушки, которая ходит за мной по пятам и которая надо мной посмеивается.

Соловьи тоже увидели луну и, пораженные красотой, смолкли. Теперь было слышно, как плещет река.

ЧИСТИЛЬЩИКИ

Мы жили в Старом Дели, напротив мавзолея Хумаюна. Пошли с товарищем побродить по зеленой декабрьской травке в садах, окружавших усыпальницы. Заглянули в какой-то дворик. Четверо мужчин полусонно развлекались курением кальяна. В глубине двора—мраморная, словно бы игрушечная, мечеть в полтора человеческого роста, не больше.

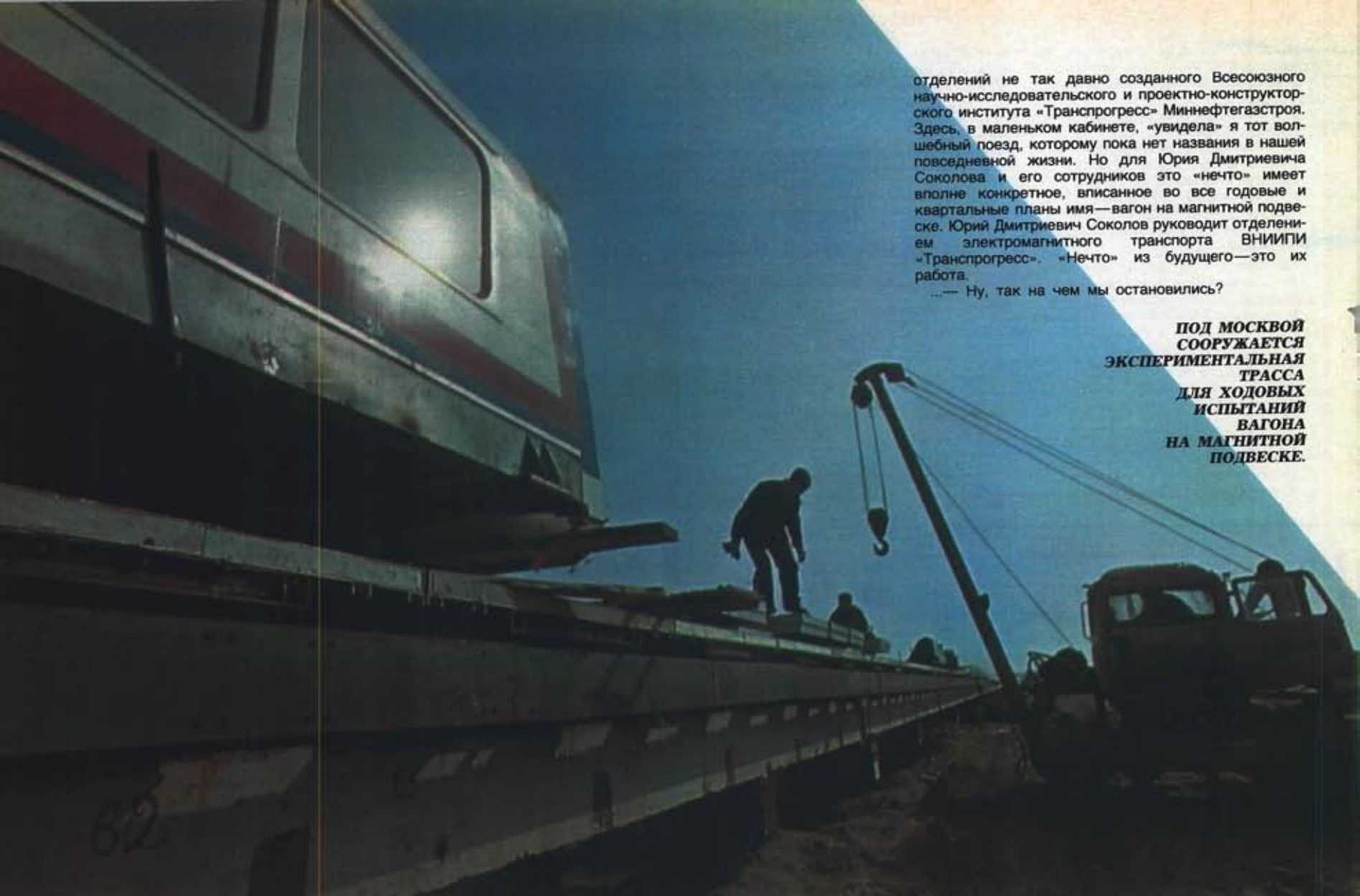
Возле этой мечети мы обрели неотвязных спутников—двух мальчишек-чистильщиков. С ящиком, быстроногие, быстроглазые, быстрорукие, они сначала взяли на себя роль гидов, показывали в сторону мавзолея, что-то рассказывали, а мы им объясняли, старательно вспоминая подходящие ан-

отделений не так давно созданного Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института «Транспрогресс» Миннефтегазстроя. Здесь, в маленьком кабинете, «увидела» я тот волшебный поезд, которому пока нет названия в нашей повседневной жизни. Но для Юрия Дмитриевича Соколова и его сотрудников это «нечто» имеет вполне конкретное, вписанное во все годовые и квартальные планы имя—вагон на магнитной подвеске. Юрий Дмитриевич Соколов руководит отделением электромагнитного транспорта ВНИИПИ «Транспрогресс». «Нечто» из будущего—это их работа.

...— Ну, так на чем мы остановились?

**ПОД МОСКВОЙ
СООРУЖАЕТСЯ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ
ТРАССА
ДЛЯ ХОДОВЫХ
ИСПЫТАНИЙ
ВАГОНА
НА МАГНИТНОЙ
ПОДВЕСКЕ.**

ПОЕЗД БЕЗ... К

Репортаж об интересном

Раиса АЛЕКСАНДРОВА
Фото Сергея ВЕТРОВА

**ТАКИМ
ВИДЯТ ДИЗАЙНЕРЫ
ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ
БУДУЩЕГО
ВАГОНА.**

И все же немного странно, стоя на эскалаторе, не спускаться на нем в давно обжитые подземные галереи метрополитена, а подниматься вверх, куда-то к зеленеющим кронам деревьев. А потом, не успев как следует и оглядеться на этой взметнувшейся над землей платформе, видеть, как стремительно приближается к ней нечто, чему в нашей обыденной жизни нет еще и названия, по крайней мере привычного слуху и понятного каждому.

Поезд—больше всего это все-таки похоже на поезд—промелькнул перед глазами и замер у платформы. Было такое чувство, что происходит все это во сне, когда шум куда-то уходит и остается одно движение. Хотелось потрогать уши, чтобы вернуть в сознание привычный грохот подходящего поезда. Шума не было. Вагоны, таинственно поблескивая огромными окнами и еще секунду назад цельные, как

борт самолета, все так же бесшумно, чуть вздохнув, сдвинули в сторону двери, приглашая войти. Внутри вагон уже не был таким таинственным, и южный яркий день сквозь эти зеркальные окна казался мягким и не таким знойным. А когда двери с тем же тихим вздохом закрылись, превратив снова наш вагон в гладкий самолетный фюзеляж, станция вдруг уплыла назад. И город за окном стал пестрой лентой. Только белеющие вдали горы оставались на месте—их может сдвинуть совсем уж космическая скорость...

— Ну, так на чем мы остановились?

Юрий Дмитриевич Соколов закончил телефонный разговор и повернулся ко мне.

...И снова я в старом московском доме, в одном из

**СИДЯ
В УЮТНЫХ
КРЕСЛАХ,
ПАССАЖИРЫ
НЕ ПОЧУВСТВУЮТ
НИ ТОЛЧКОВ,
НИ УХАБОВ.**

— На колесе.

Да, как ни странно, как ни парадоксально звучит это, но классическое колесо в наше время уже только тормозит развитие рельсового транспорта. И если отрешиться от романтической привязанности к железнодорожному колесу, если не тосковать по нему, как тосковал по привычному извозчику первый пассажир паровоза—этого «изобретения дьявола», то с разумными доводами критиков колеса нельзя не согласиться.

Да, сегодняшние поезда способны мчаться со скоростью 250—300 километров в час. Но колесо не выдерживает такого темпа—начинает пробуксовывать. И даже на привычной нам скорости, учитывая современные требования к транспорту, все больше недостатков колеса мы замечаем—плохое сцепление с рельсом, ограничение динамики движения, потери в многоступенчатых механизмах передачи, ненадежность в эксплуатации, недолговечность. А шум проходящих поездов, шум трамваев на наших улицах! И хоть привыкли относиться мы к нему, как к неизбежному злу, грохот железа по железу даже самых терпеливых способен довести до крика:

— Ну, почему это неизбежно?!

К слову сказать, хоть и пользуемся мы железнодорожным колесом вторую сотню лет, думать над тем, как от него избавиться, люди начали едва ли не одновременно с изобретением железной дороги. Во всяком случае, еще в 1864 году французский изобретатель Жирар начал работать над бесколесным экипажем с водяной подушкой. Эти опыты были успешными настолько, что в 1889 году на первой Всемирной выставке в Париже его поезд (а скорее небольшие платформы) был выставлен и даже катал смельчаков на своем, как это мы сейчас называем, экспериментальном участке. А вспомните нашу научную фантастику! Какие поезда мчатся в будущем? Конечно, на воздушной подушке. Думается, что не надо искать в подтверждение цитат—многие вспомнят из книг бетонные желоба и летящие по ним поезда-ракеты. Но не выдержала фантастика проверки жизнью. Занимались ученые такими разработками и еще в 60-х годах прекратили их—шум, пыль, ветер... Нет, и воздушная подушка не годилась для реального транспорта будущего. Хотя техника на воздушной подушке разрабатывается и действует, но там, где не нужны ориентированные трассы, в труднопроходимых местах, где самое главное—пройти...

И вот уже столетия ученые называют ту «синюю птицу», которая может дать нам желаемый транспорт,—магнитные силы. В отделе Соколова пере-

числение достоинств будущего поезда я слышала не раз, и каждый раз заново им поражалась: скорость авиации, но без ее шума, надежность, комфортное скольжение—ни толчков, ни ухабов, ни «подпрыгивания» на рельсовых стыках и, что так важно в наше время, полное сохранение чистоты окружающей среды.

Но, как и всякая настоящая «синяя птица», в руки секрет такого поезда долго не давался, хотя работы над этой проблемой велись во многих странах мира—в Америке, и в Японии, в ФРГ и у нас, в Советском Союзе.

Принцип был известен давно—магнитные силы, не давая сомкнуться полотну и вагону, удерживают его в подвешенном состоянии, а мотор заставляет двигаться. В России еще в 1911 году профессор Томского технологического института Б. П. Вайнберг предложил проект и создал модель так называемого «магнитного туннеля». Но долгие годы уровень развития науки и техники не давал ученым возможности решить множество возникающих проблем. И, может быть, в будущих справочниках именно наши годы будут названы годами, когда началась эра освоения магнитного транспорта. Во всяком случае, теперь эта «синяя птица» настолько к нам приблизилась, что ее можно потрогать руками...

Да, именно с этого, с предложения сначала увидеть, а потом уж поговорить, началось мое знакомство с отделением электромагнитного транспорта института и его сотрудниками.

...Жители московского Чертанова, терпеливо «уплотняясь» в часы пик в тесном нутре автобусов и троллейбусов, вряд ли знают, что совсем рядом с ними, на территории небольшого завода «Газстроймаш», уже прошел свои первые метры удивительный, парящий над землей вагон. Журналисты, которым довелось присутствовать на одном из его испытаний, дали ему сразу несколько названий—и летающий вагон и магнитолет. Как он будет называться, когда выйдет на городские улицы, еще не ясно. Да, честно говоря, никого из его создателей это не волнует—уж как-нибудь назовут...

А пока, легко огражденный от остальной территории завода, не слишком высокий и не слишком длинный, поднялся над землей первый участок дороги, где властвует таинственная сила магнита. И белый вагон с прочерченными на его боках красной и синей полосами совсем обычно стоял в ее начале. Перед ним путь длиной всего в 36 метров. Вместо наземных рельсов—поднятые опоры чуть выше человеческого роста ровные ряды постоянных магнитов, уложенные в две широкие полосы.

Совершенно неожиданно мне повезло. Пока в прозрачных сумерках я вглядывалась в белеющий вагон и широкие полотна магнитов, на пустынной в конце рабочего дня испытательной площадке появились люди. Это был директор ВНИИПИ «Транспрогресс» Анатолий Никитович Гуськов и специалисты-транспортники. Вместе мы вошли в распахнувшиеся двери. Честно говоря, никакого необычного ощущения я не испытывала—такой же привычно устойчивый пол, как в любом поезде. Но специалистов именно это и заинтересовало—они по-мальчишечьи топали в пол вагона, словно проверяя его устойчивость. Пока мы еще не поехали, мне казалось, что вагон на что-то надежно опущен, и я ждала момента взлета, состояния колеблющегося и зыбкого. Но когда испытатель взял в руки простейшую коробку пульта управления и нажал кнопку, мы просто-напросто двинулись вперед. И ощущение надежной связи с землей не проходило. Мы мягко и плавно двигались вперед и назад, прочно удерживаемые над полотном магнитами, и эта прочность, устойчивость, надежность движения вагона

была, по мнению специалистов, одним из самых весомых достижений его создателей. Да, не зря стоит рядом с эстакадой полевой домик, набитый сверху донизу необходимым для испытаний оборудованием. Здесь учились укорачивать магнит, отучали его «плавать», «толкаться» и валить вагоны набок... Теперь он надежно движется над своей магнитной колеей на высоте 10—15 мм, и чистый лист бумаги, над которым пройдет экипаж, не сомнется и не потеряет своей белизны.

— Так и должно быть,—объясняет мне заместитель директора института Сергей Николаевич Байбаков,—экипаж ничем не связан с опорой—нет трения. И движется он с помощью линейного асинхронного двигателя. Ротор, который вопреки привычным понятиям в нашем двигателе неподвижен—легкая алюминиевая полоса,—укреплен между магнитными колеями в эстакаде, а статор, или индуктор, крепится на экипаже. «Бегущая» электромагнитная волна отталкивается от металлической полосы, и подвижная часть (а это сам экипаж) перемещается, причем при таком двигателе возможны скорости, о которых мы можем пока только мечтать,—до 450—500 километров в час. Кроме того, отсутствие колес и каких-либо вращающихся деталей в двигателе делает транспорт на магнитной подвеске совершенно бесшумным и очень спокойным. Во всяком случае,—улыбается Сергей Николаевич,—журналисты уже проводили испытание. Они попросили поставить в вагоне возле пульта управления стакан, доверху наполненный водой, и сколько экипаж ни двигался, оттуда не пролилось ни капли.

— А вы обратили внимание на полосы по бокам вагона?—спросил С. Н. Байбаков, когда мы вышли на площадку.

Мы вгляделись еще раз в эти четкие и яркие полосы. Красную и синюю. Цвета магнитных полюсов. И в простую эмблему—два изогнутых магнита, одноцветные полюса которых никогда не соединятся. Сохранят ли эти цвета или эту эмблему будущие скоростные поезда на магнитной подвеске? Кто знает. Но здесь, на этом самом первом вагончике, они, наверное, нужны, как первые буквы новой азбуки, которую мы только начали учить.

Испытатель, которому вся эта эстакада знакома, наверное, до последнего винтика, спокойно заметил:

— Собственно, сама эта система только этап, и этап пройденный...

— Как?—ахнула я и кинулась к Соколову.

— А он прав,—улыбнулся моей растерянности Юрий Дмитриевич.—Для эксплуатации реальных систем значительно лучше электромагниты. На этом первом нашем опытном стенде, где уложены постоянные магниты, мы уже закончили научно-исследовательские работы и получили очень нужные выводы, которые помогут в расчете многих необходимых в дальнейшем вещей. Теперь наша задача перейти от постоянных магнитов к электромагнитам, от нас требуется создать электромагнит с высокими эксплуатационными показателями. А самое важное—сделать его управляемым, то есть таким, чтобы при любых неожиданностях сохранился необходимый зазор между вагоном и полотном—одно из непременных условий комфортного движения. Для этого разработана специальная система регулирования. Схематично это выглядит так: команда от датчика зазора проходит через управляющий блок, который вырабатывает самостоятельные законы управления блоком регулирования, обеспечивающие устойчивую стабилизацию вагона. Задача очень непростая, ведь нужно создать, по сути дела, «автопилот», который уверенно поведет летящий вагон в одном сантиметре над путепроводом.

Сейчас на заводе идет монтаж экспериментального стенда, где скоро начнутся комплексные исследования системы электромагнитной подвески. К следующему году, по нашим расчетам, они должны быть окончены. Будем считать, что это первая задача, которую предстоит решить нашему отделению. Гораздо больше времени потребует другая очень важная для будущего транспорта задача—создать управляемый электропривод. В нашем сегодняшнем линейном асинхронном двигателе (сокращенно ЛАД) используется пока система прямого пуска. Вы видели на испытательной площадке выносной пульт управления?—Юрий Дмитриевич старается объяснить как можно нагляднее.—Там ведь всего три позиции—вперед, назад и стоп. Для торможения просто-напросто включается задний ход. Системы регулирования линейного электропривода, по нашим данным, пока нигде в мире еще не эксплуатируются. Наш отдел линейного электропривода и электроснабжения, возглавляемый Борисом Дмитриевичем Петровским, ведет эту работу совместно с Ленинградским институтом железнодорожного транспорта—создает блок управления, который бы обеспечил бесступенчатое регулирование движения. Но это долгая и сложная работа.

ОЛЕС

**ЗДЕСЬ РОЖДАЕТСЯ
ТРАНСПОРТ
ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ.**

**450—500
КИЛОМЕТРОВ В ЧАС—
С ТАКОЙ
СКОРОСТЬЮ
МОГУТ МЧАТЬСЯ
МАГНИТОЛЕТЫ.**

Под Москвой сооружается экспериментальная трасса для ходовых испытаний, там и будет окончательно отработана вся система экипажа на магнитной подвеске.

— Так что, вашему вагону предстоит переехать туда?

— Да, на первое время, только для испытаний блоков магнитной подвески. Ни на большие скорости, ни на условия постоянной эксплуатации он не рассчитан. Но создание подвижного состава для будущих дорог тоже входило в круг наших задач. И, пожалуй, именно эта задача больше всех других близка к завершению.

...И снова поезд—да, это все-таки поезд—пролетел перед глазами и замер у платформы. Только теперь я уж во всех деталях видел его стремительный силуэт и гладкие, как борт самолета, вагоны, таинственно поблескивающие амальгированными окнами, и спокойный уют внутренних салонов с разворачивающимися сиденьями, и удобную кабину машиниста с панорамным телевизионным обзором...

— Мы рассмотрели все типы вагонов, какие сейчас есть во всем мире,—рассказывает Юрий Дмитриевич Соколов,—и, кажется, нам удалось найти форму, которая, отличаясь от всех этих видов, наиболее целесообразна для будущего транспорта. Здесь нам очень помогли московские дизайнеры. Это ведь должно быть нечто среднее между самолетом и наземным транспортом.

— Но где же все-таки это «нечто» будет использоваться?

— Прежде чем начать наши разработки, мы подсчитали его будущие возможности. Самыми рациональными, по нашему мнению, могут быть внутригородские трассы, где поезда будут идти со скоростью до ста километров в час. И пригородные, где возможна еще большая скорость.

— А можно ли уже сейчас сказать, жители какого города станут первыми пассажирами магнитного транспорта?

— Вот лечу на днях в Алма-Ату. И уже не в первый раз. Будем дорабатывать со строителями последние детали сооружения головного участка будущей городской трассы. В этом году планируем начать строительство. Так что заканчивать наши разработки и готовить реальный участок будущей магистрали будем практически одновременно. Алмаатинцы всемерно помогают нам в работе—им наш транспорт остро необходим, он поможет решить многие стоящие перед городом и сейчас практически неразрешимые задачи. Алма-Ата—большой современный город с очень сложной экологической обстановкой: он окружен горами, и все городские дымы, весь автомобильный чад практически неподвижно висят над городом. Для городского хозяйства развивать автобусный транспорт невозможно, трамвай и троллейбус тоже не смогут решить всех проблем. А наш транспорт втрое дешевле метрополитена, совершенно не загрязняет воздушную среду, бесшумен, ему под силу участки любой крутизны...

На алма-атинской эстакаде длиной в 14 километров (ее маршрут уже разработан и утвержден) мы будем отработать нашу систему в городских условиях. Сначала там будут ходить отдельные вагоны, а потом и целые составы, которые смогут перевезти почти полмиллиона пассажиров в день. Если их скорость будет до 100 километров в час, это позволит получить среднюю скорость передвижения в черте города (с учетом остановок) около 60 километров в час. А у автобуса такая скорость—около 15 километров.

— Юрий Дмитриевич, а вдруг в городе выключат ток? Поезд шлепнется на полотно?

— Ну что вы,—Юрий Дмитриевич даже махнул рукой,—для этого случая предусмотрена специальная система автоматики, которая переключит электромагниты на питание от бортового источника, и состав спокойно опустится на опоры безопасности. И как только в систему будет подано напряжение, поезд продолжит свой путь.

Наверное, никому так не хочется отправиться в путешествие на будущем магнитолете, как его создателям. Они ведь уже видят и разгон, и полет стремительного экипажа, и плавное торможение... Хотя пока больше в цифрах и формулах. И чуть-чуть на испытательном стенде.

Но они работают.

Такие обычные и так счастливо увлеченные своим делом люди—доктора и кандидаты наук, опытные инженеры и молодые выпускники вузов. И каждый день их повседневная работа делает для нас с вами все ближе тот чудесный момент, когда на земле испытаем мы сладость полета.

И пусть нам с вами будет сначала немного странно стоять на эскалаторе в центре города и не спускаться, как обычно, в давно обжитые подземные галереи метрополитена, а подниматься над землей вверх, куда-то к зеленеющим кронам деревьев...

Ничего. Привыкнем.

Александр ШЕВЕЛЕВ

Корни

*Мир открыт
для дальних путешествий,
только ты туда, брат,
не спеши
от родных излучин и предместий,
где и вправду песни хороши.*

*Не спеши
от родников студеных,
от румяных гулевых рябин,
от реки и от холмов зеленых,
от оврагов и седых равнин,*

*от людей,
познавших в жизни горе,
выбравших свой путь
наверняка...
На российском вспаханном просторе
наши корни
будут жить века.*

Возвращение домой

*Меня в кабину посадил
шофер,
отъехав от заправки,
и зафырчал спокойной «ЗИЛ»
и покатился по «Варшавке»
туда,
где белая гроза,
стеною дождь, шальные ветры,
а я смотрел во все глаза
вперед,
считая километры;
виднелись рощи и стога,
мосты, тропинки и покосы,
холмы, загоны и стада,
пруды, излучины и плесы,
и на обочине шоссе
вставали братские могилы...
Здесь,
в среднерусской полосе,
я рос и гордым и счастливым.
Она, как песня, эта даль,
ее пейзаж былинный, древний;
в ней есть и радость и печаль
от встречи с каждой деревней.*

Амир МАХМУДОВ

Жизнь

*С детства
избрал я дорогу свою,
Юность меня окрылила,
Чтобы в любимом и древнем краю
Лучше год от году было.*

*Жизни дитя
и эпохи дитя—
Участь скучна мне иная,—
Жадно живу я,
кометой летя,
Сердцем к земле припадая.*

*Все принимаю:
рожденные и смерть,
И тороплюсь что есть силы.
Время—мой спутник.
Мне нужно успеть
Догоревать, долюбить и допеть,
Чтобы в краю забытом и впрядь
Лучше год от году было.*

Владимир МАТВЕЕВ

Карские ворота

*Мы проходили Карские ворота.
Ледоколы спор ведут со льдами.
Летний день, не знающий отсчета,
И снега, лежащие годами...*

*Тих простор, неохватимый глазом.
И на поле том стерильно-чистом
Сердцем ты прочешь сумеешь фразу,
Что во льдах не место эгоистам.*

*И, штурмуя Карские ворота,
Ты поймешь в одно из тех мгновений:
Требуют высокие широты
От людей
высоких устремлений.*

Хлеб

Никто не выше хлеба.
Татарская пословица.

*Как жернов, хлеб тяжел в руках моих,
Великий вес не мог поднять я сразу.
Алмазный фонд из недр глухих,
Как чудо, прорастал на радость глазу.*

*С ним жемчуга сравниться б не смогли,
Вселенной сердцу без него не биться.
Но не дороже он родной земли,
Сам хлеб—всего родной земли частица.*

*Вот теплый хлеб лег на моем столе.
Единою судьбою мы повиты:
Зерном нас рассыпало по земле,
Просеивая через жизни сито.*

*Тесна нам горизонта полоса.
Не раз склоняя перед былью небыль,
Творим мы в самом деле чудеса...
Но все ж никто из нас не выше хлеба.*

Перевел с татарского
Диомид КОСТЮРИН.

Корабельный хлеб

*Бывалые, что многое успели
Постичь на тропах жизненных судеб,
Скажите, в когда-нибудь вы или
Горячий, в море выпеченный хлеб?*

*В походе дальнем он особо вкусен,
И аромат его еще сильней,
Когда корабль на океанском курсе
И берегов не видно столько дней...*

*Насквозь пропитан пахотой и зноем,
Настоями уборочной страды,
Хлеб кажется наградою земною
За неземные флотские труды.*

*Кок постарался на волне горбатой—
Такой домашний у буханок вид!
И только привкус чуть солоноватый
Напомнить нам о море норовит...*

ЗАПАХИ ЗЕМЛИ

Рисунки Владимира ДЕЛБЫ

Начало на 26-й стр.

— Вы посмотрите на Главную площадь! Это же Ленинград! То есть распланировано, как в Ленинграде. Вы видите?

Я вижу: районные краеведы обидчивы, как средневековые рыцари. Но они, как рыцари, и бескорыстны. У них тысячи дел, но забота только одна—вернуть любимому городу былое величие.

О, если бы не они, эти славные гордые люди, многое из того, что теперь нас восхищает, было бы безнадежно утрачено. Они собирают жалкие клочки и осколки, а в результате получается иной раз целостная картина.

— А что в той пушкинской комнате?—спрашиваю.

— Она, к сожалению, пуста, но...

Но они, краеведы, знают, где останавливался Пушкин. Они пишут об этом в газеты, они теребят местные и областные власти. Едут в столицу. И добиваются своего. Приходит счастливое время, и, смотришь, на доме мемориальная доска, а там и музей.

ДЕВУШКА И ТРУБОЧИСТ

Шел по городу трубочист, а навстречу ему шла девушка. Нарядная, веселая.

Тротуар был узок, и трубочист ненароком коснулся черным рукавом белой кофты.

Глянула девушка на свою кофту—слезы так и покатились, обернулся трубочист, вспыхнул и—ни с места.

Шли по улице люди, все они думали о своем. Но теперь смотрели они на девушку, на трубочиста и улыбались, а женщины подходили к девушке и поздравляли.

Девушка была иноземка. Она никак не могла понять, что же хорошего в том, что ее белоснежную кофту испачкали. Но один прохожий знал язык ее страны и сказал ей:

— Если трубочист невзначай коснется девушки, быть ей счастливой. Но трубочисты такие осторожные!

И высохли у девушки слезы, и засмеялась она, и все на улице засмеялись, и блеснул улыбкой трубочист, и весело зашагал своей дорогой.

Все было хорошо!

И видел я это в древнем городе Эрфурте.

ВАЛДАЙ

Какое русское сердце не встрепенется при слове «Валдай»? Скажут: «Валдай»,—и у тебя внутри колокольчики зазвенят.

Давным-давно перевелась ямская гоньба, исчезло племя ямщиков, и колокольчика, даже сувенирного, не купить в Валдае, а все равно звенит слово. Звенит, несет!

Говорят, жил-был финн Валды. Он-то и построил первый дом на Валдае. А может, и не было никакого Валды, слово это в переводе с финского—белый, светлый, а Валдай-то куда как светел, высокое место, к небу близкое. Под взгорьем озеро, тихое, ясное. На острове бел-монастырь, патриарха Никола радение.

ВОРОНЬЯ БЕДА

Жители Починка Чапкова—деревеньки на берегу хорошей речки Костромы—рассказывают, что у них-де и ныне судаки не перевелись. Может, и не перевелись, не знаю, не видел. При мне никто судаков не ловил, а сам я и подавно.

Но, может статься, потому и не ловились, что лето в том году не уродилось: то задождит, то захолодает, то заветрит. Ладно, судаки! Рыбка попроще—и та не клевала. Посидел я так утро, улов—две сорожки, насадил червяков пожирнее и отправился домой.

Вспомнил об удочках далеко за полдень. Пошел забрать.

Иду, а передо мной две вороны игру затеяли. Одна ворона старая, другая—большой птенец. Старая молодую летать над водой учит. Так мне показалось.

Старая сорвется с берега боком, повиснет над рекой, а потом по невидимому воздушному косоугру как на санках—вниз и только у самой воды замрет и позволит воздушной волне вытянуть себя в небо. Помашет в небе старая ворона крыльями, подлетит к берегу и сядет. Молодая ворона продельвала всю воздушную акробатику одновременно со старой, но держалась ближе к берегу.

Сорвутся этак, полетают передо мной, сядут и ждут, когда я подойду.

Очень мне эта игра нравилась, но тут я увидел у самой воды одинокую притихшую птицу. Тоже ворону, молодую.

Воздушные акробаты, видимо, отводили мне глаза и показывали вороненку, что и как нужно делать, чтобы взлететь и перебраться на другую сторону реки, где было воронье царство.

Недолго думая, я решил помочь струсившему птенцу: через речку перелететь сил у него хватило, а в обратную сторону—страшно.

Вороненок дался мне в руки без труда. Я поднялся с ним на самое высокое место и подкинул. Вороненок замахал крыльями, всполошно, как заметавшийся человек руками, и упал в воду, неподалеку от берега. Я полез за ним, достал, посадил между камнями, чтоб особенно не виден был и чтоб солнце и ветер обсушили ему перья.

Целая стая птиц рванулась с противоположного берега. Над моей головой закуролесил черный вихрь. Впрочем, ввязаться в драку с человеком вороны не посмели.

Горько мне стало. Хотел помочь, а помощь вон чем обернулась.

Забрал удочки. Рыба так и не тронула червяков. Возвращаясь, остановился над камнями. Вороненок неподвижно сидел на том месте, куда я пристроил его.

Опять сорвалась с другого берега стая птиц, опять надо мной, посвистывая крыльями, пронесся черный ветер. Я шел своей дорогой, с опаской поглядывая на ворон, пикировавших на меня с высоты.

На следующий день вороненок уже лежал на боку.

Долго я не мог забыть его. Долго говорил сам себе все ту же фразу:

— Хотел помочь, а помощь вон чем обернулась.

Не знаю. Может быть, вороны тоже не помогли бы своему молодому собрату, но все же вина не отступала от меня. Да и теперь я чувствую себя виноватым. Перед всеми слабыми, не сумевшими постоять за себя, которым я ничем не смогу помочь, если даже и встряну.

А ведь встряну! И налетят на меня вороны. И будет мне плохо. Но ведь нельзя же стоять в стороне и смотреть, как бьется, или уж и не бьется даже, смирившееся перед напастью живое, пришедшее жить в этот мир существо.

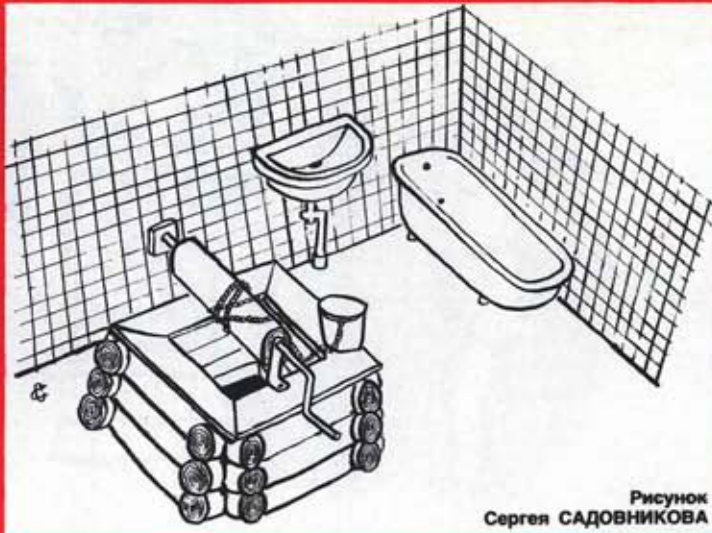

Рисунок
Сергея САДОВНИКОВА

Рисунок Виктора ФЕДОРОВА

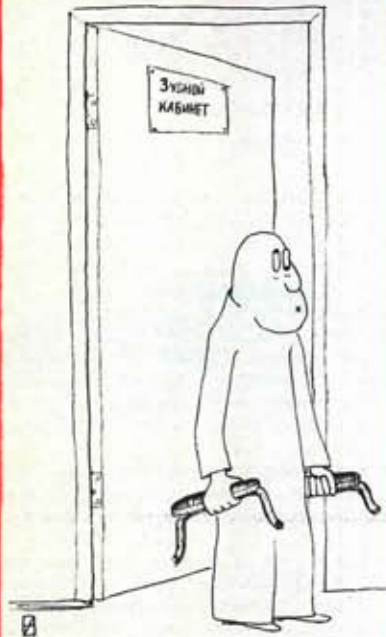

Рисунок Александра ЕЛИСЕЕВА

Рисунок Якова МИХАЙЛОВА

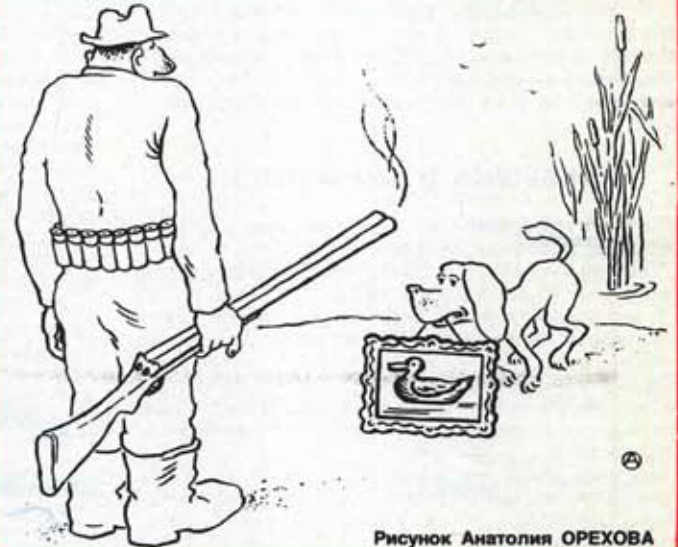

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

(Продолжение. Начало см. в №11 и 12 журнала).

ТРЕТИЙ ТУР

Мат в три хода (2 очка).

Белые делают ничью (3 очка).

Ход черных. Есть ли у них форсированный путь к победе? (3 очка).

Запомните, пожалуйста, что каждому участнику конкурса нужно отправить свои открытки с ответами на задания третьего тура не позднее 15 сентября 1979 года.

ИТОГИ КОНКУРСА МИНИАТЮР

Судя по читательским откликам, «Конкурс миниатюр», организованный «Сменой», вызвал интерес любителей шахмат. Определения итоги этого заочного соревнования, жюри рассмотрело 21238 писем с ответами на задачи, поступившие в нашу редакцию.

В группу победителей, которые премируются дипломами «Смены» и фотоснимками гроссмейстеров, включено 30 человек, приславших правильный и наиболее полный разбор всех конкурсных заданий. Их оценка — 60 очков из 60 возможных. Такой же высокий результат еще у 117 читателей. Их работа отмечена дипломами. Справки о присуждении спортивных разрядов (от четвертого до второго) по шахматам жюри оформило 2470 участникам данного конкурса.

Называем имена лучших: В. Абдрахманова (г. Целиноград), Т. Агафонова (г. Волгоград).

Е. Бахвалов (г. Паневежис, Литовская ССР), Э. Брагин (г. Киев), И. Дохтурова (г. Ленинград), О. Дубровский (г. Хабаровск), Р. Зубенко (г. Харьков, Донецкой обл.), М. Зурахов (г. Кропоткин, Краснодарский край), А. Калинин (пос. Ватуткин, Московская область), И. Кваша (г. Новочеркасск, Ростовская область), Д. Красников (г. Ростов-на-Дону), Н. Краснопева (г. Павлодар), П. Литовченко (г. Оха-на-Сахалине), С. Люкманов (г. Североморск), Н. Лысенко (г. Днепродзержинск), В. Медков

(г. Чебоксары), А. Мильман (г. Хмельницкий), Ю. Плешков (г. Черкесск, Ставропольский край), З. Сосновская (г. Ровно), К. Столянов (г. Варна, Болгария), Ф. Сучков (г. Березники), К. Тавариани (г. Батуми), Г. Тогоидзе (г. Кутаиси), Б. Федосеев (г. Нижневартовск, Тюменская область), Н. Фокин (г. Москва), С. Хачатрян (г. Кировоакан), Л. Черских (г. Калининград), Н. Чистяков (г. Омск), П. Шмелев (г. Молодечно, Минская область), Л. Ястребова (г. Новосибирск).

Редакция и жюри поздравляют читателей, отличившихся в этом конкурсе, и благодарят всех, принявших в нем участие.

Ниже в сокращенном виде следуют решения конкурсных позиций.

Первый тур — 1. Фe8 cd 2. Лh5 x; 1. Кe4 Кр:e4 2. Сс6 x.

Второй тур — 1. Кf6 Кр:f6 2. Фg7x; 1. Се2 Крb6 2. Фа5+ Кра5 3. Сс7x.

Третий тур — (по 1-й задаче всем участникам конкурса присуждено по 4 очка, ибо лишь часть из них нашла симметричную перестановку фигур: белые — Крe1, Лh1, Сg5, Кf1, Kh6, черные — Крf3) 1. Кg3 Крg2 2. Cf4 Крf3 3. 0-0 x; 1. Фe2 Кd4 2. Ла3+ Кра3 3. Фа2x.

Четвертый тур — 1. Кg6 Кр:g6 2. Лh8 Крg5 3. Лg2x; (читатели верно указали, что мат во 2-й задаче дается не в 4, а в 5 ходов) 1. Ла3 Кb7 2. Ch3 Ка5 3. Сg2+ Кb7 4. Лf3 Кd8 5. Лf8x.

Пятый тур — 1. Са4 Са1 2. Фе1+ Крb2 3. Фd1 Крc3 4. Фd4x; 1. Фg7 Лg8 2. Крe5 Крe3 3. Фf6 Лg5x.

Шестой тур — (читатели легко нашли, что диаграммы конкурса

«поменялись местами» с напечатанными в этой же подборке диаграммами фрагментов из партий чемпионки мира) 1. Крb2 Кb3 2. Фc3+ Кра4 3. Фc6+ Кра5 4. Лb5+ Кра4 5. Фа6+ Ка5 6. Кра1 Кра3 7. Ке3 Кра4 8. Лb1 Кра3 9. Фd6+ Кра4 10. Cd7+ Кc6 11. Фd2 Кра3 12. Фb4+|| К:b4 13. Ке2 К:c2x; 1. Крe7 Сg1 2. Крd6 Лf2 3. Крc5 Лf3+ 4. Крb4 Се3 5. Кра3 Сс5x.

Под заголовком «Потренируйтесь перед олимпиадой» в №11—4 журнала мы опубликовали несколько шахматных позиций. Приводим краткие ответы: 1. Крb2 С:g4 2. Фе4 Кр:h5 3. Фh7x; 1. Лc8+ Крe7 2. Лc7+ Крd6 3. Лc5! Ла4 4. Лc6+ Крd5 5. Лh6 Лd4=; 1. Ch7 Крd8 2. Cf5 Крe8 3. Ле1+ Крf8 4. Кb1 Крg8 5. Ле8x; 1. Кf4 Крg3 2. Кd3 Крf3 3. a5 g3 4. a6 Крe3 5. Ке1+; 1. ...a1C 2. Ла1 Фе2 3. Ле1 d1Ф 4. Л:e2 Фа1 5. Лb2 Фа8 6. Кd5 Фа3+ 7. Лb4 Фа1a; 1. ...Се5+ 2. Крf3 Лf4+ 3. Кр:e3 Cd4+ 4. Кр:f4 С:a7 5. Cf3+ Крh4 6. Ch1 Сb8+ 7. Крe3 Са7+ 8. Крf4 Сb8+=; 1. Се8 d8Ф 2. g6 Фh4x; 1. Лb1 abK 2. Фc3+ К:c3x.

Первыми правильными решениями прислали Н. Смирнов (пос. Удельная, Московская область), москвичи В. Надеев, Г. Тоболкина и П. Усейкин, И. Кауранен (г. Пушкин, Ленинградская область), Г. Марушкин (г. Горький), Л. Филимонова (г. Саратов), Е. Лоцилина (г. Калинин), А. Трушанов (г. Рязань), А. Демитниекс (г. Цесис, Латвийская ССР), В. Погосов (г. Баку), С. Катуюков (г. Энгельс).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18.05.79. Подписано к печати 01.06.79. А 01065. Формат 70x108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1515. Заказ № 694. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ЗВЕЗДНОЕ ЛЕТО

Lento

Am⁷ p

Am⁷

Em⁷ dolce

Dm⁷ Am

Dm⁷ D⁹ E⁷ Am

Dm⁷ Am

Dm⁷ E⁷ Am f

Dm⁷

Am⁷

Dm⁷

Am

Dm⁷

Am

Dm⁷ E A

Em Dm⁷

Am G C

Em

Dm⁷

A E⁷

Am

Am

Музыка Аллы ПУГАЧЕВОЙ
Стихи Ильи РЕЗНИКА

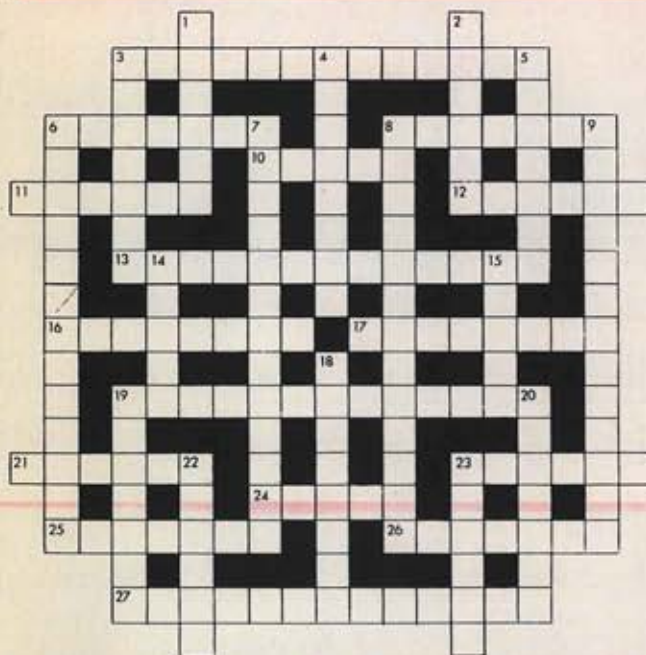
Вся земля теплом согрета,
И по ней я бегу босиком.
Я пою, и звезды лета
Светят мне даже днем, даже днем.

Припев:
Я так хочу, чтобы лето не кончалось,
Чтоб оно за мною мчалось,
За мною вслед.
Я так хочу, чтобы маленьким и взрослым
Удивительные звезды дарили свет.
Лето, ах, лето! Лето звездное, громче пой!
Лето, ах, лето! Лето звездное, будь со мной!

Дождь грибной играет в прятки
С ручейком, и со мной, и со мной.
Ветерок, надев крылатку,
Манит в лес за собой, за собой.

Припев:
Выше птиц взлететь хочу я,
Чтоб взглянуть с голубой высоты
На страну мою большую,
На леса, на луга, на цветы.

Припев:

КРОССВОРД

Составил И. МАРТЬЯНОВ,
Астрахань

По горизонтали:

3. Геометрическая фигура. 6. Столица Таиланда. 8. Опера Ц. А. Кюи. 10. Распоряжение на получение денег, на право занятия жилплощади. 11. Планета Солнечной системы. 12. Героиня оперетты Ю. Милютину. 13. Медицинское учреждение. 16. Руководство вуза. 17. Специальный костюм космонавта. 19. Садовое хозяйство, выращивающее саженцы. 21. Аппарат для очистки воздуха от пыли. 23. Вид искусства. 24. Торговая палатка. 25. Прыжок в балете. 26. Терраса для воздушных ванн. 27. Город в Донбассе.

По вертикали:

1. Врач-терапевт, основоположник физиологического направления в русской клинической медицине. 2. Русский поэт, современник А. С. Пушкина, переведший «Илиаду» Гомера. 3. Типографская наборная машина. 4. Государство в Центральной Америке. 5. Химический элемент. 6. Повествовательная художественная литература. 7. Раздел математики. 8. Построение литературного произведения, взаимосвязь составляющих его элементов. 9. Русский математик, академик XIX века. 14. Руда для получения титана. 15. Тихоокеанская сардина. 18. Преобразователь звуковых колебаний в электрические. 19. Овальная дощечка для смешивания красок в живописи. 20. Щиток, надеваемый для защиты глаз от яркого света. 22. Столица Республики Нигер. 23. Приток Дуная.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 12**

По горизонтали:
1. Лексикография. 6. Циферблат. 7. Горка. 8. «Гроза». 10. Воронихин. 15. Ростов. 16. Осака. 19. Рококо. 22. Изумруд. 23. «Донбасс». 24. Алопеция. 25. Криптон. 26. Вектор. 27. Запад. 29. Вакуум. 33. «Рославль». 35. Итака. 36. Старт. 37. Дарвинист. 38. Полупроводник.

По вертикали:
1. Летка. 2. Слиток. 3. Огранка. 4. Анализ. 5. Якорь. 7. Гаприндашвили. 9. Аккомпанемент. 11. Ессентуки. 12. Контактор. 13. Горноста. 14. Корнейчук. 17. Ступица. 18. Каретка. 20. Тиски. 21. Адана. 28. Пианино. 30. Ротару. 31. Гексод. 32. Укроп. 34. Штрек.

Уренгой. Май 1979 года.

НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ БИБЛИОТЕКИ
ПРИШЛИ ЖИТЕЛИ ПОСЕЛКА.

В СОСТАВЕ
ДЕЛЕГАЦИИ
«СМЕНЫ»
НА ОТКРЫТИИ
БИБЛИОТЕКИ
БЫЛ
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОРРЕСПОНДЕНТ
ЖУРНАЛА
ХУДОЖНИК
ВЕНАМИН
КОСТИЦЫН.
В ЕГО
ЗАРИСОВКАХ —
БУДНИ
МОЛОДОГО
ПОСЕЛКА
У САМОГО
ПОЛЯРНОГО
КРУТА.

